

— **GADGET** —
ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЕВ

ВОЙНА ФЕНИКСА

РОМАН-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
НЕ ИГРАЙ В СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ!

ВЛАДИСЛАВ
ЖЕРЕБЬЕВ

ВОЙНА ФЕНИКСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж59

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на первой сторонке — *Александр Руденко*

Иллюстрация на четвертой сторонке — *Елена Диденко*

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Жеребьев, Владислав Юрьевич.

Ж59   Гаджет. Война Феникса : [фантастический роман] / Владислав Жеребьев. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Гаджет).

ISBN 978-5-17-106045-9

Начало экспансии «мусорщиков». Выброшенный на рынок нейрофон завладел умами людей, распространяясь по планете как эпидемия. Люди не видят разницы между реальным и виртуальным миром. Границы этики и морали готовы рухнуть. Миру грозит хаос. Небольшая группа инженеров, программистов и ученых объединяется для создания устройства, способного подавить нейрофон. Необходимо лишить гаджет связи с миром и освободить попавших в виртуальное рабство людей. Но идейные вдохновители и исполнители начинают гибнуть один за другим при невыясненных обстоятельствах. Майору Прохорову предстоит распутать это странное дело. Сам того не ведая, он вступает в опасную и кровавую игру.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106045-9

© В. Ю. Жеребьев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Бешеный рев двигателя таил в себе столько звериной мощи, что в другой раз Илье Прохорову в голову бы не пришло сесть за баранку этого монстра. Но сейчас у него просто не было выхода. Четыреста пятьдесят лошадиных сил стремительно несли тяжелый бронированный седан по Московскому проспекту, распугивая зазевавшихся пешеходов и редкие такси. Навигатор предсказывал поворот, потом круговое движение. Майор заложил крутой вираж, оставляя на асфальте черные полосы жженой резины. Наконец появился он — спортивный кабриолет ярко-красного цвета, выскочив с Лиговского, машина помчалась в сторону центра, в этот момент Прохоров врубил громкую связь:

— Красный кабриолет, государственный номер: Харитон, три, полста, Татьяна Александр, снизьте скорость, прижмитесь к обочине и остановитесь.

Ответом был всполох. Лобовое стекло разбежалось вереницей трещин, сдержав легкую пулю.

— Красный кабриолет...

Прохоров сжал зубы и вдавил педаль акселератора в пол. Бронированный монстр, с бешеной

скоростью пожирая метры, врезался в задний бампер кабриолета. Спортивное авто вильнуло, и заднее сиденье вновь расцвело всполохами выстрелов. На этот раз пули ушли в молоко.

Майор вышел из себя и решил действовать радикально. Проскочив первый мост, отделяющий беглецов от центрального проспекта, он вновь врезался в кабриолет. Стрелок, явно не пристегнутый, не ожидал такого расклада и, сделав кульбит, оказался под колесами седана. Подвеска дернулась, Прохоров больно прикусил щеку и, почувствовав во рту солоноватый привкус крови, не стесняясь, сплюнул красную слюну. В руке появился пистолет, до этого мирно дремавший в подмышечной кобуре, тяжелый, тупорылый, приятно легший в руку. Держать его навесу и рулить автомобилем было не простой задачей, однако Прохоров с этим справлялся на отлично. Ствол дернулся, и бронебойная пуля, пробив корпус автомобиля, вылетела с другой стороны, осыпав градом осколков дорожную зеркальную витрину ювелирного магазина.

Водитель кабриолета явно не хотел сдаваться. Он крутанул руль и почти ювелирно вписался в узкий проулок, заполненный припаркованными на ночь машинами. Ширины автомобиля хватило, чтобы лишь немного задеть боковые зеркала мирно стоящего автотранспорта, но Прохоров тут же усугубил ситуацию, вогнав свой танк вслед за удирающим без оглядки преступником. Взыла сигнализация, заверещал истерично один автомобиль, потом к его горестному плачу присоединился вто-

рой, третий, и вот уже сонные жители выглядывают из окон, хватаются за голову и спешно звонят в полицию.

Превосходство Прохорова было доказано, однако гребаный водила не желал пасовать, и в какой-то миг оба болида вылетели на Невский проспект. Прохорова бросило в холодный пот, ладони, держащие руль и рукоять штурмового оружия, вмиг намокли, и он, чтобы не натворить бед, осторожно положил ствол на безнадежно испорченное ранее чьей-то кровью пассажирское сиденье.

По бокам замелькали витрины, вздыбились испуганные лошади на Аничковом мосту, неприветливо нахмурились атланты, следящие настороженным взором за проносящимися мимо автомобилями. Однако схема работала. Местные службы уже перекрывали поворот к Арке Главного Штаба и споро разворачивали заграждения на Адмиралтейский набережной. У Прохорова была только одна задача: не дать преступнику свернуть на Дворцовую площадь.

Автомобили закружились в причудливом танце. Они сблизилась бортами, снова грохнул выстрел, на этот раз по колесам, машина майора вильнула в сторону.

Спортивный автомобиль дернулся, ускорился, но не тут-то было. Мощный бронированный борт снова преградил кабриолету дорогу. Скорость была сумасшедшей, автомобиль преступников несло, он мог в любой момент свернуть с дороги на пешеходную зону, где прогуливались влюбленные

парочки и туристы, а это уже было чревато потерями среди гражданского населения. Прохорову могли простить машину министерства, пару витрин, несколько скамеек и с десяток антибликовых импортных зеркал, однако ранение гражданского позволило бы его дражайшему начальству «любить» его как минимум полгода, пылко и изобретательно. Но не это самое страшное. Больше всего оперативников пугала бумажная ссылка, куда время от времени отправляли самых наглых и непреклонных, а порой и проштрафившихся агентов.

Но тут вдруг все пошло не по плану. Прохоров надолго запомнил этот момент. Он фактически отпечатался у него на подкорке. Все, до малейших подробностей, от скрипа тормозов до грохота вмятой решетки радиатора. Выскочив на набережную, вместо того чтобы попытаться прорвать оцепление, нарушитель вдавил педаль газа, бросая своего ревущего зверя на поднимающуюся в небо створку Дворцового моста. Видимо, у него был какой-то план, однако что-то пошло не так. Передняя левая шина на машине преступника вдруг вздулась, а затем разлетелась в клочья. Авто подпрыгнуло, передняя ось сыпанула залпом искр, и, не снижая скорость, сломав ажурное ограждение набережной, болид ушел под воду.

Случилось это быстро, почти мгновенно. Никто даже понять не смог, что в этот раз произошло, и только спустя пару месяцев, перематывая записи, майор различил, как где-то в глубине, ближе к Летнему саду, на миг подмигнула оптика.

В этот вечер туристов в центр не пускали, а перекрытое движение, даже в это время, вызвало небольшие пробки, и только празднично шныряющие по акватории легкие кораблики подогревали любопытство высыпающих на палубу зевак.

Вот чего было не остановить, так это рекламные плакаты, баннеры, табло и даже парящие в небе аэростаты. Особенно агрессивной в последнее время стала реклама телефонов нового поколения, которые можно использовать без рук, не заряжать месяцами и всегда иметь при этом доступ в глобальную сеть Интернет. Провайдеры сотовой связи потерпели крах, ведь телефон нового поколения — нейрофон — по функциональности мог заменить человеку ноутбук, но при этом телефон работал без симкарты, каким-то неведомым образом соединяя абонентов из разных концов мира. Ну, по крайней мере, так гласили рекламные слоганы.

С рекламных плакатов на нас смотрели улыбочивые «арийские семьи», расположившиеся в своих уютных гостиных, за круглым семейным столом или на пикнике в живописном месте. Все они выглядели счастливыми: мужья в дорогих костюмах, красавицы-жены и дети с лицами круглых отличников, — только дурак не захотел бы присоединиться к этой дружной компании всеобщего благополучия и достатка. Люди на плакатах держали в руках пластиковую коробочку размером с половину зажигалки, которая и являлась вожаемым гаджетом — нейрофоном, новой мечтой всех

модниц, мажоров и «статусных» людей. Несколько месяцев назад на рынке мобильных устройств произошла революция, заставившая задуматься о будущем такие компании, как Нокia, Сони, Хьюлит, Паккард и даже, уж простите, Майкрософт.

«Спешите! Только тридцать дней во всех магазинах города нейрофон 2.0! Возможность выходить в виртуальную реальность, год использования без подзарядки и контент, доступный только для владельцев устройства. Игры в жизни, игры по жизни, игры в жизнь».

Несмотря на заоблачно высокую цену устройства, за нейрофоном выстраивались километровые очереди, они перекрывали движение и мешали общественному транспорту. В ожидании своего аппарата люди ночевали прямо на улицах, в палатках.

Общество раскололось на два лагеря: приверженцев новых технологий, прогрессивных членов общества и неохваченных, или регрессоров. Последние просто не хотели помещать себе в ухо устройство, предпочитая общаться с друзьями, знакомыми и коллегами по старинке.

Прохоров принадлежал к последним, и не потому, что не любил новые технологии. Просто у него банально не хватало времени. Будни специального агента, человека с полномочиями, властью очень трудны. Не всегда ему удавалось отдохнуть ночью и в выходные. За последние годы работы у Прохорова заметно прибавилось. Отдел, в котором он

трудился, занимался правонарушениями в сфере информационных технологий, и, отличный оперативник, боевой офицер, очень сильно удивился, когда пришел приказ о его переводе.

Первые пару месяцев он чувствовал себя будто не в своей тарелке, но потом начал вникать, и уже через год отлично ориентировался в терминологии, мог составить нужный запрос или попросить помощи на грамотном и понятном для специалистов отдела языке, однако за столом Прохоров брюки не просиживал. Основным видом его деятельности являлась работа в поле, перехват грузов, арест подозреваемых и, как ни странно, много мордобоя. Преступники стали наглее, оснащенные и подготовленнее. Теперь, даже при виде корочек, они не желают поднимать руки вверх, предпочитая давать бой или, как в случае с кабриолетом, устраивать гонки на выживание в исторической части города.

Сегодня майор держал в руках отчет по весьма странному инциденту.

Рано утром некий гражданин спрыгнул с крыши. Высота была приличная, травмы, полученные при падении, были несовместимы с жизнью, и все выглядело бы вполне заурядно, если бы не одно «но». Молодой человек явно не был ни суицидником, ни рецидивистом в розыске. Это был респектабельный мужчина, который приехал на конференцию.

Досье на Питера Гордона, именно так звали погибшего, было достаточно объемным. Главный

инженер «Бостон Динамикс», шестнадцатый в списке Форбс, человек, на чьем счету сотни патентов, десятки изобретений и модификаций. Семьянин, меценат, при финансовой поддержке которого существует как минимум три некоммерческие волонтерские организации.

Прохоров внимательно посмотрел на фотографию Гордона на первой странице досье. Подобные папки собирались на всех видных персон, пересекающих границу, и в случае надобности информацию можно было поднять из картотеки.

Гордон был красив, такой тип мужчин нравился женщинам, и, судя по насмешливому взгляду, крохотным лучикам морщин в уголках глаз и шикарной, зачёсанной назад шевелюре, парень любил это внимание. Такие жизнь самоубийством не кончают, предварительно перелетев для этого через океан. Тут было что-то другое.

Еще одна из причин, почему дело попало к Прохорову, это скорость расследования. Резкий запах международного скандала ударил в ноздри высокой политики. Требовалось разобраться, быстро и тихо, «замяв» историю, до которой еще не добралась желтая пресса. Однако сделать это было крайне сложно, и те оперативники, что половчей да с мохнатой лапой, ловко увернулись от пресловутой папки с досье на покойника и его улыбающимся портретом.

Телефон на столе майора замигал красной лампочкой, и, подняв трубку, он услышал сухое:

— Зайди.

— Есть, товарищ генерал.

Чувствуя, что речь пойдет именно об американце, Прохоров взял папку, вышел из кабинета и уверенно зашагал к дубовым дверям кабинета шефа, располагавшегося в конце коридора. Там, как всегда, была очередь. С десятков чинов помладше, несколько гражданских и даже пара журналистов скучали в вестибюле приемной генерал-полковника Симонюка.

Оглядев всю эту пеструю компанию, майор пожал плечами и уверенно двинулся вперед, обронив на ходу секретарше:

— Вызывал.

Из распахнутой двери пахнуло корабельным лаком, крепким табаком и снобизмом — ароматами, сопровождавшими власть и твердый характер. Не хватало только запаха пороха, но его в жизни Симонюка было более чем достаточно.

— Ну, чего топчешься? Заходи давай.

Прохоров поспешно шагнул в кабинет и застыл на пороге, пытаясь предугадать реакцию шефа. Как правило, в самом начале недели он был скуп на слова и весьма непредсказуем на действия.

— Товарищ генерал-полковник, майор Прохоров по вашему приказанию прибыл.

Обстановка кабинета, оставшаяся от старого режима, гнетущая и мрачная, генерала вполне устраивала. Длинный стол для заседаний, почерневшие от времени деревянные панели на стенах, слегка выцветшая ковровая дорожка и с десятков массив-

ных стульев находились тут чуть ли не со времен царя Гороха, и даже герб бывшей, когда-то могучей и наводящей ужас на потенциального противника страны все еще висел на стене. Из новинок тут появился только портрет главнокомандующего над столом да простенькая кофеварка. Со всеми своими постами и регалиями Симонюк предпочитал делать кофе сам. Если генерал предложит тебе кофе, значит, все хорошо. Если нет, жди напрягов.

Прохоров помедлил, Симонюк кофе не предложил.

— Садись. Дело по летуну принес?

— Так точно, товарищ генерал, — Илья положил перед шефом тонкую папку с документами, и Симонюк, нехотя коснувшись ее, открыл на первой странице. Изучал он дело недолго, скорей для проформы, и затем, захлопнув, отодвинул на безопасное расстояние.

— Послушай, майор, — начал он вкрадчивую беседу кобры с домашним кроликом. — Тут такое дело...

Прохоров напрягся, не ожидая ничего хорошего, и опасения его тут же подтвердились.

— Из Москвы звонили, из главка, а им прямоком из МИД-а. Просят разобраться в кратчайшие сроки. Основная идея — суицид. Дело простое, я на тебя в нем очень надеюсь. Собери по максимуму все, что сможешь, финализируй и закрой дело по факту недостаточных доказательств преступного деяния.

— Товарища генерал, а можно вопрос?

— Валяй.

— Если это суицид, то не наш профиль, если что другое... — Огонь в глазах генерала при этих словах вспыхнул так ярко, что, казалось, осветил самые дальние темные углы кабинета. — То тем более. Уголовка этим должна заниматься.

— Слушай, Прохоров, — Симонюк покачал тяжелой, лысоватой головой. — Кто-то наверху хочет, чтобы именно ты закрыл это дело. Оно для тебя знаковое. Облажаешься — уйдешь из конторы на заслуженный отдых, нет — получишь зарубку на приклад. Заодно от «Дворцовой» себя обелишь.

— Но это же не моя вина, товарищ генерал, — насупился Прохоров. — Действовали строго по инструкции, выставили посты, перекрыли подходы...

— ...а на выходе двухсотый и убитые водой доказательства. Илья, голубчик, ты пойми меня правильно, многие наверху уверены, что именно ты провалил вроде бы пустяковую операцию и спровоцировал кибер-преступника на такой отчаянный шаг. И им решительно плевать на твои доводы. Думай, Илья, думай, а то вдруг погоны жмут. И сделай все это до выходных, Христом богом тебя прошу. У меня у внука день рождения, я на дачу поеду. Мне совершенно не нужны звонки из Москвы. Вон уже и подарок купил.

Открыв ящик стола, Симонюк достал аккуратно упакованный гаджет, чье название пестрело нынче на каждом углу.

— Нейрофон. Вот, значит, как. Суперустройство.

— А не опасно?

— Да что я, майор, по-твоему, совсем дурак или внуку своему враг? — Грубая тяжелая лапища генерала накрыла крохотную коробочку. — Я уже с начмедом пообщался. Рюхин меня заверил, что все в лучшем виде.

Заняться делом летуна сразу не получилось. Горы отчетности, которые пришлось заполнить, задержали Прохорова в конторе до самого вечера, а когда он, выпив предварительно крепкого черного чая, решил заглянуть в морг, то там никого не оказалось. Дежурный, скучавший в коридоре, пояснил, что все уехали по домам больше двух часов назад, и с этим Илья отправился домой.

Следующий день, необычно яркий, с голубым небом и теплым ветром, проникающим в комнату сквозь открытое окно, был испорчен новой навязчивой рекламой гаджета. Радио на кухне, рассыпаясь в похвалах интеллектуальной новинке, настолько слащаво описывало все преимущества нового устройства, что у Прохорова заболели зубы. Поспешно переключив приемник на другую станцию, он убедился, что о нейрофоне говорят сейчас везде. Диджеи утренней программы захлеб рассказывали друг другу и почтенному слушателю про великолепные бесплатные игры на второй платформе нейрофона и, когда он наконец доберется до широкого рынка, настанет новая эра компьютерных игр и дополненной реальности.

Тяжело вздохнув, майор махнул рукой и, преодолев коридор, закрылся в ванной. По военному

быстро, но тщательно приняв душ, побрившись и пройдясь ладонью по короткому бобрику волос, Прохоров снова проследовал на кухню, где налил себе кофе, быстро разогрел в микроволновке два бутерброда, приготовленные им со вчерашнего дня, и, покидав в себя эту «горючку», отправился в спальню к платяному шкафу. Поскольку Прохоров с недавних пор был в разводе, он один жил в съемной квартире. Нажитые вместе с бывшей супругой жилплощадь и дача отошли при разводе ей. Жизнь холостяка имеет свои плюсы и минусы. Конечно, порой не хватает женского тепла и ласки, а иногда до зарезу хочется котлет и борща, чтоб наваристый, духовитый, да с жирком. Однако и плюсы были очевидны. Удобно лежат нужные вещи, которые не надо искать за закрытыми дверцами шкафов. Тарелки можно мыть перед едой, а вот руки после. И только одежду свою майор привык всегда аккуратно развешивать и раскладывать.

Пройдя в одном полотенце до шкафа, Илья быстро выбрал что надеть — голубую сорочку, галстук в тон костюму и сам костюм, классический, черный. К нему шли мягкие кожаные туфли. Застегнул на левом запястье ремешок массивных часов в стальном корпусе.

Взглянув на часы, Прохоров улыбнулся, взял с прикроватного столика портфель с документами, переложил служебное удостоверение с тумбочки во внутренний карман пиджака, вышел из квартиры и запер дверь. День начинался бодро, день начинался хорошо.

— Здорово, эскулапы, — войдя в морг, майор устремился к столу, за которым скучали два лейтенанта медицинской службы.

Выйдя сегодня в первую смену, они откровенно маялись от похмелья и тоскливо поглядывали на кабинет патрона, полковника Рюхина, где тот в специальном шкафу под замком хранил все спиртосодержащие препараты.

При виде Ильи парни синхронно кивнули и вновь уставились в бумаги.

— Шеф тут?

— А куда ему деться, — синхронно подтвердили медики, что-то выводя в отчетах, папками с которыми был завален стол.

— А летун? Американец, что вчера привезли?

— На месте.

Молодой хмурый лейтенант с проседью на висках, нервно поправил халат и указал на противоположную стену помещения, около которой стояло несколько каталок. Другая стена представляла собой разбитый на несколько секций холодильник со стальными дверцами, где хранились останки потерпевших.

— Тогда я к полковнику. — Прохоров двинулся мимо прозекторских столов, ловко уходя от столкновений с различными предметами, один вид которых мог ввести обывателя в шок. Несколько секунд шествия по белоснежному кафелю пола — и вот она, дверь кабинета, в котором сидит человек, почти наверняка способный пролить свет на случившееся.

— Товарищ полковник?

Рюхин, седой, сутулый, с острым как клинок подбородком и тонкими нервными пальцами пианиста, оторвал взгляд от монитора и благосклонно кивнул.

— Вваливайся, майор. Дай угадаю, зачем пришел. Гражданин Соединенных Штатов Америки, мистер Гордон, сорок три года, множественные травмы, кровоизлияние, повреждение внутренних органов, компрессионные переломы, с жизнью несовместимые. Верно?

— В точку.

— Вовремя пришел. У меня уже запрос на столе. Через час будем голубя в посольство отправлять.

— Скоро они, — майор покачал головой. — Странное что есть?

— Да нет, — Рюхин пожал плечами. — Мелочи одни. Кровь в порядке, патологий не обнаружено, следы опиатов в крови не найдены, впрочем, и любая другая химия по нулям. Следов борьбы тоже. Убойный хорошо поработал, собрали его по фрагментам почти целиком. Все на месте. Вот сам полюбуйся.

Полковник подвинул Прохорову папку с протоколом, тот не глядя опустил на стул. На руке Гордона обнаружились солидных размеров золотые часы, а в кошельке, во внутреннем кармане плаща, нашелся бумажник, в нем было десять тысяч долларов с мелочью и небольшая сумма в рублях. На левом безымянном пальце, по западной традиции, обручальное кольцо, предположительно из платины.

— Не ограбление?

— Нет.

— Вещички его можешь пока забрать. Мы их потом в посольство передадим.

— Спасибо.

Остановившись на пороге кабинета, Прохоров вдруг нахмурился.

— Слушай, Рюхин, ты сказал про мелочи. Что это?

— Ах это? — полковник медицинской службы ухмыльнулся и резанул подбородком воздух. — Смотрю, не теряешь хватку. Пойдем, покажу.

Рюхин вышел из кабинета и направился напрямик к стене с холодильными камерами. Подчиненные, до этого страдавшие от абстинентного синдрома, вмиг стали свежими, подтянутыми офицерами, с блеском в глазах, но хватило их ровно настолько, чтобы патрон прошел мимо.

— Хронота, — бросил Рюхин мимоходом, но тон его был скорее снисходительный.

— Товарищ полковник, так закуска же градус крадет.

— Работаем.

Потянув за блестящую ручку, медик распахнул дверцу, выпустив в помещение морга холод мертвого тела. Вид у господина Гордона был далеко не цветущий. Череп, ранее вскрытый, сейчас вновь помещался на своем штатном месте, а по периметру головы отчетливо виднелась прорезь. Чтобы макушка импортного усопшего ненароком не соскочила, оконфузив собравшихся, медики пристро-

или ее назад на молекулярный клей. Шов в форме буквы «У» обезобразил грудь мертвеца, спускаясь фактически до паха.

— Вот смотри, — Рюхин рывком вытащил тележку и, откинув простыню, подкатил яркую лампу на треноге. Щелчок выключателя — и белесая, в синих разводах кожа Гордона графично отразилась на стальной поверхности каталки. — Травм много, и какие из них были до смерти, какие после, не разберешь. — Палец врача пошел ниже. — Колено было травмировано, но много лет назад. Есть переломы пальцев, тоже старые. Все эти травмы характерны для занятий спортом, так что состава тут не вижу. На парня точно никто не нападал. Нет ни вывихов, ни растяжений, ни связанных с ними кровоизлияний в положенных местах. Под ногтями тоже ничего не обнаружено, а были бы следы кожи и крови, если бы Гордон решил спрыгнуть с крыши не по своей воле. Однако вот.

Медик повернул голову мертвеца и указал на ухо.

— Что там? — Прохоров наклонился, силясь рассмотреть, на что указывал полковник, но, кроме крови и крохотных воспалений, ничего не увидел.

— У него в ухе что-то было, — пояснил Рюхин. — Что-то маленькое, вроде слухового аппарата. Если посмотреть поглубже, то ясно, что сам предмет был имплантирован. Повреждения есть и на внутреннем ухе. Я пошел дальше, вскрыл ему шею, и знаешь, что обнаружил?

Только сейчас Прохоров увидел небольшой разрез, заштопанный суровой ниткой.

— Что?

— Повреждения ствола головного мозга, причем не компрессионные. Выглядит это так, будто бы из него вырвали кусок. Я сделал несколько фотографий, они в отчете. Можешь потом на досуге полюбоваться.

— Что это может быть? — нахмурился майор. — Слуховой аппарат, настолько ценный, что из-за него убили человека?

— Может, и так, — развел руками медик. — Может, и так. Мое дело вскрывать и делать правильные выводы, твое — предполагать. Медицина — наука точная, и сослагательные наклонения в ней ведут к смерти пациента или ошибке в следствии. Я всего лишь говорю, что у Гордона был имплантат, который неизвестно для чего служил. Если бы у меня было больше времени, то я мог бы разобраться, но увы и ах, Прохоров, забирают двухсотого.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Прохоров зашел в кабинет и, грохнув на стол коробку с вещами мертвеца, опустился в кресло. На часах, висящих над входом, было еще только восемь утра, и потому отдел был пуст и тих. Не жужжали кулеры компьютеров, не надрывались от звонков телефоны. Прохоров любил это время. Спокойное, мирное, почти бытовое. Можно было сесть, удобно откинуться на спинку кресла, закрыть глаза и немного помедитировать, однако именно сегодня это в планы Ильи не входило. Вместо этого он открыл

крышку коробки и выложил на стол несколько полиэтиленовых пакетов. Один из них, с одеждой, Прохоров осмотрел первым и, разумеется, ничего не нашел. Пиджак и плащ не имели двойного подклада, тайных карманов или «нычек» в швах. То же было и с брюками, и даже с нижним бельем. Ботинки оказались совершенно обычными. Все, что вынес майор из осмотра вещей, это то, что Гордон косолапил на правую ногу и любил добротные шмотки.

Во втором пакете находились вещи, которые показались сотрудникам полиции наиболее ценными, и, по их общему количеству и весу, вариант с ограблением отметался начисто. Только одно кольцо из платины могло стоить несколько тысяч долларов, а уж о наличности и говорить не стоило. Кредитки и дорожные чеки Американ Экспресс тоже оказались на месте.

В третьем пакете были предметы, на которые стоило обратить внимание. Два фискальных чека, ключ-карта от номера, обрывок посадочного талона из Внуково, паспорт гражданина Соединенных Штатов со всеми нужными штампами и отметками. Паспорт выглядел настоящим, но на всякий случай Прохоров решил дать запрос в Интерпол и Бостонскую полицию, что и сделал, позвонив по нужным телефонам. Парни из Интерпола отработали быстрее американцев и подтвердили, что грехов за Гордоном у них не числится, а вот ответ из Бостона оказался куда более любопытным.

Прежде всего, заокеанские коллеги подтвердили, что инженер «Бостон Динамикс» и остыв-

шее тело в морге — это одно и то же лицо. Они выслали и материалы на покойного, и, если бы не житейский опыт в такого рода историях, то майор бы не обратил на них внимания. Выпускник Массачусетского Технологического, в двадцать лет первый патент, несколько приводов за вождение в нетрезвом виде, радикальные взгляды, хранение марихуаны еще в студенчестве, но все это, конечно, баловство. Стремительная карьера в «Бостон Динамикс», за пять лет от рядового инженера до главы отдела разработок. Еще через три года исполнительный директор, потом совет директоров и, наконец, младший партнер. До старшего партнера и вершины пищевой цепочки подать рукой.

И тут перелом, радикальные взгляды сменяются ультра-радикальными. Гордон начинает работать над собственными проектами, числясь в своем подразделении только номинально. Ничего, что можно было бы назвать терроризмом, однако им интересуются многие. Линии Гордона начинают прослушиваться, замечен русский след.

На этом информация заканчивалась. Полицейский департамент Детройта откровенно намекал на то, что с инженером не все чисто, но, видимо, более влиятельные господа из других структур запретили сообщать что-то большее.

Чуйка — штука нужная. Есть кости, будет и мясо. Прохоров свою чуйку слушал и потому, наверное, до сих пор оставался на плаву. Это странное чувство предвидения, которое возникает у любого

солдата в критический момент, вывело из-под обстрела немало бойцов, позволило затаиться в тот момент, когда снайпер врага рыщет по высоте в поисках открытого лба. Да мало ли что может подсказать чуйка. Главное, это ее развить и постоянно держать в узде, не позволяя играть с восприятием. Рюхин, впрочем, говорил, что это психоз и Прохорову хорошо бы лечить головушку, однако и отрицать существования шестого чувства полностью не решался.

Чуйка подсказывала, что это не самоубийство, тому была масса подтверждений, но доказательств насильственной смерти тоже не было.

— Здорово, Прохоров. — Дверь в отдел распахнулась, и первым на пороге появился лейтенант Зельдин.

Всего в отделе было семь человек. Часть из них, а конкретно четыре военных программиста, отслеживали и нейтрализовали вирусные атаки на правительственные учреждения города и сайты официальных лиц и так в этом поднаторели, что просиживали большую часть времени дома, иногда контролируя отрабатываемые скрипты и правя алгоритмы по удаленке.

Однако были и технические специалисты, медики, инженеры, без которых в деле информационной войны было уже не обойтись. Часто один сотрудник совмещал в себе все эти таланты, и Зельдин был одним из таких многостаночников.

— И тебе здравия желаю, — Прохоров поманил сникшего подчиненного к себе и вытащил из пап-

ки Рюхина фотографию с тем таинственным повреждением в ушной раковине, которое так заинтересовало медика. — Вот тебе ребус на сегодня. Выясни, как можно было нанести повреждения, а самое главное — чем. Клиент в морге, заберут минут через тридцать. Затягивать с осмотром не советую.

— А ты куда?

— В поля. Посмотрю, как живут импортные люди на вражеской земле. Все ли хорошо, все ли комфортно. Кстати, Зельдин, а чего ты сегодня такой нарядный?

Только сейчас Прохоров обратил внимание на то, что подчиненный пришел не просто в форме, а в парадке.

— Так день рождения, — нарочито обидчиво посетовал лейтенант.

Прохоров встал и дружелюбно затряс Зельдинскую руку.

— Поздравляю! Удачи! Карьерного роста! Всех благ!

Определить, где остановился покойный по прибытии в город на Неве, оказалось несложно. Очень скоро, взяв служебный автомобиль, Прохоров ехал по городу, прилежно останавливаясь на всех светофорах, однако путь до гостиницы оказался недолгим. Гордон выбрал для себя отель на Васильевском острове, недалеко от пешеходной зоны, и, заселившись там, выкупил целый этаж. То ли инженер не любил шум, то ли цены на прожива-

ние показались ему совсем смешными, однако на этаже больше никто не жил, да и посетителей у Гордона за последние три дня не наблюдалось.

Версию эту быстро подтвердили коридорный, горничная и молодая бойкая сотрудница рецепшена. Сначала разговор не клеился. Видимо, инженер был щедрым человеком и позаботился о том, чтобы его не беспокоили, но после того, как в разговор вступило служебное удостоверение, информация полилась на Прохорова как из рога изобилия. Через четверть часа майор выяснил следующее.

Питер прибыл на технологический форум, на котором должен был представлять несколько разработок своего подразделения. В день смерти именно ему предстояло выйти на трибуну, о чем свидетельствовали буклеты, найденные в его номере.

Майор сверился с расписанием выставки, сделал несколько запросов и выяснил, что презентация была закрытая, без лишнего шума и прессы. Среди приглашенных значился и сам министр обороны.

«Бостон Динамикс» давно уже занималась разработками в области вооружения и каждый год получала государственные заказы от министерства обороны Соединенных Штатов Америки, однако, оружие не было основной статьёй дохода. Львиная доля разработок была направлена на робототехнику. Гордон делал умные машины, помогающие в жизни и быту. Роботы-минеры, автоматические водители погрузчиков, интеллектуальный софт на-

вигации и тысячи других диковинок, услышав про которые, возликовал бы сам Айзек Азимов.

Реальные намерения Гордона были не до конца ясны. Прослав радикалом, он вряд ли мог официально представлять компанию за рубежом, однако он был на слишком хорошем счету, чтобы его могли отстранить. Прохоров мог побиться об заклад, что стоило Питеру проявить интерес к рынку труда, как он сам бы незамедлительно дал о себе знать.

Ключ от номера идеально подошел, однако, чтобы быть уверенным, майор взял ключ-карты от всех десяти номеров на этаже и планомерно обошел их в поисках хоть малейшей зацепки. Девять номеров оказались пусты, постели не тронуты, напитки в минибаре в полной комплектации. Гордон строго запретил убираться на этаже и в номере, и услужливый персонал с радостью выполнял эту просьбу. Десятый номер, комната инженера, располагалась в самом конце коридора. Со слов служащих отеля, он настоял, чтобы его заселили именно в эту комнату. Прибыл Гордон с одним небольшим чемоданом, попросил, чтобы черный ход, дверь напротив номера, была плотно закрыта, а потом потребовал, чтобы напротив выхода, в нарушение всех правил пожарной безопасности, поставили массивный диван.

Прохоров остановился около него и попытался сдвинуть с места. Дело это оказалось не легким, однако поднапрягшись, он подвинул диван на па-

ру метров, освобождая проход и наделав при этом немало шума. Никто не мог попасть на этаж незамеченным, что говорило о том, что покойный если и не ждал нападения, то все равно чего-то явно опасался.

Подойдя к номеру, Прохоров хотел было отпереть дверь, однако, та, скрипнув, приоткрылась сама от малейшего прикосновения. Чуйка снова разыграла. Майор мгновенно прислонился к стене, и вовремя. Внутри грохнуло, и в двери появилась аккуратная дыра.

— Ох ты ж. — Илья усмехнулся. Рука плавно скользнула под полу пиджака, и тяжелая рукоять пистолета оттянула руку. — Внимание, опустите оружие и выходите с поднятыми...

Еще две аккуратные дырки, на этот раз ближе к косяку, украсили недавно новенькую добротную дверь. Майор опечалился, он очень не любил, когда его перебивают. Прохоров лег на пол, так, чтобы не попасть в зону обстрела, и методично расстрелял всю обойму в дверь, потом еще одну, а когда патроны закончились, снова поинтересовался.

— Возможно, теперь уважаемые бандиты решат сдаться, или еще что-то необходимо доказывать?

Ответом Прохорову было молчание.

Преступник ушел через окно. В тот момент, когда Илья решил поиграть в гангстера и так бездарно тратил казенные боеприпасы, незнакомец открыл окно и, неспешно пройдя по карнизу, добрался до пожарной лестницы. Там позже обнаружили от-

печатки и частички одежды. Следственная группа, прибыв на место, установила, что неизвестный проник в номер минут за десять до прибытия Прохорова. Камеры видеонаблюдения засняли, как неизвестный, невысокий худощавый человек, лицо которого не удалось разглядеть из-за капюшона, просто вошел в здание, поднялся по лестнице и, открыв электронный замок собственным ключом, исчез в номере.

Внутри было все перевернуто. Ящики опустошены, карманы на одежде вывернуты. Даже горшок с растением пострадал от досмотра. Неизвестный пошел дальше и исследовал смывной бачок в туалете, оставив при этом отпечатки пальцев.

Преступник что-то искал, однако, что конкретно, установить не получилось. Дело стремительно выходило за рамки самоубийства, и втиснуть его в них теперь не представлялось никакой возможности, о чем майор с сожалением сообщил генералу. Симонюк был явно не в духе, спустил на Илью «всех собак», жонглируя такими идиоматическими выражениями, от которых покраснел бы, наверное, даже самый прожженный циник.

— Даю тебе времени до вечера четверга, — сухо бросил генерал в самом конце разговора. — Ты закроешь это дело в любом случае, иначе смотри мне. Не смогу защитить.

Повторная проверка чеков, которые Прохоров взял из вещей покойного, выявили пару адресов, и, чтобы не возвращаться в контору, он решил их

посетить. Первый был пустяковым. Зайдя в грузинский ресторан, накануне печального события, Питер Гордон заказал бараний шашлык, хачапури и салат из баклажанов. По фотографии, которую показал администратору майор, служащий уверенно узнал инженера.

— Он долго тут сидел, все со своим приятелем разговаривал.

— С приятелем? — Прохоров почувствовал тревожный щелчок вновь появившейся зацепки. — Каким еще приятелем? Как зовут?

— Да почему я знаю? — администратор с грузинской фамилией на бейдже повел покрытым щетиной подбородком. — Я не прислушивался. Могу позвать официантов, что обслуживали. Да я запомнил-то только потому, что они очень долго выбирали из меню. Почти час его листали.

Сев в баре, Прохоров дождался, когда найдут девушку, которая обслуживала инженера и его загадочного знакомого. Светловолосая, плотная, с выцветшими серыми глазами и ярким макияжем, Галина диссонировала со спокойным мирком грузинской харчевни. Она оказалась бойка на язык и не сбавила гонора даже при виде удостоверения.

— Да странные, оба два, — поделилась она, подперев пухлой ладошкой второй подбородок и поправляя свободной рукой черный форменный передник. — Сначала этот, в капюшоне, пришел. Разило от него чесноком, так что хоть форточку открывай, но мы — заведение демократичное,

никому не отказываем, кто порядка не нарушает и платить готов. Потом этот, американец, прискакал на кривой козе. Так торопился, что весь запотел, будто пол-литра с мороза.

— Галина Александровна, а почему вы решили, что второй — американец?

На лице официантки отразилась мысленная активность, да такая, что появились морщины на лбу.

— Да он сам и сказал. Да и потом, он же наличкой расплачивался. Я когда его кошелек увидела, конечно, не специально, прямо обабдела. Одни баксы. Ограбили его, что ль? Так не мудрено. Кто же с такими деньгами по улице ходит?

— Это к делу не относится, Галина Александровна, — поспешил перевести разговор в нужное русло Прохоров. — Как выглядел этот, который чесноком пах?

— Да как неудачник, — пожалала официантка плечами. — Американец холеный такой был, с маникюром, стрижечка аккуратная, кольца на пальцах, толстые такие, видно сразу, дорогие. А этот в толстовке, небритый, бледный что мука. Шурился постоянно, когда дверь открывали. Я уж думала, попадет на него солнечный луч, так парень задымится. — Небритый он был. Волосенки жиденькие. Больше ничего особенного не помню.

По описанию выходило, что в харчевне Гордона ждал либо опиумный наркоман, либо вампир.

В помещении тоже имелись камеры, однако и они не смогли показать майору лицо таинственного незнакомца. Запись нашлась чудом. Еще пару

дней и сервер просто затер бы файлы за ненужностью, однако, выяснить получилось еще один факт. Фигура незнакомца, что, по предположению опергруппы, открыл огонь через дверь номера, была очень похожа на посетителя кафе. Та же сутулость, стиль в одежде, чуть видный из-за тени небритый подбородок. Щетина редкая, бороды на лице парень вырастить не сможет, как бы ни старался.

Вызвав портретиста, Прохоров двинул на следующий адрес, по пути обдумывая все, что смог узнать в ресторанчике. Двое встретились в середине дня. Долго заказывали еду, потом неспешно разговаривали, однако, спустя пару часов о чем-то хорошенько поспорили. Гордон даже перешел на крик, на что его товарищ, пытаясь утихомирить своего собеседника, даже пару раз усадил его на диван, надавив на плечи.

При выходе из харчевни, человек в капюшоне прятал лицо.

Вторым адресом оказался офис продаж нейрофонов, что было странно вдвойне. Парень в голубой рубашке, стоящий возле стенда с устройством, тоже признал на портрете Питера.

— Приходил, — честно ответил он. — Купил вторую модель. Я предложил помочь одеть, но он отказался. Сказал, мол, в подарок.

— Больше ничего?

— В точности. Расплачивался наличными, попросил все документы. Я ему гарантию даже до-

полнительную выписывал. Смотрю, вы не пользуетесь. Не хотите приобрести?

Прохоров обвел взглядом зал, битком набитый желающими приобрести новинку высоких технологий. Шум внутри помещения стоял такой, что при общении даже приходилось кричать.

— Даже не знаю, — Прохоров пожал плечами.

— Попробуйте, — продавец, молодой розовощекий парень, с ловкостью фокусника открыл коробку и вытащил на свет крохотное устройство серого цвета. — Уникальная штука. Все сертификаты присутствуют, на рынке совершенно легально. У нас есть дилерский договор с производителем. Собирают в Индии, но сейчас там все собирают, от автомобилей до наручных часов. Качество великолепное, для здоровья совершенно неопасно. Минздрав выдал сертификат, полностью это подтверждающий.

— А как он действует?

Майор с сомнением взял в руки нейрофон, такой маленький и хрупкий на вид.

— Очень просто. Связь с сетью поддерживает по спутникам на орбите, потому можно позвонить по интернету кому угодно, если установлены соответствующие мессенджеры. Поскольку трансляция идет напрямую в кору головного мозга, то эффект от ношения удивительный. Я сам не верил, пока не попробовал. Второй день наслаждаюсь.

В доказательство своих слов продавец повернулся левым ухом, представив на обозрение собственный девайс. В ушной раковине его фактиче-

ски не было видно, и если бы парень не сказал, то Прохоров в жизни бы не обратил на это внимание.

— Ну а что он еще может?

— Помимо того, что не нужно занимать руки во время вождения? — продавец довольно усмехнулся. — Он совершенно безвреден, в отличие от обычных сотовых телефонов с передатчиками. Никакого негативного влияния на организм, на сетчатку глаза проецируется экран, из-за чего кажется, что перед глазами парит небольшая прозрачная панель навигации, а дальше дело за малым. Хотите — играйте, можете новости читать или с друзьями переписываться. Интуитивный интерфейс вас приятно удивит. Даже Стивен Хокинг признал выдающимся достижением человечества появление нейрофона. Теперь он лучше, дешевле, быстрее. Прогресс не стоит на месте.

— Постой, ты сказал, что в ухо вставляется. — Майор опасливо положил устройство обратно в коробку. — А потом про головной мозг и сетчатку. Что-то не знаю я таких устройств, которые безболезненно бы работали на таком тонком уровне.

— Поверьте, все происходит совершенно безболезненно. — Продавец вновь весело подмигнул и, подцепив свой нейрофон, осторожно, почти с трепетом, извлек его из уха. В тот момент, когда гаджет оказался на ладони парня, на лбу его выступили крупные капли пота, однако улыбка не ушла с лица. — В любой момент вы сможете избавиться от устройства, однако, когда поймете, насколько оно великолепно, захотите ли?

Илья вернулся в седьмом часу вечера и был удивлен, когда увидел склонившегося над документами Зельдина. Парадный пиджак именинника давно уже перекочевал на спинку стула, волосы на голове лежали в полнейшем беспорядке, на лице отпечаталась глубокая задумчивость, но глаза блестели тем самым неукротимым энтузиазмом, которого опасалось высшее руководство, и, надо сказать, не без основания.

— Ты чего сидишь, отличник? — Прохоров с облегчением повесил на вешалку пиджак и, опустившись в кресло, вытянул ноги. Ступни гудели как высоковольтные столбы. Хотелось скинуть ботинки, однако это божественное ощущение было слишком интимно, чтобы позволить его себе при посторонних.

— Да вот, — Зельдин оторвался от документов. — Подкинул ты мне задачку на целый день мозгового штурма.

— И как? — поинтересовался Прохоров. — Решаемо?

— Почти. Устройство, что было в ухе у пострадавшего, а это было именно устройство, находилось там не более часа. Я с медиками поговорил, сделал соскоб, запросил поддержку центральной лаборатории. Все говорит о том, что действовала биологическая агрессивная среда, однако наличие частиц пластика и еще чего-то, явно искусственного, очевидно.

— Постой, — брови майора удивленно взлетели вверх. — Ты хочешь сказать, что в голове Гордона жил гном в коробочке?

— Пока выясняем, — пожал плечами лейтенант. — Однако я пошел дальше и сделал запрос по медицинской базе. Случаев с похожими повреждениями раньше не наблюдалось. Но за последнее время, это примерно за месяц до происшествия, всплыли похожие ситуации. Все они летуны, все до единого. Два случая в Новосибирске, один в Екатеринбурге, три в Москве и еще два в Питере. Все они не дошли до нашего ведомства, потому как расшиблись сограждане, и следки не сочли нужным информировать бюро. Я тебе файл по почте отправил с неплохим портфолио по этому вопросу.

— Сам изучил?

— А то.

— И выводы.

— Совершенно незнакомые друг другу люди. Возможно, детальный анализ и покажет что, но на это уйдут недели. Разные слои населения, доходы, место жительства, предпочтения, привычки, сексуальные пристрастия и даже история браузера. Ничего такого, что могло бы их связать воедино.

— Значит, не серийный убийца?

— Я этого не говорил. Кстати, я тут по собственной инициативе обратился к «Большому брату». Они, что странно, откликнулись. Сказали, что сопровождали саммит, а заодно, по старой партийной привычке, глушили все источники передачи данных. И надо же было такому случиться... — лейтенант выдержал театральную паузу, но Прохоров уже собрался и не выдал своего волнения. —

Что они засекли мощнейший поток информации. Они сбросили файл, который передавался. Игорь, из технарей, его три часа из хранилища вытаскивал.

— И что?

— Так он ждет тебя.

— Так что же ты сразу не сказал!

Прохоров вскочил, забыв про усталость в ногах, и бросился в технический отдел. Самый настоящий дата-центр, со всеми возможными степенями защиты, от виртуальных до физических, находился в подвале здания, и, чтобы попасть туда, требовалось пройти три поста защиты, сдать служебное оружие и подвергнуться личному физическому досмотру. На счастье, кабинет Игоря, местного админа, находился на границе этой неприступной крепости.

Слетев по помпезной каменной лестнице, проскользнув мимо галереи портретов руководителей ведомства, перемахнув через скамейку и чуть не своротив гигантский фикус в кадке, который, по слухам, посадил сам Железный Феликс, майор оказался около двери Игоря Платонова.

— Игорюха, ты тут?

— Тут, куда я денусь, — розовощекий, пухлый парень в толстовке, с совершенно неуставной прической и внешним видом, сидел за компьютером, что-то бодро настукивая на клавиатуре. Рядом с ним лежали две пары очков виртуальной реальности, которые Прохоров видел в канфискате, как раз на прошлой неделе. — Ты долго?

— Работа.

— У всех работа. Зельдин сказал?

— Да.

Прохоров застыл, обозревая горы разобранных компьютеров, трещащие по швам картонные коробки с «горелым железом», не выработавшим еще срок амортизации, и прочим компьютерным хламом, что админ бережно хранил в своих владениях.

— Ну, не томи.

— Сядь пока, грузится. Я на очки выведу, для пущего эффекта.

Майор стряхнул со стула, стоящего рядом, ворох бумаг, подкатил его еще ближе к столу Игоря и уселся. Мебель протестующе скрипнула, однако Илья не обратил на это особого внимания.

— Значит, так. Файл здоровый, но не такой, как если бы его под стандартную мелкомягкую платформу делали. Тут другое, — Игорь снова застучал по клавиатуре.

— Ты яснее выражайся, — поморщился Прохоров. — Я в поле работаю. Мне чем проще, тем быстрее арестую.

— Все бы вам, товарищ майор, в кандалы, — усмехнулся Игорь, и тут же, смягчившись, кивнул почти доверительно. — Если вкратце, то парни из Большого дома внезапно расщедрились, а заодно и расстарались. Засечь передачу — это одно, а записать ее без потерь — совсем другое. Растут, уважал их.

— А что кроме общего признания злейших друзей?

— Кроме этого много что. Файл здоровый и не зашифрованный. Платформа сначала показалась мне совершенно незнакомой, но я копнул в Интернете и очень скоро выяснил, для чего софт.

— И для чего?

— Нейрофоны. Только их операционная система настолько гибка и быстра, что способна переработать такой поток информации без потери качества. Вот представь себе обычный мобильный телефон.

— Ну, представил, — Прохоров уверенно кивнул. — Я же не совсем дурак.

— Я не о том. Передача даже через LTE, в идеальных условиях, ну скажем на метр, это вроде выстрела из воздушки. Прием-передача массивов информации в нейрофонной операционной системе сродни выстрелу из главного калибра, точнее, эффект от выстрела такой, а вот ствол-то от воздушки остается. Я преклоняюсь перед архитекторами баз данных и разработчиками среды нейрофона. Они просто гении.

— Кстати, что можешь сказать об устройстве в целом? — решил поинтересоваться Прохоров. Мнение технического специалиста, державшего в руках ключи от сетевых хранилищ ведомства уже не первый год, казалось ему весьма авторитетным.

— Очень продвинутая игрушка, — пожал плечами Игорь. — Продвинутая и опасная. Доподлинная реальность, это вам не фунт изюму. Я тебе сейчас покажу. Надевай очки.

Прохоров слышал о дополненной реальности, однако ничего опасного в этом не видел. Суть технологии заключалась в том, что на реальную картинку накладывался виртуальный персонаж, вроде покемонов, но ни он, ни любой другой нарисованный фантом не способны были нанести физического вреда человеку.

Приняв из рук Игоря очки, майор надел их и стал ждать, однако время шло, но ничего не происходило.

— И что тут опасного?

— Ты на руки посмотри.

Голос админа был почти издевательским, с ноткой сарказма и, похоже, превосходства. Илья пообещал себе надавать при случае наглецу по шее, однако отложил воспитательный процесс до другого случая. Рука, поднесенная к глазам, больше этой рукой не являлась. Это было что-то другое, перья, большие, белые, плотно прижатые друг к другу, шли по всей руке, уходя за спину, где расходились в огромное, сияющее крыло. Со второй рукой было все так же. Майор поднял глаза, взглянув в зеркало напротив, и оторопел. Он был ангелом. Мощный торс, разящий взгляд, нимб над головой. Белая тога сменила деловой костюм, волосы, светлые и кудрявые, антично ниспадали на непомерно широкие плечи. Талию Прохорова охватывал пояс из золотых колец, а икры ног обвивали тонкие ремни кожаных сандалий.

— Охренеть, — только и смог он произнести.

— Ты на меня посмотри.

Майор перевел взгляд на Игоря. Перед ним предстал во всей красе новый админский лик. То был ангел черный, яростный, с пылающим взором и оскалом зверя, искореженный, горбатый, с крыльями изломанными и обожженными. Вокруг головы Игоря пылало пламя, а прямо из лба выросли два здоровенных рога. Тога, пурпурно-черная, с рубинами-пряжками и стальными кольцами пояса на талии, да две козлиных ноги, закинутых одна на другую.

Илья поспешно снял с лица очки, потом снова надел, потом опять снял. Увиденное им было настолько реалистично, что если бы он сам не наблюдал эффект, то в жизни бы не поверил рассказам о подобных метаморфозах.

— Это еще что, — поделился админ-демон. — Ты хороший, я плохой, но это только вершина айсберга. Я поднял матчасть по нейрофону. Он воздействует прямо на мозг. В коде есть часть, которая буквально заставляет тебя почувствовать себя ангелом. Эйфория, неведанная сила, уверенность в том, что ты бессмертен и можешь летать. В обычных очках виртуальной реальности мы только видим образы, но я бы попробовал такую штуку сам. Конфета — а не игра.

Картинка потихонечку начинала вырисовываться. Голова Прохорова уже гудела от обилия информации, хотелось есть, еще больше спать, и, отложив мозговой штурм на следующий день, майор отправился домой. Когда он заруливал во

двор, карман пиджака завибрировал. Неспешно припарковавшись, Илья вытащил мобильник и сморщился. На экране устройства отображалась информация «Номер не определен».

— Майор Прохоров, слушаю.

В трубке послышалось вежливое покашливание, будто кто-то заранее прочищал горло перед важным разговором.

— Приветствую тебя, майор.

— И вам не хворать. С кем имею честь разговаривать?

В трубке на секунду повисло молчание.

— Это не важно, однако знание может вызвать массу осложнений. Слушайте меня и не перебивайте.

— Кто это говорит, представьтесь, или я повешу трубку. Вы разговариваете с сотрудником особой службы. Не советую устраивать телефонные розыгрыши. Ваши действия могут быть расценены как двести тринадцатая статья уголовного кодекса Российской Федерации, способная повлечь ...

— Гордон, Питер Гордон.

Гнев в голосе Прохорова мгновенно улетучился, уступив место любопытству.

— У вас есть информация по поводу смерти Гордона?

— Майор, — незнакомец в трубке вдруг показался Илье очень уставшим. — У меня есть информация. Я говорю по защищенному каналу через десяток прокси-анонимайзеров, так что ни один ваш спец не сможет меня найти. Однако время

идет, у меня есть пять минут, три из которых вы уже потратили на препирания.

— Мы можем встретиться?

— Нет. Это опасно, не для меня, для вас в первую очередь.

Майор покачал головой.

— Говорите.

— Я знаю, зачем и к кому приехал Гордон. Он же прилетел в Россию не только своими роботами похвастаться.

— И зачем же?

— У него был партнер, негласный. Таких не вносят в документы, не приглашают на светские рауты. Имени я не знаю, а вот в теневой сети он личность знаменитая — Краш. Ищите Краша. Он многое сможет объяснить. И еще одно, я тебе кое-что пришлю. Посмотри, так и только так ты сможешь подобраться к этому парню.

— Зачем тебе это? — Прохоров не верил анонимным доносчикам. Нельзя было проверить информацию, устроить перекрестный допрос. Все, что у него было, это слова незнакомца, возможно, сидящего где-нибудь в интернет-кафе в Перми или Новослободске и пишущего разговор, для того чтобы выложить его в глобальную сеть.

Домашний компьютер показал почту, в которой лежал небольшой видеофайл. Прохоров уселся за монитор, прихватив с собой кружку крепкого чая, прогнал антивирусную пароварку, убедился, что важных документов на его персонaлке не имелось, и только после этого запустил видео.

Сцена, отобразившаяся перед ним, по факту была местом преступления, с той лишь разницей, что полиция на него еще не прибыла. Угол обзора был странный, как будто с вебкамеры. Прохоров специально заказал видео со всех камер, установленных на ближайших кафе, банках и магазинах, но ни одна из них не дала ценной информации, а частный сектор, видимо случайно, заснял момент катастрофы.

Гордон рухнул вниз, застыл, дернулся, что странно, потом затих окончательно. Это был инженер, сомнений быть не могло, но дальше пошла нужная информация. Тот самый парень в капюшоне, который обедал с инженером в ресторане, появился через пару минут после трагедии. Лица его по-прежнему не было видно. Парень принялся судорожно рыться в карманах мертвеца и после, видимо, ничего не найдя, быстро удалился из поля зрения объектива. Прохоров уже было хотел отключить видео, однако появился новый персонаж. Одет он был так же и явно знал, что рядом кто-то снимает. Лицо его было закрыто шейным платком, и опять же разглядеть что-то не получалось. Человек наклонился, закрывая собой обзор, а потом поспешно убрал в карман что-то красное. Голова Гордона поменяла свое положение. Переломанные кости шеи позволяли вертеть ее, как тряпичную куклу.

Теневой Интернет, место опасное, захватывающее и интересное. Весь компьютерный криминальный мир, от продажи ворованных запчастей

до взлома страниц в социальных сетях, готов предоставить тебе свои услуги, стоит только зайти через нужный софт на нужный скрытый от индексации поисковиками портал. Оружие, работоторговля, наркотики, корпоративный шпионаж и даже убийства — все это можно без труда заказать, имея подход и нужную сумму на счету, и именно потому особый отдел дневал и ночевал там, выискивая зацепки по текущим преступлениям.

Прохоров отлично понимал, что соваться в теневой интернет в поисках таинственного Краша лично ему точно не стоит. Местная тусовка быстро расшифрует в майоре сотрудника органов, и Краш сменит явки и уйдет на дно. Илья предполагал, что после смерти Гордона компьютерный поделщик и без того перестал проявлять активность, а наличие майора в сети вызовет его полнейшее исчезновение. Однако мир не без добрых людей, и люди те — информаторы. Вы будете удивлены, но стукачами они себя не считали, и даже находились те, кто сливал информацию по собственной инициативе. Большая часть, впрочем, работала исключительно для того, чтобы замолить свои былые грехи и не позволить старому уголовному делу вновь попасть в производство.

Одним из таких информаторов был студент Курехин, хороший программист, однако ленивый и безответственный человек, в свое время оступившийся на подделках кредитных карт. Он периодически подбрасывал Прохорову нужную информацию и мог сделать то, чего тот же Игорь

из отдела не стал бы воспроизводить по идейным соображениям.

Утром следующего дня Прохоров вышел из дома, держа в руке пластиковый термос с кофе, и направился на поиски Курехина-студента. По адресу прописки парня можно было не искать, он там появлялся крайне редко, как и в институте. Был один адрес, квартира на окраине города, где его видели, и не раз, первым делом Прохоров направился туда. В квартире его встретила хмурая пожилая тетка, Зимина Александра, шестьдесят третьего года рождения, проходившая ранее по делу о сбыте и распространению наркотиков. Так уж сложилось, что на ее квартире появлялись, а иногда и проживали разные темные личности, однако сегодня ничего подозрительного не было. Зимина побожилась майору, что студента не видела с четверга, однако рассказала, где его можно найти.

В новом районе, рядом с Оккервилем, в подземном комплексе снимался склад, о котором часто разговаривала местная публика. Там за наличку или травку можно было достать поддельные права, справки, больничные или пароли от социальных сетей неверной супруги.

Здание склада находилось в подвале приличного двенадцатизэтажного дома с огороженной территорией, зелеными газонами, тремя десятками парковочных мест и детской площадкой. Попасть туда оказалось непросто. Вахтер решительно не хотел открывать незнакомцу дверь даже после

того, как тот представился. Прохорову пришлось перелезть через забор. Едва его ноги коснулись черной полосы асфальта, позади послышались торопливые шаги.

— Ах ты, сука пархатая, пробрёлся таки, ну сейчас я тебя в ментовку-то...

Занесенный над головой майора продолговатый черный предмет, позже опознанный как резиновая дубинка, просвистел совсем рядом с виском, чудным образом расстроив и обескуражив Прохорова. Расстраиваться Илья не любил и, придав лицу выражение добродетельного голодного людоеда, резким движением руки вбил кадык ретивого охранника внутрь, заставив его рухнуть на землю и музыкально захрипеть.

Присев, Илья дружелюбно похлопал корчащегося в судорогах противника по спине.

— Ты, парень, не переживай, горло поболит с полгодика, потом говорить заново учиться будешь. На твою сволочную сущность это никак не повлияет.

Проходящие мимо жильцы схватились за мобильные телефоны, кто-то полез в багажник собственного автомобиля в поисках хоть какого-нибудь оружия. От массовой драки спасло служебное удостоверение.

— Всем спокойно. Работает специальный отдел, — хорошо поставленным голосом пояснил Илья, показывая корочки по кругу всем желающим. — Этому, — брезгливый кивок в сторону поверженного противника, — «скорую» вызовите,

а то ведь задохнется. Всем спасибо, расходитесь. Впрочем, если кто желает, можете побыть понатыми, это не займет много времени.

После столь лестного предложения желающих вдруг значительно поубавилось, и только какая-то сердобольная старушка, сидевшая на скамейке неподалеку, бросая опасливые взгляды на Прохорова, принялась названивать по мобильному телефону.

Обойдя дом, вход в помещение находился с противоположной стороны, Прохоров нашел неприметную дверь и нажал на прикрепленный к косяку дверной звонок.

За дверью зашевелилось, забулькало, камера над входом неприветливо вильнула объективом.

— К кому?

— К Курехину.

— Нет тут таких, не проживают, — сварливо поделился ловко спрятанный в кирпичах динамик.

— А ты поищи, — дружелюбно попросил майор. — Скажи, что Прохоров ищет.

Повисла неловкая пауза, растянувшаяся на несколько минут, после чего щелкнул электронный замок и дверь отворилась. В проеме мелькнула небритая бледная физиономия с раскосыми глазами и толстыми, будто два вареника, губами на вытянутом лице.

— Проходи. Он в зале. Только без глупостей.

Илья шагнул внутрь и тут же оказался в темноте. Неясный свет, пробивающийся из-за плотно зашторенных окон, создавал неприятную гнетущую атмосферу. Пахло хлоркой, табаком и горелой

изоляцией. Вареник нехотя указал на коридор, по которому предстояло пройти до таинственного зала, и, пожав плечами, Илья двинулся в нужном направлении. Грубо оштукатуренные стены вскоре стали светлей, слабые лампы, забранные в сетку, давали немного света, из-за чего помещение выглядело еще хуже. Черета дверей, по правую и левую сторону, хранила в себе много секретов. Откуда-то доносилась музыка, другая скрывала грубую брань, чуть дальше звенели посудой, и слышалось гудение газовой горелки.

В зале оказалось мало народу. Прямо посреди помещения стоял стол, на котором расположился толстый бородатый мужик в кожаных штанах. Раздетый по пояс, он, с гримасой мученика на физиономии, позволял девице, чьи руки и большая часть лица были забиты татуировками, трудиться над своим правым предплечьем. Из-под иглы машинки на коже толстяка сквозь кровь проступала оскаленная морда волка. Занятые своим делом, они не обратили на Прохорова ни малейшего внимания. Чуть подальше стоял большой кожаный диван, на котором спали две голые девицы и лысый тип в рваных джинсах и два компьютерных стола, за которыми, сгорбившись, сидели болезненного вида люди. В одном из них Илья узнал студента Курехина. При виде майора тот нехотя кивнул и, отделившись от своего кресла, неуверенно шагнул вперед. Парень был сильно пьян.

— Здравов, пехота, — неуверенно, однако радостно сказал он. — Чего приперся?

Большое количество чего-то одурманивающего явно притупляло чувство его самосохранения. В трезвом виде Курехин бы никогда не отважился на такие обороты речи.

— Что жрал? — хмуро поинтересовался майор. — Химия? Гомеопатия? Бухло...

— Да ладно, начальник... ик, чего ты право слово. Как теща из Гомеля приехала...

— Ага, она, родная.

Имевшаяся в зале раковина с краном пригидилась как никогда кстати, и вскоре недовольное бульканье и мат заполнили зал. Холодная вода обрушилась на затуманенную голову студента оживляющим дождем, проясняя сознание и выставляя приоритеты, и уже через десять минут, мокрый до нитки, недовольный, но способный соображать, Курехин злобно пялился на Прохорова из дальнего угла.

— Ожил? Думать можешь?

Уверенный кивок.

— Разговор есть, не для чужих ушей.

Студента вдруг передернуло от омерзения.

— Говори тут, — выдавил он сквозь зубы. — Тут все свои.

— Краша знаешь?

На лице Курехина появилось откровенное удивление, быстро сменившееся новой порцией злобы.

— Да кто его не знает?

— Что за человек, как зовут, адрес?

— Начальник, ну ты даешь, — студент поднялся и принялся стаскивать с тощего торса промокшую

насквозь майку. — Он же тень, шатун, мать его. Если бы кто-то знал, как его зовут, ну вот, в реале, то ты бы ко мне не пришел. Прошуршал бы страницами, и готово.

— Выйти на него можно?

— Можно, только сложно.

Прохоров положил ладонь на узкое плечо собеседника, и тот болезненно дернулся.

— Ты мне не крути. Если пришел за тобой в эту помойку, значит, возникла острая необходимость. Я его не арестовывать собираюсь, а скорее защитить.

— Иди ты, — оскалился студент. — И от чего же? От антивируса Касперского?

— От полета в небеса, — Прохоров отпустил парня, и тот, опасливо попятившись, принялся выжимать на пол воду из своей футболки. — Попытайся связаться с ним, сообщи что и как. Дай мой номер, я жду.

Звонок от осведомителя прошел через тридцать минут после того, как Прохоров покинул «склад».

— Нашел я его, начальник, но было непросто.

— Давай.

— Он сначала на контакт не шел, но я ему сказал про полет, и он вдруг запел будто соловей. Прямо волшебное слово.

— Что выяснил?

— Толком ничего. Номер сбросил какой-то. Сказал, что если это действительно ты, то разрешишься без труда.

— Сам номер пробивал?

— Не успел. Сразу тебе звонить. Ты мне такой кайф обломал, так не особо охота тебя в ближайшее время видеть. Услуга за услугу, так сказать.

— Номер где?

— Сейчас, сброшу.

Приехав в отдел, майор положил на стол мобильник и, открыв мессенджер, взглянул на высланную студентом цифровую комбинацию. Больше всего это походило на порядковый номер чего-то, шесть цифр, вразнобой, последнее целое. Все просто, отдел по защите свидетелей.

Подключившись к закрытой сети ведомства, уже через десять минут майор имел исчерпывающее досье на Краша. Фигурой он был легендарной, если не сказать больше. Пионер отечественного хакерства, из хорошей семьи. Отец бизнесмен средней руки, мать — учительница младших классов. В нулевых новый бизнес, торговля валютой, дела идут хорошо, и появляется новый образчик советского гражданина, золотая молодежь. Краш оказался из таких. Учился за границей, с восемнадцати лет жил в квартире на Невском. Был популярен среди женщин и ходил в должниках у брокеров. В конце девяток был пойман на взломе базы данных МИДа. Чтобы не загреть в Черного Дельфина, решил сдать несколько крупных криминальных авторитетов, слив спецслужбам их черную бухгалтерию. Информация о доносчике ушла, и находчивого программиста решили разлучить с головой, но тот успел попасть в программу

по защите свидетелей. Сменив имя, биографию и место проживания, Краш получил запрет на использование компьютеров, и, чтобы прокормить себя, вынужден был работать продавцом в магазине. Страх постепенно улетучился, а вот потребности, оставшиеся от прошлой жизни, давали о себе знать, и вскоре парень снова начал промышлять сетевыми безобразиями. Если первый случай был скорее спонтанным, на спор, то теперь он действовал чрезвычайно осторожно и методично. Выполняя некоторую грязную информационную игру, он получал карт-бланш на свои мелкие делишки, с чего и жил.

Александр Иванович, по прозвищу Краш, был прописан в Ленинградской области, под Гатчиной, и именно туда и выехал майор. Полуторачасовая неспешная поездка по свежотремонтированному шоссе, с заездом в кафе для перекуса, показалась Илье настоящим отдыхом, однако по прибытии на место он растерялся. Представший перед ним садовый кооператив был буквально наполнен домиками, и вычленить, в каком из них проживает Иванович, не было никакой возможности. Пришлось по старинке обращаться в местную управу, представившись дальним родственником, решившим навестить племянника, а заодно завести долг.

Хмурый дядька в ватнике, живущий в сторожке на окраине поселка, долго копался в документах, шелестел пожелтевшими страницами, однако нашел упоминание об участке с ИЖС, на котором

и проживал некто Сашка, баламут и бузотер. Также мужик поведал, что за забором его владений часто слышна громкая музыка, и окружавшие его соседи, устав мириться с подобным звуковым произволом, не раз вызывали полицию и писали заявления. Показав на карте, где конкретно искать «племянника», мужик откланялся, сославшись на дела.

Дом Краша, выгодно отличавшийся от остальных высоким железным забором, находился на окраине кооператива, почти в лесу, и потому жалобы на шум показались Прохорову надуманными. Не такой Иванович человек, чтобы привлекать к себе лишнее внимание. Прошли те деньки, когда можно было отмазаться соткой баксов или влиянием друзей папаши. Не доехав пару десятков метров, Прохоров загнал авто под куст сирени и, преодолев оставшийся путь по гравию пешком, уверенно надавил на кнопку звонка на калитке. Где-то в глубине двора послышалась настойчивая трель, затем еще одна, потом снова, пока на двери не отворилась заслонка и пара красных от недосыпа глаз уставилась не моргая на Илью.

— Ты кто?

Прохоров вытащил служебное удостоверение и продемонстрировал его человеку за дверью.

— Я чист, чего пришел?

— Студент на тебя выходил. Я за Гордона потолковать.

Минутное молчание закончилось возней со щеколдой, и Краш распахнул дверь. Выглядел он имен-

но так, как и на фотографии, мужчина лет тридцати, прямые черные волосы завязаны в хвост, острый подбородок с ямочкой, субтильное телосложение. Толстовка с капюшоном, которую он носил в данный момент, являлась братом-близнецом того облачения, что майор уже не раз видел на видео.

— Проходи.

Майор шагнул внутрь и тут же отскочил, вовремя избежав удара поленом по голове. Краш отпрыгнул, снова попытался атаковать, размахивая сучковатой толстой деревяшкой, однако и вторая попытка не увенчалась успехом.

— Твари, — шипел он. — Рептилоиды. Совсем одурманить меня решили.

Ошалев от такой неожиданности, Прохоров пошел по кругу, решив было наказать наглеца, но кровь из правого уха, стекающая по щеке и шее парня, почему-то его остановила.

— Феникс! — зарычал вдруг Краш и пошел в новую атаку. — Я вам его не отдам! Твари! Твари! Твари.

Бросив вдруг свое оружие, он кинулся сломя голову в дом и, хлопнув дверью, застучал ботинками по полу. Прохоров пожал плечами и двинулся за хакером. Осторожно отворив входную дверь и убедившись, что его не собираются приложить по голове, он прошел по грязным отпечаткам до входа в подвал. Дверь в него была распахнута, и тусклый желтый свет выхватывал из темноты ступени, будто в дешевом фильме ужасов. Именно в таких подвалах, как правило, проживали различные манья-

ки, используя свое жилище для хранения свежей человечины.

— Иванович, ты обкуренный? Я майор специального отдела! Я могу пристрелить тебя, и мне медаль дадут. Ты понимаешь всю ситуацию?

Снизу раздался жалобный всхлип, приглушенный каким-то жужжанием. Вытащив пистолет, Илья начал спускаться по лестнице. Картина, которую он обнаружил, была странной и жалкой. Прямо посреди помещения, на земле, свернувшись в клубок, лежал легендарный программист. Только теперь майор рассмотрел, насколько грязная и помятая на нем одежда. Толстовка была в прорехах на рукавах, штаны испачканы в земле, а от левого кроссовка почти оторвалась подошва. Кроме земляного пола и рыдающего Краша обнаружился странный аппарат, для описания которого потребовалась бы не только фантазия. Подключенный к удлинителю, он представлял из себя решетчатый блок, с подсоединенным к нему ноутбуком. Экран устройства чертил замысловатые графики, часто срываясь в пик, но большую часть времени вычерчивая правильную волнистую линию. Толстый кабель от решетки подходил к треноге, на которой было закреплено что-то среднее между телевизионной антенной и феном, и это устройство было направлено на рыдающую на земле фигуру.

Поднявшись на первый этаж, Прохоров осмотрелся. Обстановка вокруг была весьма спартанской. Покрытый пылью телевизор, стол, заваленный бумагами и запчастями от компьютера, но-

утбук с мерцающим экраном да микроволновка. Чуть в стороне выдавший виды холодильник, шкаф — вот и все убранство жилья бывшего золотого ребенка. Чуть дальше приоткрытая дверь вела в комнату, служившую, видимо, спальней. Простая кровать, матрас без простыни, промятая подушка и гора пустых банок из-под энергетиков, покрывающая пол спальни жестяным пестрым ковром. Единственным украшением жилища был постер на стене с изображением набирающей популярность скандинавской группы. Хмурые brutальные парни с раскрашенными лицами, сжимая в руках гитары, свирепо поглядывали на Прохорова с бумажного плаката.

Единственный стул, который нашелся в первой комнате, майор спустил в подвал и, поставив его рядом с рыдающим Крашем, уселся поудобней. Истерика у парня продолжалась долго. Под конец, когда слезы закончились, он просто всхлипывал, жадно глотая ртом воздух, и вот настал момент, когда можно было начать разговор.

— Я майор Прохоров, специальный отдел. Ты нарушитель и висельник, некто Краш, а в миру гражданин Иванович. Ты каким-то боком связан со смертью Питера Гордона, и тебе бы лучше объясниться. Я не люблю, когда меня хотят огреть по голове дубиной, притом еще и при исполнении. Это новый срок, парень, и тут уже твои приятели из ведомства, что столько лет спасали твою шкуру от желающих поквитаться, тебе не помогут.

Краш последний раз всхлипнул и, сев на пол, взглянул на майора странным, но вполне осмысленным взглядом.

— Ты пришел, — вымолвил он, растягивая слова. — На самом деле пришел. Я не знал, к кому обратиться. Вокруг они, они меня не выпустят, а ты не охваченный. Впрочем, если ты работаешь на них, то я погиб.

— Перестань пороть чушь, — грубо прервал Ивановича майор. — Кто они? Что вообще происходит? Но прежде чем ты начнешь, потрудись объяснить, зачем ты мне скинул наводку на свое дело, а потом напал?

— Я думал, ты не настоящий, — пояснил программист. — Нейрофон. Новое поколение. Они агрессивные, привыкание происходит стремительно. Это экспансия, парень, и мы добровольно подставляем шею под острый топор палача. Правда, в случае с казнью все было бы просто. Попав в сети, мы становимся теми, кем можно управлять, и под этим я подразумеваю реальное управление, будто бы твои руки и ноги привязывают к ниточкам.

— Опять метафоры. Парень, ты нарываешься.

— Я мертвец. Вот, посмотри. Стоит мне выйти за пределы воздействия Феникса, и я снова зомби. Я не отличаю реальность от виртуальности. — Иванович повернулся так, чтобы Прохоров увидел окровавленное ухо. — Это новый нейрофон, мне его насильственно в ухо засунули. Ударили по голове, а потом я обнаружил у себя этого монстра.

— Почему не снимешь?

— Снимешь? — в голосе Краша появились истерические нотки. — Ты знаешь хоть одного человека, который смог снять устройство?

Осознание пришло в голову Ильи почти сразу, и перед мысленным взором всплыл список из десятка фамилий, которые он ранее видел на столе лейтенанта.

— Знаю, но косвенно. Все они мертвы.

— Именно! — при этом Краш даже подпрыгнул на месте. — Дохнут, дохнут все. Его невозможно извлечь просто так! Я видел видео в дипнете! Парня привязали к столу, подали наркоз и попытались удалить эту тварь. У них получилось, но он стал овощем! Дураком слюнявым! Вот к чему нас все это ведет! Несколько моих друзей именно так и погибли, мы и с Питером сошлись на этой теме. Он великолепный инженер, я неплохой программист. Мы разработали Феникса, так его Питер называл, именно для того, чтобы понимать этот мир.

— Постой, — нахмурился майор. — Нейрофон вышел на рынок совершенно легально. В соответствующие органы предоставлен открытый код операционной системы, вся оболочка безопасности, схемы, состав, производители. Путь от сборки до прилавка можно отследить без проблем.

— Тогда взвесься, насколько глубоко уже проникла гниль, если все стало легально!

«Привет, я Питер Гордон, это моя лаборатория, и мы проводим первый эксперимент над гаджетом нового поколения, нейрофоном».

Питер, тогда еще живой, снимал свои эксперименты в подвале дома, в Бостоне, на камеру, после чего выкладывал получившийся результат в глобальную сеть. Надо отдать должное игрокам на той стороне, ни один из роликов не задерживался надолго, однако глубокая сеть впитывала запретные кадры, будто сухая губка воду.

На компьютере Краша было с десяток роликов, где инженер, усомнившись в основном функционале нейрофона, пытался вскрыть его и разобраться в технологии.

— Я заподозрил неладное в тот момент, когда один мой старый приятель наотрез отказался снимать гаджет. Мы даже подрались, — Гордон поправил камеру, и колонки ноутбука взорвались шуршанием. — Я не мог понять, как умный, образованный человек настолько прикипел к этой крошке. Я купил один такой, вставил его себе в ухо, второй же использую на Биле, это белый кролик. — В кадре замаячила клетка с ушастым зверем, беззаботно поедавшим что-то зеленое. — Итак, начинаем эксперимент.

Освещение сменилось, Гордон улыбался на камеру. Он был воодушевлен чем-то, и глаза его горели исследовательским азартом.

— День первый. Я переместился в загородный дом, захватив с собой Била. Он отлично выглядит, регулярно питается и, похоже, не испытывает дискомфорта. Я испробовал нейрофон, и был шокирован той технологией передачи данных, которой обладает эта малютка. Поток информации просто

огромный, четкость нереальная. Если отбросить мои инженерные знания и рассуждать как обычный человек, то я до сих пор испытываю сложную гамму чувств, от щенячьего восторга до полнейшего недоумения. Я только подумал о карте, как перед моими глазами всплыл реальный и быстрый маршрут, в обход всех пробок и дорожных работ. Я решил послушать музыку, и внутри моей головы зазвучал удивительный голос великолепного Роя Орбисона. Это только мои ощущения, только мои звуки, только мой путь! Это великолепно, и одно лишь омрачает все это, я решительно не могу понять, как устройство делает подобные фокусы. Я реалист и атеист, но теперь я не знаю, что сказать. Если это и не божественное проявление, то что еще?

— День второй, — Гордон сидел на том же фоне, держа в руках кружку с кофе, иногда потряхивая головой. На секунду он застыл, моргнул и улыбнулся. — Слушал Грига, друзья. Великолепное звучание. Я заказал себе еще одно устройство, мы вскроем его и посмотрим, как оно устроено. К моему позору, я уже скачал принципиальные схемы нейрофона, выложенные производителем в свободный доступ, распечатал их, разложил на столе, и признаюсь, ни черта не понял. Нет, я, конечно, разбираюсь в системотехнике, но то, что начерчено на бумаге, и то что реально происходит в моем черепе, это две большие разницы.

— День третий, — Гордон был все еще бодр и весел, но под глазами инженера начали появ-

латься тени. — Сегодня я померил температуру Била, проверил его кал и мочу. Животное выглядит великолепно, однако, когда я попытался вынуть нейрофон из его уха, у меня ничего не вышло. Странно, но устройство погрузилось в слуховой проход настолько глубоко, что вытащить его самостоятельно попросту не представляется возможным. Сегодня я позвоню моему старому приятелю, Фергюсону, он ветеринар с обширной и продолжительной практикой. Он мне поможет.

— День четвертый, — инженер был хмур и расстроен. На его щеках проступила щетина, а тени под глазами стали более заметны. — Четвертый день моей жизни с нейрофоном, привел к странному умозаключению. Я совершенно не хочу его снимать. Для меня это стало противоестественным, крамольным, почти недопустимым, — Питер поднес ко рту кружку с кофе и сделал жадный большой глоток. — Сегодня утром курьер привез мне еще одно устройство, я вскрыл его так аккуратно, как мог. Для этого потребовался алмазный диск. Когда передо мной предстали внутренности этого малыша, я понял, что приведенная схема и реалии несколько расходятся. В оригинальном устройстве нет небольшого контейнера с разводами по краям. В документации к устройству написано, что это технологическая доработка, обеспечивающая повышенную отказоустойчивость, и что она подверглась новой сертификации. Копии документов предлагается посмотреть на сайте. Я их увидел, все чисто.

— День пятый, — на Питера смотреть было больно. Весь дерганный, нервный тик искажает уголки глаз, тени под глазами больше похожи на кляксы. — Это пятый день эксперимента, и мысль о снятии нейрофона не дает мне покоя. Я не могу ни спать, ни есть. Я буквально насильственно впихнул в себя, да, именно впихнул, два сэндвича и запил их чаем, крепким и сладким, чтобы мозг работал быстрее. Когда я попытался снять устройство, то тоже не смог его увидеть. Оно глубоко внутри моей головы. Мне нужна помощь, как медицинская, так и психологическая. Сегодня приедет Фергюсон.

— Извините за небольшую задержку, — на этот раз Гордон был чисто выбрит, свеж, но так же нервозен. Рядом с ним сидел блондин с прямым, почти под линейку носом, густыми бровями, сросшимися на переносице, и тонкими, будто нити, губами. — Я отсутствовал неделю, и обстоятельства были крайне уважительные. У меня был нервный срыв. Мой друг, Фергюсон, попытался извлечь гаджет из моего уха, но вместо этого я напал на него. Слава богу, он боксер и вырубил меня с одного удара. Передаю слово ему.

Блондин на экране хмуро кивнул.

— Я Билл Фергюсон, провел операцию по извлечению из правого уха Питера Гордона устройства под названием нейрофон и могу утверждать, что, помимо психического воздействия, оно активно вступает в физический контакт. Вот снимки, которые удалось получить.

На экране мелькнул снимок чего-то расплывчатого.

— Скажу одно, — Гордон хмуро кивнул. — И это может показаться вам бредом, но в голове у вас нечто такое, что может только присниться в кошмаре. Привыкание зависит от моральной составляющей и того, насколько глубоко проникнет вам в голову эта дрянь.

Прохоров пощелкал по папкам, но больше видеофайлов не нашел.

— Где остальные файлы?

— Нету, — Краш уже пришел в себя и теперь раскачивался из стороны в сторону, на манер маятника, постоянно рискуя упасть. — Это все, что я смог найти.

— Рассказывай.

— Что?

— Все. Твоя версия. Как ты нашел Гордона, что он от тебя хотел. Зачем ты обыскивал его труп и почему ты вообще тут сидишь, такой бешеный?

История Ивановича была захватывающей. Краш бедствовал, и потому он частенько сидел в дипнете, халтуря за лишнюю сотку баксов. Светиться он не хотел, действовал аккуратно. Он был настолько замкнут в своем новом мирке, что выходил за забор исключительно пополнить запасы провизии. Работу в городе Иванович бросил, а кроме как взламывать чужие аккаунты и строчить бесконечные строчки кода он ничего не умел,

и потому относился к своему занятию со всем старанием, на которое был способен.

Халтуры у Краша были простые, в основном связанные с ревнивцами, желавшими покопаться в личной переписке своих супругов. Эта категория людей щедро платила за услугу, и двух-трех шабашек в месяц хватало, чтобы не «протянуть ноги» с голоду. Краш был анонимом, полным, абсолютным. За те долгие годы, что он скрывался от бандитов, он научился виртуозно замечать следы в сети либо не оставлять их вовсе. Были у Иванова и принципы. Он не лез на рожон, отказываясь от корпоративного шпионажа, и пуще смерти боялся «халтур», связанных с правительственными и частными некоммерческими организациями.

Однако время шло, принципы менялись, Краш пересмотрел свои действия в прошлом, стал мягкотел и ударился в альтруизм. Именно на этой почве он и смог повстречаться с Питером Гордоном. Теневой интернет дает много, и многое может отнять. Все, находящиеся там, прячась за маской анонимности, несмотря ни на что продолжают оглядываться. Гордон искал исполнителя, Краш подработку. Инженер не хотел, чтобы продуктом, коему он позже даст гордое название «Феникс», занимался кто-то из его друзей и знакомых. Слежку Питер почувствовал сразу. Несколько человек, работавшие с ним над новым устройством, пропали или попросту отказались от этой идеи в одностороннем порядке.

— Он рассказал мне о нейрофоне, — пояснил Краш.

— И ты не поверил?

— Верно. Фантастика какая-то. Лезет в мозг, смешивает реальность с виртуальностью так, что и вовсе не отличишь. Какой-то электронный вариант наркотика. Но так я думал с самого начала. Я начал бродить по сети, искать информацию и пришел в ужас от того, насколько глобальна проблема. Хотя нет, это нельзя назвать так. Эпидемия, пандемия, экспансия, мор, чума, — вот что приходит с нейрофоном в прямом и переносном смысле. Есть прямые подтверждения того, что у людей менялись моральные принципы, они становились способными сделать то, о чем бы раньше и в бреду не помыслили. Насилие над животными и людьми, пытки самой извращенной формы, вплоть до убийства. Я забил тревогу, но вмешалась третья сила, и мне пригрозили. Мол, если не перестану, то не жить мне. Они даже называли тот район, откуда я выходил в Интернет, и это напугало меня до чертиков.

С Гордоном, впрочем, я работать не перестал. Мы просто изменили способ связи. Раз в неделю я ездил в город, заходил в интернет-кафе, и мы общались по скайпу. Питер нашел временное средство борьбы с нейрофоном, даже для самых запущенных случаев. Через день ты можешь расстаться с гаджетом, через неделю ты не сможешь от него отказаться по идейным соображениям, а через месяц ты его раб настолько, что только хи-

рургическим способом его и можно удалить. И не это самое страшное, нейрофон вроде паразита, он способен работать на полную катушку только при вживлении в мозг, и если извлечь его оттуда, то у пациента всего два пути: на кладбище и в дурку. Гордон нашел единственное слабое место гаджета.

Нейрофон является центром визуальных команд, телефоном, выходом в глобальную сеть, в нем скрыты миллионы возможностей, но есть у него одна история. Он является приемо-передатчиком. Стоит заглушить его — и человек приходит в себя. Я разговаривал с одним таким по скайпу, он живет в Денвере, в своем загородном доме, и шагу не может ступить за круг, очерченный Фениксом. Он просто взял и убил человека, вот так, играя в какую-то компьютерную стрелялку. Навел на него виртуальный ствол, спустил курок, после чего его арестовала полиция. Он богатый человек, его адвокаты вытащили парня, а когда он понял, что пистолет и труп на асфальте были настоящие, а не плод компьютерной фантазии, он почти сошел с ума.

Суть Феникса проста и сложна одновременно. Это программно-аппаратный комплекс, отслеживающий прием и передачу сигнала в конкретном секторе и глушащий либо подменяющий код. Нейрофон постоянно меняет коды, их у него огромное количество, скачет по волнам, забираясь на самые невероятные частоты, и Феникс за ним порой не успевает. Я как раз работал над новым программным обеспечением, улучшающим скорость откли-

ка комплекса, как в Россию прибыл Гордон. Он чем-то был очень взволнован, говорил о каком-то мусоре, ну, по крайней мере он так это преподносил. Сказал, что все мы скоро погибнем, а еще передал мне вот это.

Краш залез в карман куртки и протянул Прохорову мобильник.

— Он тебе телефончик подарил?

— Да нет, посмотри на экране, там единственная приложуха.

— Ну? — майор с сомнением разблокировал устройство и уставился на ярлычок. — И что с ней делать?

— Запусти, а потом наведи на меня. Ты увидишь кое-что очень интересное.

— Хорошо. — Майор нажал пальцем на ярлычок, однако ничего такого не произошло. Запустился фотоаппарат, камера заработала, отобразив грязь под ногами и облупленные стены подвала. Однако когда Илья навел камеру на сидевшего на земле Ивановича, то не поверил своим глазам. Красная тускловатая точка явственно просматривалась на его лице. Иногда она была спокойна, но стоило подождать, как вдруг начинала пульсировать, конвульсивно биться, увеличивая либо уменьшая яркость, а затем, успокоившись, снова замирала на неопределенный срок.

— Это приложение видит нейрофон, а точнее, всегда может тебе показать, кто именно носит устройство, — тихо произнес Краш.

— Откуда оно? Кто его сделал?

— Не знаю, — программист пожал плечами. — Гордону оно пришло по почте, едва он выложил в сеть первый ролик. Ни пояснительной записки, ничего. Я попытался отследить отправителя, но у меня тоже ничего не вышло.

— То есть, ты хочешь сказать, что есть еще кто-то, кто знает о проблеме?

— Да. Это крутые ребята, их так просто не взять. Я вскрыл код приложения, попытался его воспроизвести, но все, что оно делает на моем смартфоне, так это включает камеру. Код оказался мне не по зубам.

Дверной звонок взорвался трелью, и Краш, вздрогнув от неожиданности, с мольбой посмотрел на майора.

— Ты кого-то ждешь?

— Нет! Конечно нет! Я похож на человека, решившего вдруг пригласить гостей!? — нотки истерики в голосе Ивановича слышались теперь самым отчетливым образом.

— Позвонят и уйдут, — предположил Илья. — Может, двором ошиблись.

Однако незнакомец за забором продолжал настаивать, и вскоре калитка Краша сотрясалась от мощных ударов.

Прохоров встал, вновь достал пистолет, снял его с предохранителя и, дослав патрон, принялся подниматься по лестнице, бросив Крашу на ходу:

— Ты тут сиди, я разберусь. Вывезем тебя, и Феникс этот вывезем. У нас контора серьезная, не венники вяжем.

Удары в дверь не прекратились, и, когда Прохоров подошел, она еле держалась на петлях.

— Кто там такой отважный? Дверь денег стоит, — решил майор зайти издалека.

— Ивановича ищем, — поделились из-за ограды. — Ты, что ли, Иванович?

— Нет, не я. Но если бы тут был мой хороший приятель, Александр, он тоже расстроился бы из-за порчи имущества.

— Иванович нам нужен, — не обращая внимания на тираду Ильи, продолжил незнакомец. — Крашем его зовут.

— А зачем он вам?

— Дело есть.

— А если он вас пошлет лесом?

— Я бы не советовал.

Илья подошел к щели в заборе и аккуратно, чтобы его не увидели, выглянул наружу. Увиденное ему совершенно не понравилось. Метрах в двухстах от дома стоял «Патриот», за рулем которого сидел человек в камуфляже. Лицо его закрывали большие солнечные очки. Рядом с ним сидел еще один, в бандане, а на заднем сиденье тоже маячила пара пятнистых голов.

Напротив самой калитки стояло еще четверо, крепкие, подтянутые, широкоплечие, с обветренными лицами, но не это главное. Все они были вооружены. По пистолету на поясе, и автоматы в руках, кое-где замотанные изолянтной, со сдвоенными рожками. Один из парней стоял, прислонившись к забору и подбрасывая на руке гранату,

будто бы это был апельсин. Высокие, начищенные до блеска берцы незнакомцев были чисты, что говорило о том, что рядом имеется еще один транспорт.

— Парни, вы нарывааетесь. Я майор специального отдела. Я только свистну, и ваше ОПГ накроют медным тазом.

— Знаем мы этих крикунов, — поделился все тот же голос.

Кто конкретно разговаривал и был старшим, было не понятно, и это нужно было выяснить. Вид у парней был не особо дисциплинированный, хоть и профессиональный. Походили они на наемников среднего пошиба. Вступать с ними в огневой контакт не хотелось, задавили бы массой, да и по огневой мощи они имели явное превосходство.

— А я тебе ксиву покажу, ты и поверишь, — Прохоров открыл заслонку и представил пред светлы очи главара служебное удостоверение. Тот смотрел на документ, а Прохорову представилась уникальная возможность внимательно осмотреть все, что творится за забором, и при этом не получить пулю.

Вынес он из этого следующее. Убивать его не хотели, как, впрочем, и Краша. Взять эту халupu штурмом и нашпиговать жильцов свинцовой начинкой дело не хитрое, но медлили бойцы по какой-то другой причине.

— Ну, ксива, — мужик лениво осмотрел предъявленный документ. — Так и что с того? Был бы ты в силе, так давно бы всех мордой в пол поло-

жил. Один ты тут, парень, так что сам не нарывайся. Краша сдай, он гнилой. Денег должен много и многим, и эти парни очень волнуются за свои финансы.

— Ну, ладно, — Прохоров убрал удостоверение в карман.

Поняв, что бойцы не собираются уходить и уж тем более совершенно не опасаются его статуса, майор решил с ними немного поиграть, потянуть время. В кармане у него был телефон. Стоило позвонить в контору — и этой компании наступит быстрый и не мучительный конец, однако сделать это следовало так, чтобы не вызвать лишние подозрения и самому не отдать концы от свинцовой передозировки.

— Я его сейчас поищу.

— Ты дверь открой, мы сами поищем. Мы парни любознательные.

Дружный хохот подельников загрохотал за высоким забором, однако ничего такого, из-за чего можно было открывать огонь на поражение, еще не произошло.

— Сейчас.

Наблюдая, как ворота начинают шататься под напором наглецов, Прохоров бросился внутрь дачного домика и поспешно захлопнул дверь. Телефон конторы, бывший на быстром вызове, долго не отвечал, а петли на калитке уже начинали выходить из своих пазов.

— Слушаю, — долгожданный голос в динамике телефона показался тогда майору слаще ангель-

ского пения. Он поспешил представиться, назвал свой табельный и, как мог, кратко и ясно сообщил о ситуации и своем местоположении.

— Оперативных групп в вашем районе нет, — печально пояснил оператор. — Ориентировочное время прибытия отряда составит пятнадцать минут. Продержитесь?

— Да куда я денусь, — Прохоров нахмурился.

Дело было действительно дрянь. Это только в кино один боец мог выстоять против десятка хорошо вооруженных и тренированных противников, с помощью монтажа и спецэффектов, ловко уворачиваясь от пуль, передвигаясь, будто ветер, и стреляя на ходу так метко, будто это упражнение в тире. На поверку все выходило гораздо печальней, и потому до поддержки кавалерии Прохоров решил забаррикадироваться. Собрав всю имеющуюся в доме мебель, он стащил ее к двери, наблюдая, как дверной засов на калитке все-таки вылетает и падает в траву, а на участок неспешно входят бойцы. Последний предмет мебели встал ровно тогда, когда первые пули, с легкостью пробив тонкую деревянную стену, врезались чуть выше головы майора.

Прохоров упал на пол, сморщился, быстро пополз ко входу в подвал, где хотел отсидеться до прибытия своих, и только он поставил ногу на первую ступеньку, как тут же почувствовал неладное. Внизу было тихо, слышалось только монотонное жужжание механизмов Феникса, а в остальном полная тишина. Предчувствуя беду, майор

быстро спустился вниз и, остановившись, тяжело вздохнул.

— Идиот.

Краш лежал на полу, свернувшись в клубок, будто кошка. Глаза его были закрыты, длинные красные полосы на руках расходились в бордовые, почти черные лужи крови, быстро впитывающиеся в земляной пол. Хакер вскрыл себе вены. В правом кулаке покойника была зажата записка.

Вверху снова загрохотало, кто-то пытался высадить дверь, однако мебель, наваленная импровизированной баррикадой, временно справлялась с нагрузкой. Послышался грохот разбиваемого стекла, кто-то из хулиганов в «пятнистом», не стесняясь, выбивал раму. Этого майор допустить не мог. Быстро пробравшись на верхнюю ступеньку, он приоткрыл дверь из подвала и, прицелившись, нажал на спусковой крючок. Бандит в окне застыл и вдруг, потеряв малейший интерес к жизни, повис на впившихся в грудь осколках. Победа была временной, и стратегическое отступление, следовавшее за новой свинцовой волной, заставило Прохорова вновь укрыться в подвале.

Над головой загрохотало, слышались новые выстрелы, на этот раз в пол, но то ли между подземельем и жилыми помещениями было бетонное перекрытие, то ли снаряга у народа была никудышная, но пули в подвал не пробились. Прохоров матюгнулся, вытащил запасной магазин, пересчитал патроны, прикинул в уме, сколько боеприпаса осталось, и от тоски взвыл, понимая, что надолго

его не хватит. В двери подвала появилась пара аккуратных дырок, и майору пришлось отступить еще глубже. Засев за деревянным ящиком, он положил пистолет сверху, опустился на землю и, прикидывая в уме расчетное время подхода группы, печально вздохнул.

— Эй, парень, — крики, топот и прочая чехарда, творившаяся наверху, вдруг затихла. — Ты нас серьезно разозлил! Зачем двухсотых плодить, хотели же по-мирному!

— Хотели бы по-мирному, не стали бы шпиговать дом свинцом, — парировал Прохоров, кладя руку на пистолет. — Я сказал, что дел у меня с вами не будет, так зачем настаивать?

Сверху снова задвигались, на голову посыпалась грязь, и новый яростный напор автоматной очереди начал крошить дверь подвала. Майор грустно прищурился, повернулся к лежавшему ничком Крашу и покачал головой.

— Ну, ты, парень, вляпался, и меня с собой вляпал. Это же надо было кому-то так насолить.

— Эй, майор? Ты все еще живой?

— Вроде да, — Прохоров навел на просвет в досках свой пистолет и приготовился спустить курок в тот момент, когда в образовавшейся прорехе мелькнет силуэт, однако, парни наверху не спешили на тот свет и пока не собирались светиться.

— У меня для тебя подарок, осколочная граната. Я сейчас ее к тебе вниз брошу, и будешь ты на полу кровью истекать. Но это поначалу. Потом я и мои люди спустимся вниз, заштопаем твои дыр-

ки, отвезем на базу и отдадим спецу, умельцу одному, что учит строптивых и таких, как ты, упертых. Он с тобой разговаривать будет долго, вдумчиво. У него для этого и опыт, и снаряжение, и образование профильное.

— Вот удивил, — с замиранием сердца Прохоров ждал, когда бандиты наверху потеряют бдительность и сунутся. Уходить на тот свет он решил, только захватив с собой еще парочку негодяев. — Если бы мне за каждое обещание лютой расправы по сотке накидывали, то жил бы я сейчас в Сочи, спал до обеда, чебурек бы кушал в шезлонге.

— Но ты сейчас внизу...

— ...десять, девять, — Прохоров начал обратный отсчет.

— Что ты там бормочешь, майор? Совсем умом тронулся?

— ...восемь, семь...

Кавалерия пришла раньше на несколько секунд, что, вероятно, и спасло Илью от осколочно-разрывного подарка. Рев вертолетных винтов заполнил собой все свободное пространство, грозный зверь с подвесом, достаточным для уничтожения целого батальона, завис над домом, и волна раскаленной ненависти выплеснулась из пулеметов, покрывая землю. Трое солдат противника тут же вышли из игры, а остальные, вполне резво рассредоточившись, кто за сараем, кто за замшелым валуном, попытались дать ответный бой. Первая дымовая граната, очертив полукруг, мягко приземлилась во дворе, заслоняя густой пеленой солнце, короткие

всполохи, тихо, почти по-домашнему, принялись выкашивать траву, и, мягко ступая на своей каучуковой подошве, прикрываясь естественными неровностями местности, на штурм пошел спецназ. Противогазы на их лицах посверкивали стеклами, черные бронежилеты, шлемы и автоматы, короткие, почти у груди, как марш смерти в искусственной дымке. Автоматы мерно плевались пулями, выдергивая из жизни нападавших, одного за другим. Ответный огонь попытался положить спецуру лицом в траву, но вертушка, выйдя на новый вираж, заставила камни плавиться. Бой был неравный с самого начала и кончился быстро.

Феникс закрыли в ящики, заколотили, опечатали и начали грузить на Урал. Илья стоял, прислонившись к борту и вертя в пальцах телефон, наблюдал, как бойцы тащат тяжелые ящики от дома до открытого дощатого борта машины, сгибаясь под тяжестью агрегата. Чтобы автомобиль смог въехать на территорию, парни снесли остатки забора. Вертушка уже ушла на базу, однако, осталось оцепление из местной полиции, лениво вышагивающих по мягкой траве в отдалении, да заодно с променадом отпугивая редких зевак-дачников, со страхом и интересом глазеющих на недавнее поле брани.

Рядом стоял командир спецгруппы, человек Прохорову не знакомый, сняв противогаз и держа его вместе со «Сферой», под мышкой, он курил, лениво стряхивая пепел от тонкой белой сигареты на землю. В карету «скорой помощи» грузили

черный мешок с застежкой. Двое здоровенных парней в белом вынесли тело Краша вслед за ящиками и, не церемонясь, будто мешок картошки, забросили внутрь микроавтобуса. Нападавших пока грузить не спешили, оставили на потом.

— Быстро вы, — поделился Прохоров, доставая сложенную вчетверо записку покойника из кармана пиджака. — Я уж думал, накроют.

— Обещали поддержку, так вот вам поддержка, — пожал плечами командир. — Мы тут все описали, приказ от руководства об изъятии и транспортировке в хранилище имеется. Агрегат доставим в лучшем виде, жмура тоже транспортируем. Если нужны будут фотографии или отчеты, запросите поутру в конторе.

— Как у вас все складно, — Прохоров с сомнением покачал головой. — Из гущи боя и за канцелярские забавы, разгрузки не снимая.

— Порядок в делах есть порядок в конторе, — ответил командир.

— Слушай, командир, — Прохоров окинул бойца взглядом. — Что-то я тебя не помню, да и вертолеты у нас отродясь не водились. Откуда ты взялся вообще?

Боец докурил, бросил окурок на землю и, раздавив его каблуком берца, подмигнул Илье.

— Шефская помощь. Ваши бы не успели, а у нас тут база недалече. Вот и помогаем. Мы агрегат возьмем, нам не сложно, однако там барахла навалом. Вещдоки, как-никак, так что ты эту ерунду сам таскай. Ну, бывай, майор, может, свидимся.

Машина из конторы пришла только вечером. За это время парни из «скорой помощи» успели вернуться, погрузить трупы, а бойцы шефской помощи собрать оставшийся боеприпас, да так ловко, что и стреляной гильзы не осталось. Зельдин, приехавший на служебной Волге с уважением посмотрел на разгром, однако ничего не сказал и начал помогать майору грузить вещественные доказательства в пустой багажник. Все записи покойного Краша, его персоналка, телефон, не тот интересный, с чудной программой, что сейчас лежал в кармане брюк Прохорова, а стандартный, для обычных нужд, и прочая электронная утварь отправилась туда же. Заканчивая все это, погрузили пять картонных коробок с записями от руки, частью на английском, вероятно, принадлежавших Гордону. Илья и лейтенант на всякий случай прочесали строение и участок в поисках тайников и, ничего не найдя, выехали в город на разных машинах. Впереди неспешно катил Прохоров, а позади него, лениво посверкивая проблесковым маячком, ехал Зельдин, посвистывая в приоткрытое окно, с болью во взгляде поглядывая на часы на приборной панели.

Машина шла ровно, хорошо, асфальт, только что положенный, вел автомобиль тихо, и ничего не предвещало беды, однако в какой-то миг Илья услышал неприятный уху автолюбителя хлопок, и лопнувшая резина захлопала по дороге. Сбросив скорость, Прохоров, подкатил к обочине и, выйдя из салона, покачал головой. Правое заднее колесо

пострадало так, что уже не реанимируешь. Резина, пробитая чем-то острым, вывернулась в причудливый бублик, обнажив тонкую металлическую решетку корда.

Позади послышался визг тормозов, шорох гравия о покрышки, хлопнула тяжелая дверь седана.

— Что случилось, майор? — Зельдин подошел и, осветив лучом фонаря в наступающей темноте поврежденное колесо, присвистнул. — Эка его.

— Да уж, везет мне сегодня. — Илья поскреб ногтями щетину на подбородке. — Как утопленнику.

— Вызвать аварийку?

— Да что я, колесо не поменяю, — Прохоров отмахнулся и начал вынимать из багажника хранившиеся там вещи, чтобы добраться до запаски. — Десять минут, и я в строю.

Под ноги упал старенький винтовой домкрат, сумка с аварийным сигналом и аптечкой, а сверху лег балонник.

— Так я поеду? — в голосе Зельдина сквозила надежда. Время было позднее, а ему еще предстояло загнать машину в гараж и проделать массу бумажной работы по изъятым с места происшествия вещам.

— Езжай, — Илья махнул рукой и, пристроив домкрат, принялся крутить ручку, поднимая тяжелый стальной борт машины. — Сам справлюсь. Будешь тут под ногами слоняться.

Просить дважды не пришлось, и очень скоро красные габариты старенькой служебной «Волги»

растаяли за дальним поворотом. Шоссе было безлюдным. По обеим его сторонам тянулась лесополоса, ощутимо пахло прелой листвой и скошенной травой. Откуда-то тянуло баней и шашлыком.

На замену колеса ушло гораздо больше времени, чем Прохоров предполагал. Четыре болта на ступице решительно не хотели откручиваться, и с майора сошло четыре пота, прежде чем пробитое колесо было поменено на почти новую запаску. За это время солнце окончательно завалилось за горизонт, оставив лишь багровую полосу. Яркие пятна света, оставляемые редкими мачтами городского освещения, ситуацию не спасали. Местечко и правда было не особо оживленным. Эта дорога огибала ближайший городок, и за все время тут пронесся лишь один черный спортивный автомобиль, так быстро, что Илья не успел даже понять, что произошло, да протарахтел груженный навозом трактор, распространяя такие ароматы, что глаза резало.

Удовлетворённо осмотрев дело своих рук, майор покидал инструменты в багажник, вытер запачканные ладони более-менее чистой тряпкой, с удовлетворением закрыл крышку и сел за руль. Рука скользнула по ключу зажигания, точнее по тому месту, где он должен был быть.

— Это еще что за шутки?..

— Тише, Прохоров, — в затылок Ильи уперлось что-то холодное и тяжелое. — Меньше резких движений, если не хотите пораскинуть мозгами.

Голос был совершенно незнакомый, а в обзорник можно было разглядеть только неясный силуэт на заднем сиденье.

— Что вы хотите? Деньги? Автомобиль? Берите все...

— Да что вы право, — позади тихо засмеялись. — Майор, вы считаете меня банальным гопстопером? Тут вы совершили промашк...

Уйдя в сторону, Прохоров крутанулся на сиденье в немыслимом кульбите и зажал руку нападавшего. Глухо ухнул ствол, закрытый глушителем, побежало мелким крошечным стекло, готовое обрушиться прозрачной лавиной внутрь салона. Драться внутри было сложно, практически невозможно. Удар рукоятью пришелся аккурат в скулу, однако Прохорова это совершенно не смутило. Отведя от себя ствол, он несколько раз с силой приложил запястье нападавшего о стальные крепления, державшие водительский подголовник. Пальцы хрустнули, слышался мат, после чего битва разгорелась с новой силой. Ограниченное пространство сковывало, надо было бы покинуть автомобиль и разобраться с наглецом на свежем воздухе, но тот, даже с поврежденной кистью, работал быстро и напористо, не давая Прохорову и малейшего шанса ускользнуть. В итоге пришлось покидать салон автомобиля, выбив головой остатки лобового стекла. Вылетев в ночной полумрак, Илья едва успел подняться на ноги, когда очередной град ударов посыпался на него как из рога изобилия. Майор, еле отводя от себя хлесткие, нацеленные в глаза, горло и ключицы

атаки, отметил, что он еле сдерживает противника, который дерется одной рукой. Бой шел секунду, за это время Прохоров получил пару ощутимых затрещин, был лишен пистолета, а парень, чье лицо нельзя было различить из-за капюшона, как будто бы и не уставал. Он пер и пер, будто машина, дышал ровно, удары его не теряли четкости, и, когда нормальный человек начал бы выдыхаться, он, казалось, даже набавил темп.

Хрустнуло, мерзко, громко, противник тряхнул рукой, вставляя пальцы назад в суставы, и тут же, незамедлительно атаковал, да так, что Прохоров оказался на земле. До пистолета было не дотянуться. Садясь в машину, майор убрал его в бардачок, а потом было как-то недосуг. Лежа на земле, Илья приготовился к самому страшному, однако ни удара, ни выстрела, ни чего-то другого, калечащего, не последовало.

— Хорош, — человек в капюшоне хмыкнул и, шагнув в яркое пятно фонарного столба, обнажил светлую, почти белую голову.

Альбинос, самый настоящий, бровей и ресниц почти незаметно. Кожа такая бледная, почти белая. Красные, как будто воспаленные, глаза незнакомца внимательно следили за лежавшим на земле Прохоровым.

— Очень хорош. Против меченосца не каждый выстоит, а на тебе и царапин почти нет.

— Что вам надо? — майор поспешно встал и отошел на безопасное расстояние, шаря взглядом по земле в поисках палки или булыжника.

— Пока ничего. Это была проверка, боевой офицер ты или из паркетных погон.

— Ну и как?

— Отлично, — альбинос улыбнулся. — Без обид, парень, я не хочу боя. Это была моя обязанность. — Узкие белые ладони взметнулись вверх в жесте примирения. Нам не нужны слабаки.

— А кто это «мы»? — скривился майор. — Ты вообще, парень, понимаешь, что напал на сотрудника при исполнении. Пробитое колесо, твоя работа?

— Моя.

— Да я тебя... — Илья нашарил на обочине сучковатую дубину и с четким намерением разбить череп нагледу двинулся навстречу бледному. Тот не шелохнулся.

— Я по делу, майор. Феникс. Нам нужен Феникс.

Подкативший эвакуатор увез автомобиль без лобового стекла, и альбинос предложил собственный транспорт. Черный блестящий внедорожник с огромными колесами и хищным оскалом бампера, оказался совсем рядом, припаркованный на уходящей в лес грунтовке. Разговор у мужчин вышел не простой.

— Что ты знаешь о Фениксе? — пистолет, который ранее лежал в бардачке, теперь переместился в руку и был направлен на явно скучающего блондина.

— Много. Еще я знаю о Краше, Гордоне, о чудесной программе, позволяющей почувствовать

себя ангелом, демоном или любым другим мистическим существом, настолько реальным, насколько это вообще возможно.

Повисла неловкая пауза. Такие паузы возникают в разговоре, когда ты рассказываешь небывлицы, а человек, стоящий напротив тебя, отлично знаком с людьми, чьи приключения ты так бурно описываешь в рассказе. Пауза такая возникает, когда всплывает что-то такое, что никогда не могло бы быть обнародованным, настолько тщательно и прилежно ты прятал концы в воду. Это будто труп, который поднялся со дна озера из-за того, что хищные рыбы разгрызли веревку с камнем, притягивающим мертвяка ко дну.

— Кто ты?

— Я один из многих. Мы — стражи этого мира, парень. Вышибалы, когда нужно выкинуть какую-нибудь тварь из твоего бара. Мы контролеры порядка, те из-за кого эту землю до сих пор не наполнили отвратные и мерзкие твари. Мы Меченосцы.

Тайный орден меченосцев существовал испокон веков, но будучи тайным, так или иначе, всплывал в различных хрониках, архивных документах, старинных писаниях и былинах. Однако не все действия и не все меченосцы, несущие службу на этой планете, вели тайный образ жизни. Бытовало мнение, что Илья Муромец являлся одним из таких вот публичных бойцов, ловко переводя свои победы над страшным и потусторонним в геройские подвиги. Геракл, Ван Хельсинг, Доктор Джекил, Капитан Немо — все эти личности, так или

иначе, засветились в истории, пусть то обычное бульварное чтиво, популярная или энциклопедическая литература. И везде, куда ни брось взгляд, пытливый ум вычленял круг с крыльями, тот самый сокровенный символ, которыми бойцы метили свои убежища, схроны, землянки с запасами продовольствия. Ставили такое клеймо и на зданиях, в городах и селах, где-то в таком месте, куда обычный человек не посмотрит, а сведущий нет-нет, да и бросит взгляд.

Деятельность меченосцев по большей части все же тщательно скрывалась, а сама организация была настолько древней, что большая часть уклада и порядков могла показаться мистической или колдовской. Сотни лет члены ордена шли в бой, передвигаясь по улочкам зачумленных городов, идя в строю с облаченными в латы служителями господ, бок о бок с тамплиерами и воинством Ричарда Третьего. Они переходили континенты, переправлялись через моря, по дороге к одной единственной цели — защите этого мира от недруга, настолько самобытного и омерзительного, что многие, узнав о таком, содрогнулись бы.

Меченосцами не рождаются, ими становятся. Когда выбор падает на конкретного человека, его посвящают в тайну ордена при условии, конечно, что сам он способен принять все таинства и секреты организации и не отбросить их как чушь или бред сумасшедшего. Меченосец выносив, тренирован, способен вести бой из любого стрелкового оружия, однако не чуждо ему и холодное, вроде

ножа или даже двуручного меча. Ситуации складываются разные, и не везде можно взять противника огнем, приходится поработать и руками.

Прохоров слушал внимательно, сидя на пассажирском сиденье, пока альбинос уверенно вел автомобиль по ночной дороге. Ехал он явно по привычному маршруту. Несколько раз он сворачивал на грунтовку, углублялся в лес, потом совершенно спокойно выезжал на параллельную трассу. Машины нешуточно качало.

Илья не хотел верить незнакомцу, человеку, которого он видел в первый раз в своей жизни. Пистолет приятно оттягивал ладонь, создавая иллюзию некоторого спокойствия, однако нервы играли, и по привычке майор просчитывал все возможные пути отступления. Блондин дрался люто, быстро, напористо. Было件нятно, что делать он это умеет и любит. Возможно, парень был невосприимчив к боли либо настолько натренирован, что мог выдержать несколько ударов по болевым точкам.

— Что ты знаешь о Гордоне?

— Немного, — Меченосец пожал плечами и, заложив новый вираж, погнал автомобиль по еле заметным в траве колеям. Машина выехала из леса на поле и устремилась к темным силуэтам строений спящего поселка. — Талантливый инженер-новатор, светлая голова. Много патентов, еще больше пока не реализованных идей. Знаю, что его точно убили, и в этом виноват новый гаджет, а точнее интерес Гордона к нему.

— Что значит новый? — нахмурился Прохоров. — Вообще, ты можешь мне объяснить, что происходит?

— Ну, если ты не испугаешься, — альбинос пугающе оскалился, показав ряд ровных белых зубов с немного выступающими клыками.

— Не испугаюсь.

— Тогда слушай. Это экспансия, агрессия в сторону всего человечества. Однако если ты внимательно читал документы, найденные у покойника, и изучал материалы по американцу, ты и так это понял. Гаджет сделан из материалов, которых попросту нет на земле, а иные вообще не входят в периодическую таблицу элементов. Но на этом чудеса не заканчиваются. Мы уже давно наблюдаем за группами субъектов, распространяющих это устройство, и наша разведка донесла, что курирует их наш извечный враг.

— И кто же это? — решил пошутить майор. — Американцы?

— Куда им, — блондин отмахнулся от этих слов, будто от назойливой мухи. — Меченосцы не обращают внимания на расу, цвет кожи, сексуальную ориентацию и прочие условности, свойственные современному обществу. Мы боремся не с людьми, а с извечным злом. Кто-то называет его Анубис, другие кличут Люцифером, третьи Шайтаном, но от этого природа явления не меняется. Мусорщики. Так мы их назвали, и это самое верное определение из тех, какие можно придумать.

— Вот тут совсем запутался, — Прохоров моргнул, на секунду открыв глаза, и с удовлетворением отметил, как на горизонте показался ярко подсвеченный ночными огнями силуэт большого города.

— Есть некая сила, которая утилизирует первородное зло, аномалии, отработку или просто дерьмо неведомого мамонта, — охотно пустился в объяснения белесый. — Ты когда приедешь, пройдишь по интернету. Эту тему давно уже обсасывают, хоть и без особого успеха. Правды там на копейку, но эта правда есть. Ее нужно только вычленить, отделить зерна от плевел. Большого я тебе не расскажу, не имею права.

— Парень, я силовик, — напомнил Илья. — Ты и так уже схлопотал на приличную статью, так что лучше не вилай.

— Ну, хорошо, — блондин улыбнулся. — Я Джасси, по происхождению финн, живу в России по двойному гражданству еще с того момента, когда о Евросоюзе даже никто не думал. Я меченосец, я обучался способам борьбы с этой нечистью почти пятнадцать лет и уверяю тебя, стрельба и ножевой бой самые простые из тех навыков, которые мне пришлось усвоить. Мусорщики, с ними мы боремся уже давно. Они тащат, или пытаются тащить, на нашу планету какую-то отработку, настолько чуждую земной физике, что рождаются аномалии и артефакты. Некоторые из них смертельно опасны, другие, наоборот, весьма полезны, многие из них знающие люди

готовы купить за любые деньги. Есть еще бесполезные аномалии, которые не воздействуют на человека или любую другую углеродистую форму жизни. Я называю их неисследованными, хотя лучше сказать — непонятые. Вот что они выдают, например...

Джасси засунул руку в карман и с ухмылкой покачал головой, увидев, как ствол пистолета майора быстро переместился к его виску.

— Спокойнее, Прохоров. Оружие, небось, заряжено, неровен час выстрелит.

— Даже не сомневайся, — бодро кивнул Илья. — Заряжен и исправен. Тебе вообще сильно повезло, что мы с тобой на одной огневой не оказались. Вся бы твоя хваленая меченосность слезла, как с обгоревшей спины кожа.

Блондин снова оскалился. В свободной руке у него оказалась небольшая коробочка, из тех, в которых дарят кольца.

— Открой, да не бойся ты, не заминировано.

Прохоров нехотя взял сувенир, разумно рассудив, что такую маленькую емкость заминировать очень сложно, откинул большим пальцем крышку и разочарованно присвистнул.

— Так это же камень.

— Верно, — альбинос снова кивнул, переключив все свое внимание на трассу. При приближении к городу появились первые встречные и попутные автомобили, и чем ближе была точка прибытия, тем оживленнее становился трафик. — А ты его достань.

Илья осторожно тронул пристроившийся на бархатном ложе кусочек невзрачной породы. Он оказался твердый, теплый, шершавый и приятный на ощупь. Пах он лавандой. Подцепив камень большим и указательным пальцем, майор поднес его к глазам.

— Ну и что?

— Разожми пальцы.

Камень так и остался висеть на уровне лица. Прохоров мотнул головой, закрыл глаза, протер их, обвел рукой вокруг камешка, пытаясь найти невидимые нити, которые могли удерживать его в воздухе, однако вокруг странного артефакта ничего не нашлось, а сам он продолжал парить.

— Попробуй сдвинуть, — Предложил блондин. На лице его появился хитрый прищур.

Прохоров коснулся камушка пальцем, но тот даже не пошевелился. Тогда он надавил сильнее, однако результат был прежний. Илья обхватил камень ладонью и потянул сначала на себя, потом вниз, но впечатление создавалось такое, будто это не крохотный кусок породы он держит в руке, а пытается сдвинуть огромный гранитный валун весом в пару тонн. Под конец майор схватился за камешек двумя руками, подтянулся, зависнув на секунду в воздухе, и с удивлением снова опустился на сиденье.

— Что это?

— Артефакт. Аномальный выкидыш. Есть такие люди, торговцы, они могут достать тебе что угодно. Мы артефакты уничтожаем, а они их продают.

— Так что в этом плохого? Чудный аттракцион, — пожал плечами Илья. — Можно за деньги туристам показывать, предлагать на спор передвинуть. Дать такой в руки дельцу умелому, и тот озолотится.

— А ты думаешь, откуда у некоторых людей появляются деньжата?

Блондин грустно усмехнулся.

— Так что в этом плохого?

— Да то, мой друг, что не все йогурты одинаково полезны. Это в первую очередь аномалия, чужеродное тело с непонятно каким воздействием. Я, думаешь, почему так просто этот камень с собой ношу? Коробка — это контейнер, вроде нейтрализатора. Мы пару таких в свое время у мусорщиков с боем взяли и немного переработали. Для чего они им нужны, я не знаю, но артефакты чудесно нейтрализуют.

— А какие они еще бывают? — оживился Прохоров. — Ну не все же летают.

— Разные. Одни обостряют чувства, другие позволяют видеть в темноте, третьи дают возможность хозяину дышать под водой. Есть такие, что убивают, быстро и безболезненно. Я как-то видел парня, который открыл коробочку нейтрализатора — и его буквально вывернуло наизнанку. Пришлось потратить на него пару патронов.

Автомобиль вдруг остановился, и Прохоров с удивлением понял, что блондин довез его до дома. Прямо впереди стоял автомобиль Ильи, колесо на нем, то самое, пострадавшее, было уже поменiano.

— На вот, — альбинос протянул коробочку с парящим камнем. — Это тебе в качестве доказательства. Можешь людям показать, но аккуратно, чтобы не светить. На черном рынке этот камушек тысяч за десять евро легко толкнуть. Это тебе вроде кредита доверия.

— Да как же тебе доверять, парень, когда ты мне колесо на дороге пробил?

Блондин покачал головой.

— Это я так, для красного словца, чтобы подзадорить. Колесо ты сам пробил, а я просто за тем парнем в «Волге» ехал. Я, если честно, сначала подумал, что ты это он.

Прохоров пожал плечами и, особо не церемонясь, принял неожиданный подарок и сунул коробочку во внутренний карман пиджака.

— Все равно не понимаю. Эти мусорщики, аномалии...

— Аномалия — зло. Агрессивная среда. Она уродует землю, человека, животное. Аномалия вроде чумы. Заполнив собой один квадратный метр, она лишает плодородия сотню. Фауна в радиусе ее обитания начинает принимать самые причудливые формы и мутировать столь стремительно, как если бы сменилось десять поколений. Результат выходит плачевный и страшный, но самое печальное, что мутируют люди.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Мы, меченосцы, не всеильны, хоть и имеем некоторое влияние. Нам нужны чертежи Феникса, а лучше само устройство. От документов по его

разработке и черновиков Краша и Гордона мы бы тоже не отказались. Нейрофон — это страшное устройство. Ты вскоре сам это поймешь.

Утро встретило тяжелыми свинцовыми тучами и накрапывающим дождем. Встал Илья поздно, казалось напряжение вчерашнего дня, однако был выходной и торопиться было особо некуда. Жил майор в отдельной квартире на пятом этаже, под самой крышей. Окна выходили на улицу, однако был свой балкон, где можно было хранить различное барахло, да о шуме со стороны соседей сверху можно было не беспокоиться.

Открыв глаза, Прохоров еще долго лежал, уставившись в пожелтевший от времени потолок, и пытался переварить все то, что смог узнать за прошедший день. Блондину он верил с трудом, и если бы не вчерашний фокус с бульжником, то и последней капли доверия к его словам не осталось бы. Перегнувшись через бортик кровати, Илья протянул руку к пиджаку, висевшему на стуле, вытащил коробочку и, снова устроившись на подушках, поднес ее к глазам. Камень все еще был внутри, самый обычный, один из тех, что частенько попадают под ногами, пнешь и не заметишь. Серый, с прожилками, чуть сколотый с одной стороны и гладкий с другой, с крохотными выступами-шипами, будто вырванный из цельного куска породы. Привычным уже движением майор достал артефакт и, оставив его висеть в воздухе, принялся анализировать.

Альбинос напустил тумана, однако два покойника и вооруженные люди, легко ведущие бой со специально подготовленными бойцами спецназа, да и отступившие только под огнем вертушки, так просто не появляются. Вели эти парни себя неслышанно, нагло, враждебно и вполне спокойно, будто бы и не в перестрелке участвовали, а сидели за компьютером и проходили какой-то невероятный шуттер.

Новый знакомый упоминал о второй модели гаджета, и это следовало проверить. Вторая была явно опасней, агрессивней и мощней, чем первая, исполняющая роль приманки. Кто бы это ни был, он был очень хитер и коварен. Люди издревле хотели хлеба и зрелищ, и зрелище это нейрофон способен был предоставить даже самому требовательному зрителю. Встав, Прохоров подошел к компьютеру, включил его и, дождавшись, пока загрузится операционная система, а затем и браузер, ввел нужный запрос.

Чего тут только не было. Обещая удивительную визуализацию, вторая модель нейрофона готова была предоставить своему владельцу все, вплоть до запахов, звуков и ощущений. Было, впрочем, предупреждение, что это может быть болезненно и, чтобы включить данную функцию, человек обязан был дать свое разрешение. Впрочем, разрешение давали все, кто же от такого отказывается?

Годами не выходящие из дома люди, парализованные, инвалиды без конечностей, могли ощутить всю полноту жизни. Кто-то отправлялся на рыбал-

ку, другие включали симулятор и, сидя в темноте, в кресле, представляли, как могут гулять по городу, шевеля обезображенными катастрофой культями ног. Слепые становились зрячими, глухие, чей слух не смогло восстановить даже прямое хирургическое вмешательство, окунулись в мир звуков, мелодий и голосов. Были в этом нейрофоне плюсы очевидные, хотя и возникала масса вопросов. Для того чтобы производить такой эффект, ранее требовалось подключение к мозгу и нервным центрам, а это было опасной операцией. Устройство же выполняло это так просто, будто ногти на ногах подстричь.

Кликнув на описание устройства, открыв несколько схем и огромный файл с перечнем функционала, Прохоров долго вчитывался в сухой менторский текст и сдался примерно на десятой странице. Устройство появилось на рынке, пройдя все возможные сертификации, в том числе и гигиеническую, и с этого момента превратилось в неотъемлемую часть культуры. В некоторых коллективах к людям без нейрофонов относились как к существам второго сорта. Они не были способны подключиться к корпоративной почте, у них не было возможности принять участие в срочных видеоконференциях из любой точки и в любое время, они не могли позволить себе закрытые совещания. Они были изгоями и не пробивались по карьерной лестнице. Кто-то шел напопятную, брел в магазин и покупал девайс, к слову, не такой уж и баснословно дорогой, дру-

гие были принципиальнее, но с теми разговор был короткий.

Нейрофон проник всюду, да так стремительно, что никто и опомниться не успел. Теперь каждый школьник, каждый пожилой человек, каждый рабочий, музыкант или конторский клерк мечтали стать его «счастливыми» обладателями. По факту произошла техногенная революция, катастрофа чудовищных масштабов, но, как ни странно, никто не обратил на это внимание. Люди очень быстро стали рабами собственных желаний. Человеку очень тяжело отказаться от удобств, которые в повседневной жизни воспринимаются как должное. Оборудованные кондиционерами офисы, мобильный интернет, частный автомобиль вместо общественного транспорта, ремни и обувь из натуральной кожи. Мелочи, скажете вы? А вы попробуйте от чего-либо отказаться. Один день не поднимайте трубку телефона, ходите по делам пешком, заварите кофе самостоятельно, с помощью турки и газовой плиты, вместо того чтобы покупать готовый в кафе по дороге на работу. Сможете ли вы протянуть долго? Вот это хороший вопрос.

Что же давал человеку, обычному, полноценному, без каких-либо увечий, нейрофон? О, это было удивительно. Целый новый мир раскрывался перед тобой, едва крохотное, даже по меркам современных гаджетов, устройство размещалось в твоём ухе.

Мир этот, как утверждали сотни отзывов довольных пользователей, был гибок, пластичен

и готов подстроиться под тебя. Инженер становился магом, простые домохозяйки могли примерить на голову императорскую корону, забитые и тихие могли ощутить себя супергероями, а какая воля была для различного рода сексуальных отклонений, и сказать стыдно. Углубляясь в материал, добротный, рекламный, написанный хорошим литературным языком, майор, к своему ужасу, понимал, что у него появляется желание купить нейрофон и на своей шкуре испытать все чудеса виртуальной реальности.

Отойдя от компьютера, Илья подошел к окну и, открыв балконную дверь, подставил разгоряченное лицо прохладному ласковому ветерку. Рев большого города ворвался своей какофонией в приторную тишину жилища, заполняя все лязгом металла, скрипом тормозов, криками людей и жужжанием трансформаторных будок. В ноздри ударил привычный смрад выхлопных газов и химии, свойственный большим промышленным городам. Облокотившись на перила, Прохоров взглянул вниз и как будто прозрел. Агрессивная реклама гаджета была размещена на каждом шагу. Растяжки, билборды, подсвечиваемые в ночное время — буквально все вокруг предлагало купить устройство со скидкой или в рассрочку, по удивительно выгодным программам. Слева, справа, снизу, навязчивые предложения о покупке, спасибо, что на голову не падали. Отступив на шаг, Илья развернулся, зашел в комнату, закрыл балконную дверь и потянулся за пультом телевизора. Пользо-

вался он этим устройством редко, в основном для просмотра новостей или передач про животных. Чаще всего телеприемник просто простаивал без дела, медленно покрываясь пылью. Одно нажатие кнопки — и тут же реклама нейрофона. Образцовая семья сидит за столом, все мило общаются друг с другом. Сцена меняется, оказывается, отец семейства в этот момент летит на драконе, прикрывая рукой лицо, от бурных воздушных потоков. Снова смена сцен, по-видимому, мать, блондинка с голубыми глазами и пухлыми губами, сменяет розовый домашний костюм на доспехи морпеха и, умело управляя огромным плазменным резак-ом, идет в бой с космическими монстрами. Снова смена заготовки, дети, девочка и мальчик. Малыш улыбается родителям, тянется за печеньем, а перед его глазами пляшут на столе мультипликационные персонажи. Девочка — принцесса, самая настоящая, вокруг принцы, короли, верные подданные и золотая карета, в которую запряжены четыре белоснежных единорога, гарцующих на месте. Далее тишина, слоган «Весь мир с тобой, где бы ты ни оказался. Развлечения, способные собрать за столом всю семью. Попробуй — откажись».

Майор последовательно прощелкал все федеральные и региональные каналы вещания и раз за разом наткнулся на искомую рекламу. Иногда она была агрессивной и напористой, порой даже социальной, но по-простому занималась одним, программировала обычного зрителя на покупку. Детям дарили нейрофоны за хорошее поведение,

подросткам — за оценки, взрослые покупали забавы ради. Имелся спрос даже среди пенсионеров. Для них предлагалась уникальная система коммуникации, позволяющая в любой момент позвонить родственникам или обратиться в полицию и скорую помощь, если вдруг возникнет проблема. И люди, что естественно для человеческой натуры, реагировали. Милосердие, развлечение, комфорт, новые ощущения, новые возможности. Адский коктейль из чувств и желаний, кровь Сатаны.

Все выходные Прохоров провел в оцепенении, не выходя из дома, не включая телевизор или радио. Стоило только нажать на кнопку питания, как электронные устройства рассыпали вокруг дифирамбы нейрофону, навязчиво, настойчиво, липко. Илью шокировало, что некая потусторонняя сила с легкостью взрослого, отнимающего у младенца конфету, смогла поработить далеко не последнюю в пищевой цепочке часть населения. Тысячи, нет, сотни тысяч людей попали под влияние нейрофона, и было совершенно непонятно, что произойдет потом. Неведомая рука могла нажать кнопку, и модуль в голове заставил бы людей, как безропотных баранов, уверенно переть в сторону обрыва, прыгая с головокружительной высоты, расшибать головы и ломать кости. Впрочем, массовое самоубийство вряд ли было в планах этого страшного существа. Слишком сложная была схема, слишком громоздкий план. Вместо этого можно было зане-

сти неведомую инфекцию, или распылить неощутимый для рецепторов смертельный газ. Прохоров почему-то думал, что существа способные соорудить такое, могли иметь в запасе еще много неприятных сюрпризов.

Утро воскресенья было финалом рефлексии, после которой майор начал действовать. Сначала он позвонил лейтенанту и был приятно удивлен халатностью своего подчиненного. Зельдин, вместо того чтобы ехать напрямиком в отдел, просто загнал «Волгу» с вещдоками на служебную парковку и поспешил домой, в лоно семьи, тепла и уюта. Майор в этот раз не возражал, однако он не мог не отчитать лентяя. Внутренне ликуя, со скоростью молнии выдвинулся в нужном направлении. Попасть туда в выходные было существенно проще, чем, скажем, в камеру хранения вещественных доказательств.

Ключи от авто получить было легко, и вскоре Илья катил по воскресному Петербургу, прикидывая, где бы остановиться, чтобы как следует изучить документы. Нужен был офис, стол, компьютер и копировальный аппарат, если в бумагах вдруг встретится что-то любопытное.

— Алее, Серега, это Прохоров, — особо не церемонясь, майор набрал номер своего старого приятеля.

Тот ушел из органов лет пять назад, и успел организовать частное охранное предприятие, где на тот момент трудился десяток крепких коротко стриженных парней в черных кителях и с резино-

выми дубинками. Сергей Александрович Аллилуев имел офис в Купчино, частенько засиживался на работе и посещал свое маленькое уютно обставленное убежище в том числе и по выходным. Там у него была приставка, бар с хорошей подборкой напитков, бильярдный стол и отсутствие присмотра дражайшей супруги Дианы. На это, собственно, и был расчет.

— Ильюха, ты, чоли? — голос Аллилуева показался майору сонным. — Ты чего вдруг объявился?

— Дело есть. Ты в офисе?

— Ну, это смотря для чего.

— Расследование.

— Э, брат, тут я пас. Я от этих расследований облысел наполовину. Век не забуду прелести службы, с ночными побудками, воскресными дежурствами и планами по перехвату.

— Ты не понял. Это то самое.

— Что то самое? — Аллилуев вдруг прерывисто выдохнул.

Раньше на службе он слыл любителем заговоров, а точнее их разоблачением, и видел признаки таковых почти во всех новостях, газетных заметках и публичных выступлениях политиков. Чем больше он вгрызался в эту идею, тем больше было непонимание окружающих его работы в ведомстве. В итоге Сергей просто уволился, он предпочел собственный путь и собственный бизнес.

— То, — Прохоров усмехнулся в пустоту салона. — Атака рептилоидов, всеобщий масон-

ский заговор, правительственная уловка. Что угодно. Я еду к тебе с документами, которые могут подтвердить одну из этих версий. Ну что, ты в офисе?

— Жду.

Аллилуев, высокий, широкоплечий, с белозубой улыбкой и коротко подстриженными поредевшими волосами, встретил Прохорова на крыльце своего офиса. Его контора снимала часть жилого дома, и, как это часто случается, сделала себе выход со ступеньками прямо на торце здания. Тут же стояла пепельница, прямо под изогнутым пластиковым козырьком, где зачастую прятались от дождя нерасторопные прохожие и собачники.

При виде громыхающей «Волги», Сергей удивленно покачал головой.

— Ну что там? Не томи.

Илья выбрался из салона, обошел автомобиль и жестом фокусника отомкнул ключом замок багажника, представив на всеобщее обозрение гору вещдоков. Расторопный Зельдин, помимо документов, найденных на даче Краша, умудрился сложить туда ноутбук, принтер, зарядки от мобильных телефонов и даже старенький японский калькулятор с истертыми кнопками, бывший на пике моды в конце девяностых.

— Вот. Тут есть доказательства того, что нас уже захватили.

— Кто?

— Да пес его знает. Слышал о нейрофоне?

— Шутишь, — Алилуев криво усмехнулся. — В зубах уже завязла эта реклама. Дочка канючит, мол, купи, папа, да купи. В классе уже у всех есть.

— Надеюсь, отказал?

— Временно. Посулил, что возьму, если без троек год окончит.

— И правильно, Серега. Сейчас мы переберем эти документы, покопаемся в ноуте, и у тебя волосы на голове зашевелиятся.

Будучи по первой специальности радистом, Алилулаев после выгрузки вещественных доказательств в конференц-зал, вплотную засел за чертежи. Изучал он их долго, порой сверяясь с чем-то в интернете, делал записи карандашом в блокноте, потом зачеркивал их и делал новые. Документов через его руки прошло столько, что аналитическое подразделение специального отдела могло только позавидовать. Тихо работал лазерный принтер, усердно грея печкой порошок и выдавая лист за листом.

Прохоров тоже сложа руки не сидел. Занявшись ноутбуком покойника, он запустил программу по восстановлению файлов, и вскоре в руках майора была полная переписка Краша с Гордоном. Странно было, что программист не позаботился о полном удалении. Вероятно, он не считал данные важными и потому делал все спустя рукава.

Первый раз американец вышел на Краша три года назад, по какому-то вроде бы пустяковому делу о краже аккаунта. Крашу нужно было вернуть

виртуальную собственность, что он с успехом и сделал, получив за это одну тысячу долларов. Инженер поигрывал в какие-то стратегии и стал жертвой мошенников, которые смогли увести его пароли.

Спустя полгода Гордон начал свой крестовый поход против нейрофона. На его стороне было порядка десяти анонимов, не желающих засвечивать свои реальные данные в сети, и все они работали на результат. Уже через месяц принципиальная схема нейрофона была разобрана по косточкам и сверена с чертежами в сети. Через два месяца было установлено вредное, порой одурманивающее воздействие гаджета на неокрепшие умы, а после был расшифрован мигрирующий код передачи данных. Загрузка интерфейса в гаджет была делом двух минут, однако расшифровать информацию, которую принимало устройство, было крайне сложно. Выданные производителями коды показывали вполне легальную картину, однако миграционный способ шифрования выявил дополнительный двусторонний поток данных с сервером, местоположение которого найти не получилось. Сначала устройство в ухе подключалось к любому доступному передатчику, по любому из воздушных каналов, после чего сигнал просто растворялся. Из воздуха же шел и прием, и данные, поступающие оттуда, больше походили на команды, чем на фантомный шум.

Было совершенно ясно, что нейрофон получает команды извне.

Отдельным пунктом выделялось привыкание к гаджету, и тут начиналась вовсе мистика. Среднестатистический лоботряс осваивал устройство в период от двух недель до месяца, после чего извлечь его из пациента представлялось возможным исключительно хирургическим путем. Устройство имело определенную степень воздействия, агрессивную, и, похоже, биологического свойства. В какой-то момент оно начинало проникать в бедолагу, распространяясь там вроде гриба или инфекции, захватывая нервные центры и участки мозга. При удалении гаджета человек становился идиотом, паралитиком, овощем, но никак не превращался в себя прежнего.

Были, впрочем, и осечки. Нейрофон оказался весьма избирательным, в плане своего носителя, вроде крайне разборчивого симбионта. Да, именно симбионта, правда, грозившего перерасти в паразита. Чтобы понять эти вещи, требуется разобраться в обоих терминах. Симбионт — это тот же паразит, однако отдающий своему носителю некую частичку свойств, помогающих ему выживать в агрессивной окружающей среде. Симбионт не может жить без носителя и умирает в тот момент, когда зараженный организм заканчивает свой биологический цикл.

Паразит действует по-другому. Он агрессивен, жизнеспособен и только берет. Попадание паразита в носитель чревато для последнего осложнениями, продолжительным заболеванием и летальным исходом.

При всей своей информационной начинке нейрофон находился на тонкой грани между этими двумя понятиями, и совершенно не ясно было, в какой момент помощь глухим в прослушивании классических музыкальных произведений может перерасти в команду убивать. Да, такое тоже могло произойти. В процессе игры человек настолько проникался обстановкой, реалистичностью передаваемой картинки и собственными ощущениями, что мог и не заметить разницы между виртуальным миром и реальностью. Интернет был буквально переполнен роликами таких вот, потерявших голову людей. Два дюжих хлопца, сойдясь на поле брани, а на деле встретившись на центральной площади одного из провинциальных городков, сошлись в ратной сече. Картинка видео была разделена на две части. Одна отображала видеоряд нейрофона, который он транслировал игроку. Тут было все просто великолепно. Два воина в сверкающих латах, с плюмажами на остроконечных шлемах рубились на мечах. Летели искры, ржали кони, рев битвы заглушал стоны раненых, а искры, выбиваемые оружием, заставляли устыдиться солнце. Потом включалась другая дорожка, и все внимание зрителя переключалось на другую часть картинки, где два немолодых уже, лысоватых джентльмена, всю скакали и размахивали руками, изображая неведомых воинов. Вокруг слышался смех зевак да порхание испуганных голубей, до этого мирно клевавших крошки на асфальте.

Вложи в этот момент в руки мужчин настоящие мечи, и они не заметили бы разницы.

Помимо ролевок были и стрелялки, а также люди, способные стрелять, и стрелять метко. Волосы на голове Прохорова зашевелились, когда он понял, что в какой-то миг кто-то захочет поиграть в снайпера, и кто-то извне прикажет ему убить человека. Сделает он это просто, в процессе игры, не понимая, что все по-настоящему.

Доказательства этому были, в видеоряде, в журнальных и газетных заметках, в репортажах по телевидению, однако, что парадоксально, относились к этому как к мелкому хулиганству, списывая все на шаткую психику провинившихся. Тревогу никто не бил, а даже наоборот. С десятков популярных медицинских передач продвигали нейрофон, рассказывая о его чуть ли не волшебных свойствах. Педагоги в школах рекомендовали гаджет к покупке как новое средство к постижению знаний.

Помимо очевидной рекламы, была еще и скрытая, та, что идет параллельно с сюжетом фильма или, о боже, мультика. Все известные рисованные персонажи уже обзавелись нейрофонами, им посвящали отдельные серии простым и понятным языком, в интересной игровой форме рассказывали о пользе нейрофона. Сериалы, ток-шоу и полный метр не обошли гаджет вниманием, и теперь самый главный шпион Англии мог похвастать таким устройством, помогающим ему в нелегком деле.

Новая волна ужаса накрыла майора, и тот, в растерянности щелкая по клавишам, смотрел и смотрел, как одурманенные и зомбированные люди радуются той ловушке, в которую они сами себя и загнали. Илья не мог понять, как он это пропустил? Как пропустили это службы, правительство, армия? Нейрофонная чума расплзлась по всему свету.

Избирательному гаджету не нужны были инвалиды. Он исправно предоставлял все рекламируемые услуги, однако люди без конечностей, ВИЧ-инфицированные и раковые больные спокойно доставали нейрофон из уха. Гаджету нужны были здоровые рабы, и чем прочнее была оболочка из мяса и костей, тем охотней и быстрее устройство в него внедрялось.

— Илья?

Прохоров тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и переключился на Аллилуева, который как раз закончил анализ своей пачки документов.

— Нашел что?

— Ну, — Сергей пожал плечами в нерешительности. — Если тебе интересно.

— Интересно, — уверенно кивнул Прохоров. — Рассказывай про все, что нашел.

— Вот, — ладонь бывшего силовика, а теперь успешного предпринимателя ударила по столешнице, на которой были аккуратно разложенные на три стопки бумаги. — Я разделил документы по группам, внимательно изучив все, что смог найти тут и на просторах интернета. Есть три, точнее нет, два типа нейрофонов.

— Постой, два или три? — Майор нахмурился и обвел зал в поисках кофеварки. Отчаянно хотелось кофе и есть.

— Ну, строго, два, — Аллилуев выкатил магнитную доску, до этого мирно стоящую у стены, откупорил маркер и нарисовал три полосы. — Первая полоска — это нейрофон, который появился некоторое время назад и наделал много шума. Это техника чистой воды. Она перепрошивается и программируется, однако, технологии, по которым она произведена, шагнули далеко вперед. Я уж не говорю о материалах нейрофона, что можно найти на крохотной печатной плате внутри корпуса. Тут другое. Вопреки остальным моделям она похожа на муляж, отвлекающий маневр. Вторая полоса для модели гораздо агрессивнее своего старшего брата. На ее плате уже есть контейнер, в котором, судя по запискам Гордона, находится некая биологическая среда, вроде зародыша. В состоянии покоя она не активна, однако все меняется, едва устройство попадает в ухо человека. Субстанция разрастается, заменяя собой электронную начинку, а после просто прорастает в мозг. Проблема этой модели в том, что это явно пробная версия, вроде несостоявшегося релиза с массой недоработок. Стоит человеку выпить водки, например, или попасть в состояние наркотического опьянения, эта история просто поддыхает. То же касается и больных вирусными заболеваниями, вроде гриппа. Влияет высокая температура, как в ходе болезни, так и при нахождении в сухом, плохо прове-

триваемом помещении при пятидесяти градусах по Цельсию и выше. Сырец, в общем, халтура.

Этот нейрофон попал в продажу на неделю, и ровно через семь дней был отозван производителем с полной финансовой компенсацией для конечного потребителя. Другое дело, новый нейрофон, или нейрофон два. Все материалы по нему говорят, что та самая неведомая тварь, что их штампует, хорошенько изучила все. Гордон боролся именно со вторым нейрофоном, он расшифровал поток, смог на него воздействовать и глушить помехами. Твой Феникс — это по сути глушилка, транслирующая помехи на той же частоте и просто бьющая основной код. Нейрофон получает команду с помехой, не может ее расшифровать, и отбрасывает в сторону как ненужную вещь.

— Слушай, ты, как специалист, можешь кое-что для меня выяснить?

— Например?

— Ну, например, так ли верны твои выводы, это, во-первых.

Аллилуев криво усмехнулся.

— А во-вторых?

— А во-вторых, подтвердить либо развеять мои опасения. Я постараюсь найти реальных производителей по своим каналам, а ты выясни, насколько можно повредить носитель, то бишь, конечно-го потребителя, и можно ли его принудить что-то сделать.

— Ну, на второй вопрос я тебе сразу могу ответить, — Сергей вдруг откинулся на спинку стула

и устало потер глаза. — Устройство это, мать его, гениальное инженерное решение. У нас такого не производят. Нет аналогов в Японии, Китае и у прочих азиатов, что по новинкам высоких технологий впереди планеты всей. Не засвечено ничего и у больших европейских и американских производителей.

На упаковке нейрофона есть штрих-код, который никуда не ведет. Физический адрес производства отправляет на несколько континентов. Документы, поданные на сертификацию, вроде бы и правильные, однако по ним решительно не получается отследить производителя. Может быть, у тебя, по твоим каналам, и получится, но я умываю руки.

— Ну, хорошо? А выпотрошить его ты можешь?

— Наверное. Я не уверен за оборудование, но попытаюсь сделать все, что могу. Сегодня вечером заеду в магазин и куплю себе нейрофон, а там посмотрим.

— Смотри, не вздумай использовать!

— Что ты! — на лице бывшего силовика появилась печать ужаса, смешанного с отвращением. — Нигде же не говорится, что эта дрянь прямо в мозг впивается своими гребанными тенаклями. Просто передача, воздействие волнами. Я тут просмотрел ролик по извлечению нейрофона, так это вообще тихий ужас. Я такое только в анатомичке видел, когда препарировали какого-то парня из Южной Америки. У нас специальный курс был, когда я решил из связистов в службисты перейти. Вот я тогда

пострадал, по гордости лишился завтрака, но речь не о том. Давай я тебе лучше этот ролик покажу.

Прохоров подсел к столу Серега, который уже скачал на свой компьютер данные с найденной флешки. Было тут много технической информации, однако, похоже, имелись и видеофайлы, те самые, недостающие, которыми покойный Гордон успел поделиться с отбывшим на тот свет по собственной инициативе Крашем.

Ролик показывал тушку кролика, над которым стояло двое в зеленых халатах. На головах людей были надеты шапочки, лица закрыты масками, свет бил откуда-то сверху, прекрасно освещая все поле операции.

— Как и обещал, — знакомый голос, немного приглушенный стерильной маской, явно принадлежал инженеру, — мы производим вскрытие этого кролика. К сожалению, бедолага долго не протянул, и, едва мы извлекли нейрофон из его уха, он умер от болевого шока. Я не садист, не живодер, но дело, которым мы занимаемся, может спасти немало жизней. Прежде всего, скажу, что просто так гаджет не достать. Он уходит в слуховой канал, пробивает барабанную перепонку и обосновывается в среднем ухе. Данный процесс для носителя, на удивление, происходит совершенно безболезненно. Глухое на одно ухо животное прекрасно реагировало на звуки, что еще более странно. Ну что, дружище, приступаем?

Вопрос был адресован к человеку рядом, и тот молча кивнул и принялся за вскрытие.

— Внутренние органы не повреждены, — говорил он в воздух, видимо, по привычке. Выглядят вполне здоровыми...

Шло много информации. Хирург доставал внутренние органы кролика по одному и взвешивал их, громко говоря вес, и вот, спустя час после начала вскрытия, они добрались до черепа. Взвизгнула пила, уверенно прорубая костяную преграду, верхушка черепа, снятая будто шляпа, легла рядом с трупом животного на блестящую поверхность стола, и тут оба натуралиста застыли в удивлении.

— Господи, что это?

Гордон, державшийся до этого на удивление хорошо, переломился пополам, поспешно сдернул маску и пропал из кадра. Человек, державший камеру, тоже почувствовал себя плохо, слышались характерные звуки рвотных позывов, однако аппаратуру он из рук не выпустил. Невозмутимым остался только хирург.

— Мы наблюдаем странную аномалию, — произнес он, поднимая специальными щипцами странную сетку, опутавшую мозг. Белесая, с зелеными прожилками, она буквально уходила корнями внутрь мозга животного, охватывая его на манер дырявой наволочки. Выглядело это весьма непрезентабельно, и даже у Ильи, повидавшего на своем веку множество исковерканных трупов, внутри появился неприятный холодок.

Дальше он досматривать не стал. Пожал другу ругу, пообещал заехать на следующий день и, выйдя из двери, взглянул на проходящих мимо лю-

дей. Внешне они были вполне обычными людьми, живущими, любящими, страдающими, болеющими за любимую команду и желающими прочитать новую книгу. Мимо прошла влюбленная парочка. Юноша придерживал девушку за локоть, не сводя с нее восхищенного взгляда. По другой стороне улицы пронесся трусцой крепко сбитый парень в спортивном костюме. За ним по пятам скакала небольшая остромордая собака, не желая отстать от хозяина. В проехавшей мимо маршрутке были открыты окна, и оттуда доносился незамысловатый мотив. Скучающие лица пассажиров смазались в одно сплошное серое пятно. Все они могли уже приобрести или хотели приобрести нейрфон, и надо было что-то делать.

Прохоров потратил весь вечер воскресенья на звонки руководству, но достучаться не смог ни до кого. Трубку зачастую просто не брали, а если и отвечал кто, то сонным или недовольным голосом предлагал тревожить абонента строго в рабочее время, по предварительной записи. На этом телефонный звонок обрывался. Первый тревожный звоночек задержался в мозгу майора, когда он попытался позвонить Аллилуеву.

— Абонент отключен, или находится вне зоны действия сети, — спокойно сообщил автомат.

Дальнейшие попытки ни к чему не привели, и Илья выехал в офис друга. Тот, к сожалению, оказался закрыт. Заехав к нему домой, Прохоров долго ждал, прежде чем попасть в подъезд, а по-

том упорно нажимал на кнопку звонка, расположенного рядом с угловой дверью, на третьем этаже, и тоже не добился результата. Сергей был в разводе, и по выходным частенько забирал дочку, чтобы совершить какой-нибудь пеший поход, пройтись по киношкам и кафешкам и совершить рейд по модным магазинам, но его бывшая супруга опровергла и эти предположения. Не звонил, не писал, не был.

Выйдя на улицу, Илья опустилсЯ на скамейку и впал в очередное раздумье. Аллилуев пропал, и это точно не могло быть совпадение.

Утро понедельника было сумрачным, тихим, предштормовым. Свинцовые тучи нависли над шпилем Петропавловской Крепости, закрыв собой солнце, из-за чего Северная Столица выглядела еще более серой, чем обычно. Хмурые трамваи грохотали по рельсам, мимо спешили невыспавшиеся прохожие, сжимая в руках зонтики, портфели, помятые газеты, что раздадут на выходе из метро, и бумажные стаканчики с кофе.

Трафик был на удивление вялым, машины лениво катили по проспектам, неспешно смахивая дворниками редкие капли дождя с лобового стекла. Прохоров стоял у окна, не спеша в офис, и курил в открытую форточку. Одет он был в деловой костюм, под полый пиджака которого пряталась наплечная кобура. Та приятно, почти успокаивающе тяжелая, не мешала. Скорее, Илья чувствовал бы себя неуютно, если бы вдруг не был сегодня при оружии.

В кармане задержался телефон.

— Слушаю?

— Прохоров, ты рехнулся. Тебе было велено мирно и тихо закрыть дело американца за недостаточностью улик. Я же что вижу? Перестрелка, труп одного из фигурантов старых дел по кибер-преступлениям, смежное ведомство работает, вертушка была, в новостях объявили о контртеррористической акции. Такая шумиха в верхах, что у меня уши закладывает.

Сказано это было ровным, спокойным тоном, однако именно эта интонация из уст начальства грозила самыми неприятными последствиями. Последний раз шеф отчитывал в этом духе бывшего руководителя специального отдела, после чего того с позором вышвырнули из ведомства, без льгот, регалий, орденов и специальной пенсии.

Илья молчал, слушал, как его отчитывают, будто шкодливого мальчишку, но внутренняя дисциплина и годами прививаемая в ведомствах субординация заставляли его держать рот на замке.

— Значит, так, — голос стал еще более спокойным. — Чтобы через час ко мне с рапортом обо всем, что случилось. — Жду.

Из органов увольняют не часто. Шеф буквально рвал и метал, когда прочел отчет, а когда узнал, что Прохоров самовольно забрал вещественные доказательства, то и вовсе закипел. Илья решил не подставлять младшего коллегу и позаботился

о том, чтобы в записи на машину, в гараже, значилась только его фамилия.

Формально он не был уволен, его просто отстранили до выяснения. Однако значило это следующее. Он не мог появляться на работе, пользоваться ресурсами конторы, брать и носить служебное оружие и пользоваться служебным удостоверением. Зарплата в этот момент тоже не начислялась.

Выйдя из приемной в рекреацию, Прохоров остановился и оглянулся вокруг, будто бы ища что-то. Илья ничего не искал, он совершенно не представлял, что ему делать дальше. Вся жизнь майора, некоторый промежуток которой был посвящен армии, но большая же ее часть неразрывно связанная с работой в конторе, всегда, ну или почти всегда, имела четкий план действий и стабильность. Гражданская жизнь со всей ее эксцентрикой и спонтанными решениями была Прохорову совершенно не по нутру. Однако оставалась пара неразрешенных вопросов, на которые он, как боевой офицер, обязан был получить ответ.

Прежде всего надо было найти Аллилуева, и с этим он обратился к лейтенанту. В отделе уже знали о временной отставке патрона, и прибывший в сквер на randеву Зельдин выглядел крайне виноватым.

— Привет, командир, — лейтенант осторожно опустился на скамейку с изогнутой спинкой. — Спасибо, что прикрыли с машиной.

— Да чего уж там, — Прохоров обреченно махнул рукой, буквально физически ощущая, как раз-

валивается на куски его привычный мир. — Однако, услуга за услугу. Ты все еще в штате и можешь дернуть кое за какие ниточки. Просьба у меня к тебе есть.

— Что угодно, товарищ майор, — добродушно кивнул Зельдин.

— Человека надо найти, моего давнего приятеля. Чувствую, беда с ним, однако подавать на пропажу еще рано. Дай запрос с ориентировкой по всем смежникам, проверь базы. Вот его данные. — Илья вложил в руку лейтенанта сложенный вдвое лист с информацией по вдруг исчезнувшему с радаров Аллилуеву.

— Что-то еще?

— Да. Но об этом позже.

Илья пока ничего не хотел и решил не эксплуатировать желания понапрасну. Золотая рыбка могла быть против.

— Хорошо, товарищ майор, — вновь произнес Зельдин. — Сейчас и займусь. Если ваш знакомый был замечен хотя бы на одной камере наблюдения, то центр городского мониторинга выдаст примерный район местонахождения уже через час. В больницах и, простите, но такое тоже может быть, моргах я запросы сделаю.

— Договорились.

Зельдин ушел, а Прохоров остался на скамейке, понимая, что делать ему сейчас по большому счету нечего. Все вещественные доказательства были под замком, и доступ к ним закрыт. Можно было проехать в контору Сереги и вынести дверь,

однако делать этого пока не стоило. Нельзя было привлекать к себе много внимания. Илья буквально чувствовал затылком пристальный взгляд недоброжелателя, осознавая при этом, что это лишь чутье. Стоило оглянуться, чувство это рассеивалось.

Сквер, в котором находилась скамейка, одной стороной выходил на здание конторы, тяжеловесное, серое, из известняка, с высокими окнами, лестницей в два пролета и мирно спящими на гранитных постаментах львами. Двери, высотой в три метра, служили парадным входом, через который сотрудники попадали на работу и уходили с нее, толкая тяжелые деревянные створки.

Бывший шеф шагнул под серое питерское небо и, стоя на ступеньках, закурил тонкую белую сигарету. Служебная машина, взвизгнув покрывками, рванула с места, устремившись к тротуару, и в этот момент у Прохорова зазвонил телефон. Наблюдая, как начальство неспешно ковыляет по ступенькам, Илья машинально вытащил из кармана телефон и, нажав кнопку прима, поднес его к уху.

— Алле. Алле, говорите. Алло, вас не слышно.

Телефон продолжал звонить. Прохоров взглянул на аппарат и нахмурился. В руке у него был телефон покойного Краша, тот самый, с волшебной программой. Видимо, приехав накануне, Илья просто машинально переложил устройство на привычное для телефона место. Прохоров собрался уже убрать его и достать свой, однако запущенная программа распознавания, высветив картинку

перед собой, вдруг неприятно мигнула картинкой, когда объектив телефона прошелся по лестнице парадного входа.

С замиранием сердца Прохоров навел телефон на человека на лестнице и почувствовал холод под сердцем. Красная точка в районе головы патрона уверенно пульсировала, хищно и по-звериному поглядывая на этот мир. Нейрофон.

Шаги позади застали Илью врасплох, однако плохо скрываемый, почти злорадный смех был ему знаком.

— Здорово, альбинос. С чем пожаловал?

Меченосец остановился, свел белесые брови на переносице, и снова изобразил на губах глумливую улыбку.

— Штампы, — произнес он сквозь плотно сжатые губы. — Альбинос, жирдяй, горбатый. Люди загнали себя в рамки и привыкли в них находиться. Я не удивлен, что порабощение нейрофонами проходит так спокойно и незатейливо.

— Ты не ответил на вопрос.

— Дело к тебе есть. Предлагаю играть за хороших.

— Неужто в меченосцы посвятишь?

Блондин отрицательно мотнул головой, похоже, не услышав в словах Ильи издевку.

— В меченосцы нет. Ты просто не потянешь, а нам жертвы среди неподготовленных гражданских ни к чему. А вот помочь можешь.

Словосочетание «неподготовленный гражданский» больно ударило по самолюбию майора.

— В чем помощь состоит?

— Мы хотим получить Феникс. Нам доподлинно известно, что груз передан мусорщикам, а точнее их подручным. Однако где он, мы не знаем.

Илья на секунду задумался.

— Услуга за услугу?

— Возможно, — альбинос согласно кивнул.

— Друг у меня пропал. Я как раз с ним вопрос нейрофона намеренно обсуждал, а на следующее утро он пропал со всех радаров. Вы находите мне Серегу Аллилуева, а я доставляю вам Феникса. Идет?

— Идет, — альбинос согласно кивнул. — Только ты, майор, сначала найди устройство, а человека мы тебе в раз найдем, вот на так. — Для иллюстрации сказанного блондин громко щелкнул большим и указательным пальцами. — К вечеру будет.

Зельдин, как и обещал, вышел на связь, однако новости у него были неутешительные.

— Нигде вашего друга нет, товарищ майор, — сухо сообщил он в трубку. — Или его держат где-то, или он намеренно скрывается. Он же, как я понял, тоже силовик, только бывший. В анамнезе разведрота, две медали за храбрость. Такой не пропадет.

— Хотелось бы верить. — Илья сел в машину. — Все равно копай, участковых озадачь, пусть пройдутся по районам, посмотрят по кустам и канавам. И еще одна просьба.

— Всегда пожалуйста, товарищ майор.

— У нас же все сборные грузы комплектуются маяками по-прежнему?

— Конечно.

— А Феникса когда отправляли, процедуру соблюли?

— Секунду.

Послышался стук клавиатуры, кряхтение, после чего Зельдин уверенно произнес:

— Все по протоколу. Даже штрих-код в базе вижу.

— А координаты груза ты можешь назвать?

— А чего их называть. В хранилище должно быть.

— Маячок сдан?

— Секунду, — вновь стук клавиш, и на этот раз голос неуверенный. — Нет, не сдан. Странно.

— Давай так, — Илья вставил в замок зажигания ключ и, повернув его, услышал привычный тихий рык двигателя. — Ты посмотри, пеленгуем ли мы маячок, и, коли так, сбрось координаты. В долгу не останусь.

Оставшуюся часть времени Илья просто сидел в машине и ждал звонка. Он должен был поступить, только вот один вопрос, от кого раньше. Звонка меченосца Прохоров ждал с нетерпением.

— Алле.

— Товарищ майор, пеленгуем маяк. Ровный сигнал из пригорода. Сорок километров по Московскому шоссе. Только одна незадача, там поле чистое. Я посмотрел по реестру. Ни жилых зданий, не хозяйственных построек. По документам,

брюкву там кормовую выращивают, чтобы скотина не голодала. Я сначала подумал, что груз просто вывалился из кузова.

— А реально там что?

— Вроде как склады или что похлеще. Самострой самозахватом. Я вам сейчас спутниковые снимки на почту сброшу. Она же у вас старая?

— Скидывай.

Илья дождался, пока придет сообщение с координатами, и развернул снимок на весь экран телефона. Больше это походило на военную часть или на зону. Три продолговатых ангара, два забора, вышки по периметру, несколько Уралов прятались под тентами, высунув наружу свои зеленые морды. На въезде угадывался вполне себе оборудованный контрольно-пропускной пункт. Подъезд к нему осуществлялся по грунтовке, он был перегорожен бетонными блоками с тем расчетом, что водитель вынужден был петлять, поворачивая то вправо, то влево, и потому обязан был сбросить скорость. На смежные ведомства это не походило. Силовики если и размещались где, то легально и незаметно, не выставляя вышки и не обкладывая себя тяжелой колесной техникой.

Новый звонок отвлек от созерцания фотографии.

— Привет, майор, нашел, что я просил?

— Нашел.

— Тогда обрадую. Нужна будет помощь. Взяли твоего друга, но можно его вытащить, коли потопимся.

— Кто? — Илья встрепенулся, и свободная рука сдавила баранку.

— Мусорщики. Кто же еще? — в голосе альбиноса послышались нотки разочарования. — Он похоже, на кого-то по своим каналам вышел, и его схлопнули. Тянут пока резину, не знают, что делать. Они ведь тоже не дураки, выгоду ищут. Вот только, боюсь, что, когда народ подоспеет, они его повредить могут, Аллилуева твоего.

— Ты же вроде говорил, что крутой боец? — нахмурился Илья.

— Говорил, — спешно произнес альбинос. — И не отказываюсь. Если нужно перебить эту компанию, то я всегда за. Однако тут нужен спец по вызволению заложников, действовать надо аккуратно. Я в основном на тебя рассчитывал. Ты же у нас дока в этих вопросах.

Действительно, опыт по работе в подобных ситуациях у Ильи имелся, еще на заре карьеры в ведомстве. К слову, и с Сергеем он повстречался именно тогда. Раздумывать было некогда.

— Оружие нужно, броники, боеприпасы. Может, оптика или приборы ночного видения...

— Ну, этого добра у меня полный багажник.

— Тогда к делу.

Встретились на окраине через двадцать минут. Илья гнал по западному скоростному будто умышленный. Выпорхнув со скоростного диаметра, оставляя за собой следы из жженой резины, Прохоров затормозил около белого седана, с помятым

левым крылом. Рядом стоял альбинос, по-хозяйски облокотившись на багажник.

— Оружие где? — Илья хлопнул дверью и, перейдя сразу к делу, шагнул в сторону автомобиля.

— Да бога ради. Вот, выбирай, — блондин откинул крышку багажника, представляя на рассмотрение свой арсенал. От увиденного Илья аж присвистнул. Запустив руку внутрь, он вытащил гранату и, подкинув ее на ладони, будто спелое яблоко, с удивлением поинтересовался.

— Ты что, со всем этим добром по городу едешь?

— Езжу, — меченосец улыбнулся. — Случаи разные бывают. Вот, вроде нашего. Бери ствол, и за дело. Отсюда до точки, где сидят эти твари, минут тридцать быстрой езды.

Илья особо церемониться не стал. Пиджак полетел в салон, а на смену ему был извлечен и надет легкий кевларовый бронежилет с дополнительным слоем защиты на груди и по бокам. Модель называлась «Ни шагу назад», так как начисто лишала защиты спину бойца. Тонкий слой из плетеной цепочки, идущей под тканью, защитить мог только от ножевого да от пули, пришедшей по касательной.

Гранаты Прохоров сразу отмел. Алилуев, судя по сведениям белобрысого, находился в помещении, и его могло зацепить осколками. Автоматическое оружие по причине плохой кучности пришлось тоже отбросить. Однако наплечная кобура

пустовала, и «Гюрза», найденная за коробками с патронами, пришлась весьма кстати. Мощный, легкий, всего полтора килограмма, «Гюрза» способен был с сотни метров пробить четырёхмиллиметровую сталь. Прохоров отправил пару упаковок патронов по карманам, и они некрасиво оттянулись. Приметив в дальнем углу багажника нож в хорошем кожаном чехле, Прохоров уверенно устроил его у себя на поясе и под конец, чтобы совсем уж не путать гражданских своим странным и воинственным видом, вопросительно взглянул на альбиноса.

— Это твой? — на коробках с патронами он увидел плащ, сшитый из добротной кожи.

— Хочешь, возьми, — блондин спокойно пожал плечами. — Ты, кстати, так и не сказал, где находится Феникс.

— Позже, — Прохоров мотнул головой, накидывая на плечи обнову. — Сначала Аллилуев.

Место, где держали Сергея, располагалось на другом конце города, и, чтобы подстраховаться, Илья вызвонил Зельдина.

Поняв, что шеф не шутит, лейтенант подготовился и поджидал автомобиль с блондином и майором на развязке, в нескольких кварталах от точки. Увидев приближающееся авто, он замахал руками, привлекая внимание, и, перестроившись на обочину, лихо затормозил. Машина пошла юзом, вильнула, оставляя на земле глубокие борозды, после чего встала как вкопанная. Хлопнули двери.

Меченосец махнул рукой, подзывая вновь прибывшего, и трое мужчин склонились над бумажной картой, расстеленной на капоте автомобиля. Палец блондина ткнул в жирную точку, поставленную маркером.

— Вот тут. Тут его держат. Мои осведомители сказали, что парня, похожего на твоего приятеля, привезли именно туда.

— Что у нас тут? — Илья склонился над куском бумаги. Посему выходило, что это очередной ангар или склад, обнесенный забором. Находился он чуть вдалеке от внешнего кольца КАД, и съехать по окружной к нему было нельзя. Оставалось два пути: в объезд через ближайшую грунтовую дорогу, по насыпи, через чахлый серый подлесок, или большим кругом по федеральной трассе.

— База трешеров, — усмехнулся альбинос. — Ты уже с ними встречался, на даче у Краша.

Зельдину явно хотелось объяснений, однако строгий взгляд майора временно остудил юношеское любопытство, и лейтенант затих до поры до времени.

— Трешеры?

— Да, одно из названий бойцов мусорщиков. Можешь свое название придумать, какое хочешь, но они даже не люди, в моральном понимании.

— Поясни.

— Трешеры работают на мусорщиков, отлично понимая, что они делают. Сейчас число их множится, растет по экспоненте. Некоторые особо подверженные, из тех, что носят нейрофоны, —

новый непонимающий взгляд Зельдина. — Тоже вливаются в их ряды. Тут сложно все, одни не ведают, что творят. Другие понимают и служат осознанно. Не понятно, кого валить, а кого контузить.

— Где конкретно держат Серегу?

— Вот в этом сарае. На карте его нет, но он точно там, — палец меченосца уткнулся в белое пятно на карте, где по плану были зеленые насаждения. — Рядом у них арсенал, гараж и общежитие. Стационарный пункт. Доставляют грузы, перевозят куда-то. Наши толком еще не определили куда. Новое место.

— Тогда работаем, — Прохоров кивнул и, ощутив приятную тяжесть пистолета в руке, двинулся вперед.

База трешеров, на карте такая простая и безобидная, на поверку оказалась неприступной крепостью, и на грузовой терминал походила в последнюю очередь. Бетонный забор, метра три в высоту, опоясывал ее по периметру, огораживая территорию не меньше гектара. По краю забора, на выступающих железных штырях, была намотана егоза, по которой нет-нет да и проскакивали веселые голубоватые искры.

Параллельно забору шел заросший травой ров, прибавлявший к высоте преграды еще пару метров, однако за порядком тут явно следили. Деревья и кусты на расстоянии метров ста от базы были нещадно вырублены, так что все подходы прекрасно просматривались со смотровой вышки.

Вышка тоже была не так проста. Помимо смотрящего, видно было какое-то устройство, накрытое брезентом. В очертаниях его угадывался станковый пулемет.

Яркие юпитеры, управляемые автоматически, полосовали овраг и с десятков метров земли перед забором, не оставляя нарушителю даже малейшего шанса пробраться незамеченным. Однако это была видимая неприступность. Прилипнув к биноклю, Илья внимательно изучал варианты. Он лежал на пригорке, метрах в пятистах от базы. Альбинос и Зельдин засели в зеленке, метрах в трехстах по склону, и пока хранили молчание. Кенвуд на плече не подавал признаков жизни. Меченосец что-то высматривал по периметру, а лейтенант мониторил дорогу на предмет попутков. Как ни кинь, попасть внутрь можно было только так. Вариант с лавированием между лучами юпитеров отпадал сам собой. Слишком много группа несла не себе железа, а расставаться с хорошим стрелковым и холодным оружием перед большой бучей крайне не хотелось. Попутка была давно отработанным способом операции. Дорогу явно не контролировали, так что Зельдин бросил на грунтовку пару неприметных шипастых ежей и ждал, когда автомобиль с неприятелем, гусеничной техники никто не ждал, наедет крышкой и пробьет резиновый баллон. Тут нужно было работать быстро и бесшумно, не дав противнику выйти на связь с базой, и для этого идеально подходил «Выхлоп», нашедшийся в машине альбиноса. Легкая винтовка с глу-

шителем весила не больше пяти килограмм, а пяти патронов было более чем достаточно, чтобы вывести из строя экипаж.

Пока попутки не было, время шло, и Илья начал уже было волноваться, однако, когда майор совсем отчаялся и почти решил просто пойти на штурм, чтобы выручить друга, гранаты для этого вполне хватало, Кенвуд подал голос.

— Верхний, я смотровой. Попутка на двенадцать часов. Готовность пять минут.

Верхним был Прохоров, смотровым, понятно дело, Зельдин. Альбинос предпочел назваться просто линейным.

— Линейный?

— Принято. Выдвигаюсь на позицию.

— Верхний принял. Начинаем по готовности.

Илья убрал бинокль в чехол, больше похожий на сумку, спустился с зеленого холма так, чтобы с базы трешеров его не было видно, и бросился на заранее оговоренную точку. Расчет был прост. Лейтенант снимает тех, что в кабине, но аккуратно, без дырок в лобовом. Боковые стекла можно бить, но шума больше, и их вполне спокойно можно опустить, а вот с лобовухой такой вариант не прокатит.

Илья и меченосец должны были обойти транспорт с тыла и отработать цели из кузова. После чего смотровой брал на себя часового на вышке с турелями и особо рьяных служаек на КПП. Пригибаясь к земле, а иногда передвигаясь по-пластунски на почти открытых участках, Илья добрался до

толстого березового пня на обочине, спрятался за ним и преник к окулярам бинокля. По грунтовке двигался тяжелый военный Урал. Дощатые борта, три оси, крутящие огромные черные колеса, черный передний бампер, больше похожий на швеллер, автомобиль шел грузно, но уверенно. В кабине сидели два типа, чьи выражения лиц было не различить, зато открытый кузов приятно порадовал отсутствием людей, и наличием большого количества картонных коробок. Один был косяк, маленький еж был предназначен для легковушки, и справиться с толстыми грязезацепами грузовика ему было явно не под силу.

— Верхний, у нас проблемы. Попутка большая.

— Сам вижу, — Илья нахмурился, и вдруг в голову к нему пришла сумасбродная идея. Упускать такой шанс было нельзя.

— Смотрящий, работай по целям. Линейный, бери правый борт. После двухсотых надо перехватить управление.

Далее события начали разворачиваться более чем стремительно. До машины оставалось метров сто, что для «Выхлопа» являлось пустяковым расстоянием. Засевший на верхушке холма Зельдин поймал в перекрестие оптического прицела голову водителя, дождался, пока та синхронизируется с пассажирской, и, приняв ветер, мягко потянул за курок. Не учли одного: крупнокалиберная пуля из винтовки сделала свое дело хорошо, но грязно. В миг, когда прозвучал легкий хлопок выстрела, с позиции Ильи это слышалось именно так,

он рванул к проезжавшей машине и, заскочив на подножку, схватился за баранку, удерживая громоздкий грузовик по курсу. Появившись с другой стороны, альбинос спешно открыл дверь, выдернув с пассажирского сиденья мертвеца без задней части черепа, и вдруг отлетел наружу, будто пушечное ядро. В тот же момент Илья почувствовал на своей руке мертвые клещи захвата и, встретив спокойный взгляд водителя, похолодел. От пулевого отверстия, казалось, не осталось и следа. Калибр винтовки должен был расколоть голову трешера будто гнилую тыкву, а тут даже прическа не растрепалась.

Лейтенант снова спустил курок, ухнуло, пуля врезалась в лоб водителя и, расплывшись, упала в ноги не приметным кругляшом. Тот дернул, да так, что Илья чуть было не лишился руки. Автомобиль замедлил ход, но было уже не до того. Прохоров врезался в дверь, чувствуя, как из легких вышибает воздух, и, в миг оказавшись на земле, сжался, пропуская Урал над собой. Скрипнули тормоза, хлопнула дверь, Джагернаут спрыгнул на землю, и ноги в высоких ботинках оказались напротив Ильи. Это был не человек, определенно не человек. Крупнокалиберный патрон мог, пожалуй, пробить головку цилиндра, и даже если у парня в голове оказалась бы титановая пластина, то контузии ему не избежать. Он же вел себя совершенно нормально, будто бы и не получил два выстрела. Схватив Илью за ногу, водитель поднял его в воздух, будто тряпичную куклу, и, склонив голову набок, потянулся свобод-

ной рукой к горлу. Илья попытался вывернуться, ударил каблуком в подбородок, однако нога как будто врезалась в кирпичную стену.

Вовремя появившийся альбинос уже спешил на помощь. Гюрза в его руке заработал, прилежно кладя пули в спину существа, но тот, будто бы не замечал очевидного дискомфорта. Развернувшись, незнакомец отбросил майора в сторону и вдруг слился с воздухом, двигался он стремительно, будто молния, секунда, бросок и удар в грудь увел блондина в кусты, где тот и затих.

Водитель снова двинулся к Прохорову, но тот уже был наготове. Пистолет грохнул раз, второй, третий, разрушая последние покровы внезапности. Бой, разгоревшийся на дороге, просто обязанности были заметить на базе.

— Что ты такое? — майор все давил и давил на курок, пока боек не грохнул вхолостую, в последний раз. В руках оказался нож.

Существо вдруг остановилось и с интересом взглянуло на длинный острый клинок в руке противника, и вдруг, будто решив поиграть с добычей, вытащило из ножен на поясе свой. Илья попытался сглотнуть комок в горле, легкие горели, адреналин внутри бил фонтаном, легкость во всех членах предвещала быструю катастрофу. Сам того не заметив, подталкиваемый каким-то седьмым чувством, он попятился и, вытащив телефон Краша, направил его на незнакомца. Бесстрастное лицо вдруг исказилась маской ненависти, но лишь на миг, мгновение, когда неизвестный атаковал.

То, что майор увидел на экране, заставило волосы на голове встать дыбом. Невысокий, коренастый, в куртке с капюшоном и с рюкзаком за спиной, боец не казался чем-то сверхъестественным, и даже нож в его руке не мог служить триггером к отступлению, но вот картинка... Программа, ранее прилежно отображавшая наличие нейрофона в голове у подопытного, выдала уродливую гигантскую физиономию. Это не был человек, Илья понял окончательно, и мысль эту он попытался отбросить, но не смог. Треугольная морда, с россыпью синеватых глаз и странным, вроде бы не оформившимся ртом, взирала на него с экрана гаджета. Мощные пластины покрывали тело зверя, на лбу были роговые наросты, об которые так безуспешно бился крупный калибр. Руки, длинные, заканчивающиеся острыми костяными пиками, были вытянуты вперед, еще шаг, другой — и быть бы Прохорову насаженным на шпажку шашлыком. Одно лишь смущало, как он смог держать Илью своими уродливыми костяшками.

Существо дернулось, не понятно как удерживая клинок, Илья вновь попятился, с ужасом наблюдая в монитор, как острая костяная пика прошла в нескольких миллиметрах от его руки. Грохнуло, на этот раз так, что и глухой бы услышал. Илью обдало взрывной волной, и он, потеряв равновесие, вновь оказался на земле. В ушах стоял звон, однако он не смог перекрыть грохот нового выстрела. Альбинос, стоя посреди дороги, раз за разом направлял подствольный гранатомет своего

АК в чудовище. Чтобы убраться от осколков, все еще чудом не задетый Прохоров поспешно укрылся за огромным колесом Урала.

Снова заработал «Выхлоп». Видимо, Зельдин отошел от первого шока, но больше всех отличился именно меченосец. Раз за разом он заряжал подствольник, доставая снаряд из бездонных карманов своей куртки. Существо покачнулось, попятилось, нож все-таки выпал из его руки, а винтовочные пули добавили жару, выбивая странные звуки из туловища и плечей. И вдруг, когда, казалось, этот монстр готов был перейти в наступление, он развернулся, подставляя спину, и бросился бежать. Грязная полоса, чудище двигалось настолько стремительно, что просто расплывалось в воздухе, в какой-то момент пропорол плотный ряд колючих кустов и исчезло, испарилось.

Такого провала операции Илья не ожидал, а если положить руку на сердце, то и вовсе не представлял, как можно было так лохонуться. Все было четко отработано, бойцы находились на своих местах, одно только во всем этом не учли.

— Это был мусорщик, — альбинос протянул Илье руку, и тот, ухватившись за нее, поднялся с земли.

Спустившись со своего пункта на землю, к мужчинам бежал Зельдин с таким лицом, будто только что увидел что-то страшное. Так, впрочем, и было. Чудище, представшее на экране гаджета, могло присниться в самых страшных снах. Но не

это было пугающим до зубовного скрежета. Тишина, в которой бился противник, вот что поразило больше всего. За все это время, даже в тот момент, когда мусорщик принимал на грудь гранату, он хранил полное молчание. Время уходило, на рефлексию можно было махнуть рукой.

— Грузимся, — Илья рванул к Уралу и, вскочив в кабину, с радостью обнаружил под ладонью ключ зажигания. — Обсудим все потом.

Альбинос сел рядом, поспешно надев на голову капюшон, а Зельдин поспешил вернуться на позицию. До ворот оставалось метров четыреста, и для его «Выхлопа» это было плевое дело. Кенвуд тут же сообщил:

— К вам легкий джип. В машине трое, два на переднем сиденье, один за станковым пулеметом. Мне их снять?

— погоди, — Илья повернул ключ, и губы его растянулись в довольной улыбке. Утробный рев мотора под капотом дал импульс, и тяжелый слоподобный грузовик грузно тронулся с места. — Мы и так эффект неожиданности слили. Подпустим их поближе.

Машина тронулась, неспешно набирая скорость, а слова в эфире сообщали данные дальномера.

— Четыреста метров до сближения. Везет вам, парни, грунтовка виляет. Идите так, чтобы они не успели очухаться. Сейчас поднажми, шеф, чуток буквально. Во! Сравнялся.

Илья надавил на педаль акселератора, и машина потянула ощутимо сильнее. Отсутствие амор-

тизаторов больно ударило по позвоночнику, когда колеса автомобиля насккивали на большой камень либо попадали в канаву. Рулить было сложно, по крайней мере, на малых скоростях приходилось прикладывать немало усилий, и только когда стрелка на спидометре добралась до тридцати пяти, в ладонях появился привычный комфорт. Где-то заработали винты вертолета, по спине пробежал неприятный озноб.

— Жми! — выдохнул в рацию Зельдин, и Илья утопил педаль в пол. Огромный зеленый грузовик с дощатыми бортами буквально смял легковушку с пассажирами и уверенно пошел по прямой, метя в ворота.

Урал неся вперед, и казалось, этой машине просто не ведомы препятствия. Однако бетонные блоки перед воротами являлись именно ими. Мозг Прохорова работал быстро, но решение пришло само собой. Когда до ворот оставалось триста-четыре метра, в небе вдруг возникла вспышка, в мгновение ока превратившись в расплывчатый след, и в бетоне появился проход.

— Это что за хрень? — майор от удивления чуть не выпустил тяжелую баранку грузовика.

— Наши работают, — усмехнулся блондин. — Или ты думал, что я пойду на штурм хорошо укрепленного пункта с двумя бойцами? У тебя эмоции, парень, а у меня результат.

Илье на секунду стало стыдно. Вся его боевая подготовка, командирские и тактические навыки в мгновение ока были спущены в унитаз. Всего-то

и надо было, остановить попутку, снять с пяток часовых, прорваться к зданию и так же с боем, не щадя патронов, уйти, попутно нанося урон живой силе противника. Почему именно так? Да потому что майор откровенно тревожился за Аллилуева. Не понятно было, в каком он состоянии. Может, ранен, может, истекает кровью, и упыри с нейронами не спешат оказать ему первую медицинскую помощь. Минуты промедления могли стоить Сергею жизни, и жест этот был скорее шагом отчаянья, чем разработанной победной стратегией. Обратиться к своим Илья не мог, а попросить подмоги у меченосцев не подумал, сказался стресс, накопленный за последние дни.

Где-то вверху заревели винты, низко прошла над укреплениями вертушка, поливая все свинцом, вышку с наблюдателем разнесло в щепки, пули загрохотали, превращая в дуршлаг железные стенки ангара. Кто-то изнутри огрызнулся, вильнула ракета, трешеры ответили из ПЗКР, но «Аллигатор» отклонился, новая вспышка — и смертоносный снаряд растворился в воздухе.

Прохоров вдавил педаль акселератора, и Урал пропорол тяжелые железные ворота, ворвавшись внутрь базы. Удар КамАЗа пришелся в правый борт, и, еле удержав машину на ходу, майор бешено закрутил баранку. Зельдин снова сработал водителя, автомобиль противника вдруг потерял управление, споро покотившись в сторону гаража и притаившейся там техники. Новый грохот возвестил о том, что еще несколько колесных транспортных

средств вышли из строя. Илья пока еще не думал ни о чем. Его интересовал сарай, стоящий чуть в отдалении. Альбинос выскочил на ходу, резанул из автомата по появившимся бойцам, крутанулся на месте и попытался уйти из сектора обстрела.

— Давай, выручай своего кореша, — хрипло предложил Кенвуд на плече. — Тут остались одни недобивки.

— Я вообще не понял, что произошло, — Аллилуев сидел на заднем сиденье автомобиля альбиноса, закутанный в одеяло, и отхлебывал горячий чай из термоса. Как только Илья убедился, что с другом все нормально, он спешно погрузил его в транспорт, и четверка убралась из зоны боевых действий, предоставив Меченосцам и трешерам разбираться между собой. Когда авто вырулило с проселочной дороги на узкую двухполосную ленту шоссе, все еще были слышны сухие хлопки выстрелов.

— Как тебя поймали? — Прохоров сидел рядом и с сомнением поглядывал на приятеля. Первое, что он сделал, это навел на него телефон Краша и, облегченно выключив устройство, поспешно, будто извиняясь, убрал его в карман пиджака.

— Да я пару заказов сделал в интернете, как раз по нейрофонам. Только специфических, сделал запрос по платам, по комплектации. Нашел интернет-магазин, очень удачный, как мне казалось на тот момент. Заказ оплатил, и курьер приехал через час. Я не ожидал такой прыти и расслабился,

отвернулся на несколько секунд за ручкой, потом боль в затылке, искры в глазах и темнота.

Сергей осторожно коснулся пальцами бинтов на голове.

— Как себя чувствуете? — поинтересовался Зельдин с переднего пассажирского. — Не тошнит? Неприятного привкуса во рту нет? Онемение в членах?

— Члены мы чувствуем, — в тон ему подтвердил Аллилуев, вызвав у Ильи улыбку. — Еще стыд и позор от того, что обвели нас вокруг пальца, как котенка, ощущаем. Стыд, кстати, жгучий. Я же боевой офицер, диверсант почти. У меня заслуг больше, чем у тебя записей в военном билете.

— Я же просто, — обиделся лейтенант и, отвернувшись, демонстративно уставился в окно. — Куда мы, кстати, едем?

— Ах, точно, — Прохоров положил ладонь на плечо блондина. — Записывай координаты груза.

— Вас в город? — поинтересовался меченосец, не отрывая взгляда от дороги.

— Да, — кивнул майор. — Пока что это не наша война.

— Ну, так что с Фениксом, вы его нашли?

— Да, стоит на боевом взводе, — поделился Зельдин. — В тридцати километрах от Питера, в частном секторе.

— Отлично, — альбинос записал все нужные коды пеленговки метки в крохотный бумажный блокнот, а затем спрятал тот во внутренний карман куртки. — Подождите пару минут.

Некоторое время блондин с кем-то общался по телефону, то ли тянул время, то ли выжидал чего-то. Пришлось просидеть на траве, рядом с припаркованным автомобилем, не меньше часа, прежде чем альбинос согласно кивнул куда-то в пустоту.

— Все верно, парни, — довольно кивнул он. — Все оказалось даже проще, чем мы думали. Феникс уже на борту, у нас там отряд мобильный, так он и отработал цель. Машина в грязи застряла, не поверите, обе оси сидят по самые ступицы. Пришлось переносить устройство на руках. Мы и вещдоки забрали, и конфискованную технику. Будет над чем поработать. Ну? По машинам.

Добравшись до города, Прохоров потянулся к телефону в кармане и, не рассчитав, вновь достал гаджет покойного программиста. Оба устройства, что аппарат Краша, что собственный телефон Прохорова, были примерно одного размера, а привычка заставляла Илью убирать устройства в один и тот же карман. Камера зацепила машину, часть водительской двери и улыбающееся лицо блондина. Яркая красная точка в его голове опасно пульсировала.

Для того чтобы ввести Зельдина в курс дела, потребовалось не меньше тридцати минут. Тот моргал, открывал рот, периодически вставая со скамейки, охал и хватался за голову.

— Бред, бред, — твердил лейтенант. — Такого просто не допустили бы. Спецслужбы, госбезопасность, все эти парни не просто так едят свой хлеб.

— Я бы тебе больше показал, — Аллилуев болезненно поморщился, раз за разом осторожно касаясь забинтованного затылка. — Да у меня все в офисе, и не факт, что в сохранности.

— Есть у меня пара штук.

Прохоров достал из кармана коробочку с артефактом, которую почему-то носил с собой, и гаджет Краша. Оглядевшись по сторонам, Илья открыл крохотный квадратный контейнер и, подцепив пальцами камень, попытался подвесить его в воздухе. Кусочек породы упал на землю, взгляды майора и Аллилуева встретились в полном непонимании.

— И что это должно было мне доказать? — с легкой иронией поинтересовался Зельдин. — Закон всемирного тяготения? Если что, я знаю про гравитацию.

— Шутит он, — Прохоров поморщился и показал экран телефона. — Смотри. Прога, такой вообще нигде нет. Очень просто определяет, где обычный человек, а где нечисть или тот, что с нейрофоном в ухе.

Зельдин с интересом принял телефон в руки.

— И как это работает?

— Наводишь на человека и смотришь на голову. Если есть нейрофон, то будет точка в голове.

Лейтенант навел телефон сначала на Илью, потом на Сергея.

— Ничего.

— Именно. Ни у меня, ни у Сереги нейрофона нет. Ты лучше по сторонам поводи. Гаджет этот сейчас не редкость.

Зельдин принялся двигать телефон то влево, то вправо.

— Нашел.

Мимо шла маленькая девочка, лет десять ей было, не больше. Легкое летнее платье в цветах, крохотный ярко-красный рюкзачок, волосы забранные на затылке в хвост, и милые ямочки на щеках. Ребенок шел уверенно, давно известной дорогой, вдруг остановился, замер и, что-то прошептав, закружился в танце с кем-то невидимым.

— Мой принц... — считал по губам Прохоров. — ...Моя любовь...

— Что за бред? — Аллилуев снова прикоснулся к затылку.

— Похоже, в игру играет, — поморщился Прохоров. Все эти виртуальные забавы давно уже были майору не по нутру. — Принца, может, загрузила, себя Золушкой или принцессой, а то и феечкой с крыльями. На голове корона, в руке волшебная палочка... Точка есть в голове?

— Есть, — смущенно поделился лейтенант.

— Эй, девочка, — Прохоров махнул рукой, привлекая внимание ребенка. — У тебя давно нейрофон?

Девчушка остановилась, замерла и с подозрением глянула на незнакомцев.

— Я с незнакомыми дяденьками на улице не разговариваю.

— Все нормально, — вступил в игру лейтенант. — Мы незнакомые дяденьки из правоохранительных органов. Вот и удостоверение.

Майор в какой-то момент с легким сожалением понял, что единственное серьезное удостоверение личности осталось только у его бывшего подчиненного.

При виде корочек девчушка удивленно расширила глаза, внимательно изучая светлый образ Зельдина в погонах с двумя маленькими звездочками.

— Ну, так что? Давно у тебя нейрофон?

— Неделью уже, дяденька. У нас у всех в классе есть.

— И сейчас он с тобой? — поинтересовался Илья, как бы невзначай.

— Верно, — на лице ребенка отобразилась блаженная улыбка.

— А во что играешь?

— Я не играю. Что я, маленькая какая?

— Ну, мы же видели, как ты танцуешь.

Щеки девочки залил густой румянец.

— Это уроки танцев. И вообще, не ваше дело, чем я занимаюсь. Я же ничего не нарушала, — развернувшись на месте, девчушка оставила сидящих на скамейке мужчин в тягостном молчании.

— Ну и что теперь будем делать, господа офицеры? — тихо поинтересовался Аллилуев. — Сами сдали Феникс врагу, сами же помогли ему. Одно только смущает. Ты про монстра рассказывал. Чего он на нас набросился-то, если заодно с трешерами, а может, и руководит ими?

— Да пес его знает, — Илья меланхолично подкидывал утративший свою прелесть артефакт на

ладони. Теперь он и вовсе ничем не отличался от камня, вроде тех, что легко можно найти на обочине дороги. — Значит, нужно было.

— Парень этот, кстати, — вступил в разговор Зельдин. — Я ему с винта три раза в грудь попал, после такого не выживают. Этого достаточно, чтобы бульдозер остановить, а у него, похоже, даже толстовка не помялась.

— А альбинос, ты видел, из подствольника его отрабатывал. Странно, очень странно.

— Слушай, Игорь, — вдруг оживился майор. — Маячок же до сих пор на грузе стоит?

Лейтенант неуверенно кивнул.

— Стоит и будет стоять.

— Его не отключали?

— А кто его отключит? — Зельдин пожал плечами. — Только командой из центра, да и то надо, чтобы она правильно прошла. Раньше ведь как было, довозили груз до хранилища, доставали устройство, оно не больше монеты, к слову, в обшивке ящика в потайном пазу, отключали его — и все. Дистанционно этим никто не занимался.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — встрепетнулся Сергей.

— Ну, если ты о горячем супе и кружке хорошего кофе, то да. — Прохоров расплылся в неприятной улыбке хищника перед броском, однако больше ничего сказать он не успел.

Рядом со скамейкой остановился автомобиль, блестящий, черный, с новыми черненными по-

крышками и черными номерами на обоих бамперах. Хлопнуло четыре двери. Не успели друзья опомниться, как еще пара легковых авто перекрыли все возможные пути к отступлению, и в мгновение ока тройка была окружена.

— Прошу следовать за нами, господа, — сказал высокий худой тип в камуфляжных штанах и ботинках с высоким берцем. Куртка цвета хаки неприятно бугрилась под левой подмышкой.

Прохоров оглядел собравшихся. Спортивного телосложения, все как на подбор крепкие, плечистые, притом совершенно не бросающиеся в глаза. Спокойные лица, короткие прически, неяркая одежда. Любой из них шагнет в сторону и с легкостью сольется с толпой. Да и то, как взяли в кольцо троицу, пахло тактикой отработываемой годами.

— Вы что за господа? — осведомился майор, даже не предпринимая попытки встать. — И не попутали ли что часом?

— Нет, майор Прохоров, — отчеканил старший. — Не попутали. Нам нужны вы, лейтенант Зельдин и капитан запаса Аллилуев. Я вижу, что все вы тут, в одном месте, вот и решил заехать с друзьями, подвезти.

— Парни, — Игорь настороженно обвел взглядом группу людей, спокойно и профессионально отрезающих все пути отступления. — Мы из особого отдела.

— Да и мы не из простого

— Госбезопасность?

- Выше бери. Меченосцы.
- И альбинос из ваших?
- А вот за него надо потолковать.

Соппротивление было бесполезно. Даже если кто-то из офицеров сумел бы достать оружие и открыть огонь по противнику, то финал все равно был бы предreshен. Вновь назвавшиеся меченосцами были вооружены все поголовно, и спорить с ватагой при огнестрелах было бы верхом глупости. Представиться люди не спешили, удостоверений не показывали, и в тайном жесте пальцы не скрещивали, так что проверить подлинность тоже возможности не было. С другой стороны, ее не имелось по-любому, так как Прохоров решительно не представлял, существуют ли меченосцы на самом деле и какие тайные прыжки и подмигивания у них в обиходе.

Начинать бой на людной улице, в окружении десятка гражданских опять же не входило в планы, и уже через пять минут, переглядываясь и хмурясь, Прохоров, Зельдин и Аллилуев садились в машину, каждый в отдельную.

Илья уселся на заднее сиденье, и два крепких парня, один с белесой щетиной на выступающем квадратном подбородке, другой с белым застарелым шрамом через всю щеку, заметным, только если как следует присмотреться, уселись по обе стороны, зажав майора плечами. Хлопнули двери, автомобиль с водителем и пассажиром на переднем сиденье быстро тронулся с места, а за ним в хвост

пристроились остальные автомобили. На пассажирском сиденье устроился тот самый, худой. Скулы его вызывающе выпирали вперед, надбровные дуги незнакомца, вопреки общему облику интеллектуала, массивно и тяжело нависали, делая его лицо с определенного ракурса похожим на обезьянью морду. Чем больше Илья приглядывался, тем больше находил особенностей в своих пленителях. Тот, что слева, со шрамом, явно занимался тяжелой атлетикой. Массивный корпус и грузные пудовые кулаки несколько диссонировали у него со стройными нижними конечностями. Второй, наоборот, отличался тем, что и вовсе не имел выдающихся отличий. Квадратный подбородок каким-то чудом замыливался после нескольких секунд наблюдения. Таких людей, как правило, нет. Имеются родимые пятна, выдающаяся асимметрия, возможно странная походка. Рядом же устроился человек — серое пятно, человек-невидимка, непонятная живая аномалия. Как он этого добился, Илья даже придумать не смог.

— Что вообще происходит?

Слова, разумеется, были направлены худому, и тот отлично это понял.

— А то происходит, милейший гер майор, что, сами того не ведая, отдали аспиду рода человеческого единственное оружие, которым сего змея можно поразить. Кстати, у вас в кармане телефон, на котором стоит уникальный софт, позволяющий засечь волновой поток и пульсовую активность нейрофона. Прямо сейчас я предлагаю вам прове-

рить наши холодные головы и убедиться, что мы хорошие парни.

— Хорошие парни посреди улицы не хватают. Бироновщина какая-то, — скрипнул зубами Илья, но телефон Краша достал и внимательно осмотрел всю четверку. Активности гаджета не нашлось, люди были чисты от этой электронной заразы.

— Убедился?

— Нет. Блондин говорил, что есть идейные трешеры.

— Трешеры? — худой вдруг расхохотался, да так заразительно, что Прохоров еле сдержал улыбку. — Вот, значит, как они себя называют? Что-то новенькое, если честно. Да, финн был прав. Есть и идейные, есть и поработанные, есть и вовсе неведомые тебе силы, о существовании которых в жизни не подумаешь.

— Мусорщики? — худой вдруг нахмурился. — Слишком много информации он тебе выдал. Ты же здравомыслящий человек. Как ты вообще смог взять на веру все, что рассказал тебе первый встречный сказочник?

— Может, на нас хотел выйти? — произнес человек-пятно, так же вяло и незаметно, как и выглядел.

— Руки короткие и ум куц, — отрезал худой. — А ты, майор, покопайся в карманах. Должна быть у тебя такая коробочка, вот такого размера. — Для наглядности он показал размеры коробочки, сложив две ладони так, чтобы остался небольшой зазор, не шире спичечного коробка.

Прохоров с подозрением глянул на собеседника.

— А с чего ты решил, что она у меня есть?

— Есть, — главарь всей этой компании невесело усмехнулся. — Или я прав, или в органах у нас работают легковверные простофили.

Илья пожал плечами, вытащил из кармана пиджака коробку с артефактом и вложил ее в руки худого.

— На, не жалко. Все равно не работает.

Мужчина на переднем пассажирском сиденье осторожно принял коробку, открыл ее и снова покачал головой.

— Так и знал, отработка. Это же надо было, как тебя подсадили. Чудно, что в ножки ему не кланялся.

— Кому?

— Ну, финну своему, белобрысому. Как его зовут-то, постоянно забываю.

— А я и не пытался, — вдруг обиделся Прохоров. — Да и потом, он такой же твой, как и мой.

Он уже понял, что пока ему ничего не грозит. Парни посматривали внимательно, но были не агрессивны, да и диалог вести бы с ним не стали, если собирались выбросить хладным трупом на обочине. Это только в фильме злодей ведет душещипательную беседу с главным героем, а в жизни — пуля в лоб, и готово. Никакой риторики.

Автомобили сначала неслись по внешнему кольцу КАД, однако в какой-то момент, Илья не успел заметить, в какой именно, перестроились на полукольцо спуска и теперь шли по шоссе. Груст-

ный пейзаж серых городских строений, пустырей и промзоны сменился радующим глаз зеленым смешанным лесом.

— Куда мы едем?

Худой молчал, молчали и парни по бокам, не проронил слова и водитель.

Прохоров попытался задать еще несколько вопросов, но вся компания вдруг как воды в рот набрала.

Впрочем, старший промолвил что-то неразборчиво, и в мгновение ока Илья ощутил на лице маску. Запахло приторно и сладко, он дернулся, попытался высвободиться, мгновенно поняв, что случилось, но было уже слишком поздно. Потом темнота и сон. Крепкий здоровый сон.

Придя в себя на длинном, застеленном белой простыней лежаке, Прохоров попытался пошевелиться и с удивлением понял, что руки и ноги его не связаны и сам он волен делать практически что угодно. Встав, он с тоской осмотрел помещение, в котором находился. Чистый кафельный пол, белые, обитые чем-то мягким стены, койки, ножками привинченные к полу так, чтобы их нельзя было стащить вместе, превратив в оружие или баррикаду. Свет исходил откуда-то с потолка, нет, пожалуй, не так, потолок неярко светился, и освещение охватывало каждый уголок небольшого помещения. Тут же стояло еще две койки, на которых мирно похрапывали Сергей Аллилуев и Игорь Зельдин. На лице обоих отражался отпечаток безмятежности и спо-

койствия. Решив пока не поднимать шум, Прохоров встал и продолжил осмотр. Длинная и узкая вентиляционная отдушина под потолком исключала всякую возможность побега, разве что пленники вдруг могли сплющиться до толщины школьной тетради. Илья подпрыгнул, подставляя ладонь под отдушину, и рука его почувствовала ровный поток чуть теплого воздуха. Окон в помещении не было. Имелась, впрочем, дверь без смотрового окошка и ручки, плотно утопленная в стену и почти с ней сливающаяся. Это была камера для умалишенных, а может, чего и похуже.

С самого начала майор ощутил некий дискомфорт, уши немного закладывало, но сначала он списал это на последствия внезапного наркоза, однако со временем само ощущение пропало, и остался только легкий свистящий звук, почти незаметный, где-то на грани слышимости, на полутонах. Создавалось впечатление, что где-то неподалеку работает большой электронный агрегат.

Аллилуев шевельнулся, первый придя в себя, открыл глаза и уставился в белый потолок.

— Как в морге, — произнес он в пустоту. — Я умер, похоже, и вот сейчас начнется отпуск.

— Скорее уж, палата для больных, — печально усмехнулся майор. — Тяжело больных, причем умственно. Но ты не думай пока об этом. Пациентам вообще не положено думать. Как ты себя чувствуешь?

Сергей привстал, свесив ноги в ботинках со своего лежака, и потряхнул головой.

— Ты будешь смеяться, Илья, но великолепно. Я выспался, отдохнул. Бодрость в теле невероятная.

— Выспаться на этом свете нельзя, — продолжил диалог Прохоров, стараясь поддержать в приятеле боевой дух. — Это последствия газа. Маска на лицо, приторно сладкий запах. Помнишь?

— Помню.

Очнулся и Зельдин. Настроение у лейтенанта было самое что ни на есть паршивое, чем он тут же и поделился с товарищами по несчастью.

— Ничего, — Прохоров снова встал и тут обнаружил, что шнурки из ботинок пропали.

Исчез и поясной ремень, и содержимое карманов. Не нашлось ни мобильных телефонов, ни часов, ни ключей от квартиры или автомобиля. Кто-то обчистил троицу, пока те находились в беспмятстве.

— Молодцы, — похвалил Зельдин. — Шнурки нам очень нужны, чтобы повеситься.

— Лично я кончать жизнь самоубийством не собираюсь, — пробурчал лейтенант, с тоской оглядывая белоснежную обстановку и недружелюбно поглядывая на собравшихся. — Однако решительно не понимаю, за что тут можно зацепиться.

— Э, парень, не скажи, — майор похлопал ладонью по лежаку. — Если грамотно зацепить шнурок за ножку нашей кровати, накинуть на шею и дернуть, то все получится. Я такое как-то видел. Брали одного кента, так он в туалетной комнате заперся. Дело старое было, тогда об информационной без-

опасности никто не думал. Я только в отдел поступил. Бумаги перебирал, составлял отчеты за каждого встречного и поперечного, строчил в главкумные письма с отмазами, и вдруг бац, поперло. Взяли на задание. Нужен был человек для подстраховки, чтоб за пистолет подержался, а все оперативники либо не успевали, либо уже были задействованы. Дело оказалось срочным, тогда как раз саммит большой восьмерки был.

— Двадцатки, может? — проявил первые признаки заинтересованности Игорь.

— Нет, парень, — усмехнулся Прохоров. — Именно восьмерки. Сначала семерка была, потом Россию включили, еще до обострения отношений со Штатами. Собирались они все в Питере в то лето, и жарким оно было, аж жуть. У нас тогда не кондеев, не вентилятора приличного. Сиди как дурак, потей и газетой обмахивайся. Ну, так вот, поехали мы, значит, на это задание. Парня одного надо было взять, очень важного. Если бы успели вовремя, то много народу под суд пошло. Как позже выяснилось, с ним заинтересованные люди связались и предложили. Мол, либо ты на тот свет, и вся твоя семья до третьего колена в золоте купаться будет, либо ты живешь, а к праотцам родственники. Парень правильно поступил, наверное. Коррумпированную сволоту сдавать не решился. Да и мы тогда защитить бы его семью не смогли. Программа по защите свидетелей тогда только работать начинала, да и спустя столько лет до сих пор хромает на обе ноги.

Ну, так вот, решили в тот момент асфальт на гостевом Московском проспекте поменять. Мол, поедут важные персоны, импортные ягодицы на отечественных выбоинах и ямах помнут. Пробки жуткие, таких отродясь в городе не было. Люди в машинах дуреют, за бортом больше тридцати. Мы, как могли, протиснулись в нужный район, однако, когда проблесковые включили, думали нас граждане бить начнут. Приехали уже тогда, когда эта гниль все бумаги в кастрюле на кухне спалила. Вваливаемся в квартиру, а там дымовал стоит, глаза режет. Ни противогазов с собой, ни респираторов, из средств защиты только солнечные очки.

Ну, парень увидел нас, заперся в сортире, зацепился за ручку шнурками да переломал себе шейные позвонки. В итоге у нас на руках двухсотый, температура шкалит, отписывать на километр, да еще меня, как самого младшего, оставили за жмуром присматривать. Машина за ним пришла ближе к часу ночи. Сижу я, значит, на кухне, следжки уже все оформили, все, что могли из квартиры вынесли, мертвяк сидит в туалете, морда опухла, язык вывалился, мочой воняет и фекалиями. Ссать в раковину ходил, что на кухне. Ну не мог я слабиться при таком соседстве, как будто краник выключался.

Аллилуев присел рядом с Ильей и прошептал ему на ухо.

— Тебе бы в замполиты, майор, хорошо языком чешешь.

Илья хмыкнул и продолжил рассказ:

В замкнутом помещении время иногда замедляет свой бег, а порой и вовсе останавливается. Так кажется, конечно, но ощущение от этого весьма неприятное. Сначала не находишь себе места, потом появляется жгучее чувство, что что-то обязательно нужно сделать, следом дуреет голова, туманится, как завёрнутая в вату, а дальше у кого как. Кто-то впадает в апатию, на кого-то накатывает уныние и хандра, другой, наоборот, становится агрессивным не в меру, и этот момент надо увидеть и пустить во благо. Следует отвлечь людей от плохого, ну хоть бы ребусом или физическими упражнениями.

— Интересно, а что от нас хотят? — поинтересовался Зельдин, скучая на своем лежаке.

— Уж точно не убить, — поделился Илья. — Хотели, давно бы грохнули. Стали бы мы тут кислород расходовать.

— А может, им информация нужна? — включился в игру Сергей.

— И какая? — Прохоров в сомнении закусил губу. — Секреты ведомства он знал, однако для похищения трех людей, два из которых были гражданскими, а один все еще действующим агентом специального отдела, было недостаточно. Вокруг, конечно, творился бардак, однако Игоря должны были уже хватиться, да и пригляд за Прохоровым имел место быть.

— Даже предположить боюсь. Я же так, чтоб совсем скука зеленая не одолела.

Внезапно открылась дверь, и на пороге показался тот самый худой. Руки его были пусты, оружия на первый взгляд тоже не наблюдалось. Он уже успел переодеться и теперь щеголял в кроксах и спортивном костюме. Из тапок задорно выглядывали полосатые носки.

— Господа офицеры, вы проснулись. Я очень рад. От лица всего нашего сообщества приношу извинения за задержку и некоторые обстоятельства, ввиду которых вам пришлось посетить наше кефирное заведение.

От этой шутки мужик расплылся в довольной улыбке, но его никто не поддержал.

Прохоров вновь опустил ноги на землю.

— Вы все-таки представитесь?

— Сколько угодно, — незваный гость дружелюбно кивнул. — Называйте меня Михаилом.

— А фамилия?

— Иванов.

Настала очередь Прохорова состроить улыбку на лице.

— Ну, хорошо, Михаил Иванов. Допустим, вас зовут именно так, в чем я сомневаюсь. Мы тут с друзьями гадаем, что же вы с нами делать будете.

— Вы не поверите, — Иванов всплеснул руками в хорошо отрепетированном театральном жесте. — Совершенно ничего. Вынужденное заточение в этом помещении обусловлено было карантинном. Мы проверяли вас на наличие жучков, а тот неприятный способ, которым вас сюда доставили,

обусловлен исключительной секретностью объекта. Выйдя отсюда, вы никогда не сможете рассказать, где были и как сюда добраться, даже если вас загипнотизируют.

Если раньше, в момент ареста в городе и в ходе транспортировки на неизвестную базу неопознанного ОПГ, сопротивление было бесполезно, то теперь у тройки появился шанс. Дверь была открыта, на пороге стоял всего один противник, а в ярко освещенном коридоре за его спиной, похоже, не было ни души. План в таком случае был прост: наброситься всем гуртом, без шума и пыли, по возможности разоружить, коли есть при нем что дельное, и потихонечку, с поправкой на ветер, покинуть эти гостеприимные стены.

Зельдин кинулся первый, метя в кадык Иванова, за ним, спустя мгновение бросился Илья, и после всего присоединился Аллилуев с целью помочь, а может, и приложить по почкам, однако события предпочли развиваться в несколько другом ключе. Еще мгновение назад Михаил стоял в дверном проеме, поза его была непринужденной и расслабленной, руки спокойно свисали по швам, но в тот же момент, когда он почувствовал движение, худой превратился в боевую машину. Удар, предназначившийся в кадык, ушел в молоко, а Игорь, не без помощи Иванова, по инерции впечатался в стену и на несколько мгновений потерял интерес к драке. Прохоров, уже смекнув, что придется туго, изменил траекторию и попытался достать худого хуком

справа, но тот играючи отразил и это, развернулся и отвесил Илье такую затрещину, будто и не руки у Иванова были, а пудовые гири. Аллилуеву, с его травмированной головой, пришлось и вовсе не сладко. Михаил чуть отступил, резко выпрямил ногу в воздухе и на корню срубил бросок отставника.

Троица лежала на полу. В голове у Прохорова стоял колокольный перезвон, все в глазах плыло, колыхалось и расходилось радужными кругами калейдоскопа, и не было, по сути, больно, а вот обиды было хоть отчерпывай. Скорость и сила, с которой Михаил отработал трех хорошо подготовленных боевых офицеров, не укладывались в голове. Такого даже в кино нельзя было увидеть. Бой длился едва ли больше секунды.

Илья приподнялся с пола и, привалившись к стене, покачал головой.

— Ну, ты даешь, Михаил Иванов! И много вас тут таких, суперменов?

— Все, — скромно пожал плечами худой.

На то, чтобы свыкнуться с новыми обстоятельствами и унять болевые ощущения, понадобилась пара минут, и Михаил любезно их предоставил, а когда его горе-противники начали показывать активность, легко кивнул головой.

— Господа офицеры, если ваши физические упражнения на сегодня закончены, то попрошу вас на выход. Через десять минут обед.

Коридор за пределами камеры был чистый, хорошо освещенный. Из него вели еще с десятков

таких же дверей, из-за которых раздавались странные звуки. Михаил шел спокойной, уверенной походкой, показывая дорогу, и казалось, не беспокоился, что кому-то из его новых знакомых придет в голову идея ударить его по затылку. Что-то, впрочем, подсказывало Прохорову, что этот номер не пройдет, и вяло плетущиеся за ним Аллилуев и лейтенант, похоже, поддерживали эту идею.

— Где мы находимся?

— На базе меченосцев. В списках она идет как Северо-Запад, тот же позывной командного пункта на нашей волне, — спокойно поделился Михаил.

— Значит, меченосцы существуют?

— А куда им деваться? Мы, может быть, с радостью и разошлись по домам, но человечество как один большой, шумный и громкий младенец. Вечно тянет в рот что попало, а потом животом мается. Кто ему таблетку даст?

— Меченосцы?

— Молодец, майор, я в тебе не сомневался. Хороший мальчик.

Данный панибратский и чуть хамоватый выпад Илья разумно пропустил мимо ушей. Не до того сейчас было.

— А где эта база?

— Майор, это мелко.

— Да я не о том. Она в России хоть?

— Я же говорю, Северо-Запад.

— Сколько мы были в отключке?

— Да часа два.

— ... а за два часа можно на самолете до Москвы и обратно мотануться.

— Молодец, майор, еще один бал к тебе в зачет.

Зельдин проходил мимо одной из дверей и вдруг, остановившись, потянул носом воздух.

— Вы тут животных держите?

Иванов остановился и нахмурился.

— Ну, почти, — сказал он это с явной неохотой, не горя желанием делиться подробностями.

Тихий утробный рык вдруг распространился по коридору, а следовавший за ним мощный удар заставил дверную преграду задрожать. Еще один, снова, казалось, изнутри работали здоровенным тараном не меньше десятка бойцов. Запах псины усилился, однако вскоре все снова успокоилось, и странное существо внутри затихло.

— Что, ради всего святого, у вас там сидит? — Просипел майор, поняв, что на какой-то момент просто забыл дышать, и, спешно глотнув воздуха, закашлялся.

— А вот это именно то, из-за чего вы сидели взаперти все это время, — скривился Михаил. — У нас тут много опасных и злых гостей, которых, по соображениям координатора, нужно оставить в живых, и если один из них выберется, то не миновать беды. Слава богу, двери у нас крепкие.

Прохоров пожал плечами и двинулся вслед за Михаилом. Выяснять, кто же такой живет в этой клетки, ему совершенно не хотелось. Несколько раз он прислушивался к звукам за перегородками, но то ли они были пусты, то ли обитавшие в них

постояльцы не особо шумели, и только пару раз ему удалось услышать странный звук, идущий откуда-то сверху, почти с потолка. Был он чем-то средним между присоской и наждачкой, двумя вещами в природе не особо совместимыми, а раз на мгновение почувствовал себя дурно, и накатившая тоска чуть было не сшибла с ног. Ощущение это очень быстро прошло, и, косясь на закрытую дверь, майор ускорил шаг.

Чтобы выйти, Иванов отпер две двери и, дожидаясь, когда все трое его посетителей перешагнут порог, спокойно и методично закрывал их, запирая замки и защелкивая засовы. Выйдя на площадку, мужчины встали напротив дверей лифта. Круглая кнопка вызова тут отсутствовала, зато имелась панель, к которой Михаил приложил большой палец. Как только он произвел эту нехитрую операцию, стальные, поблескивающие в неясном освещении двери разошлись, пропуская путешественников в кабину.

Вместо привычной панели с рядом кнопок тут было всего четыре, и напротив каждой имелась замочная скважина. Поймав недоуменные взгляды, Иванов пояснил.

— Каждый этаж — это закрытый цикл, что-то вроде места для посвященных. Чтобы так вот просто туда попасть, надо иметь ключ. Вставил в замочную скважину, электроника сработала, нет, так и лифт никуда не двинется.

— А если я украду ключи? — предположил Прохоров.

— Тоже ничего не выйдет. Биометрическая система опознавания позволит тебе вставить определенный ключ в определенную замочную скважину. То есть, если у жертвы нет доступа к третьему этажу, но ключ имеется, то при его использовании поднимется тревога, а его допуск аннулирует система безопасности. К тому же лифт блокируется, а выбраться из него по силам разве что старику Гудини. Хорошо спланированная операция может и сработать, но нужно много времени, агентурная работа, материалы. Импровизировать тут не выйдет. Уже пытались.

Кабина тронулась и пошла вверх. К удивлению собравшихся, подъем длился неприлично долго, хоть и чувствовалось ускорение механизма. От начала движения и до его окончания прошло без малого тридцать секунд. Прохоров отсчитывал в уме, и когда в голове вспыхнуло — тридцать один, двери разошлись в стороны.

Коридоры, кабинеты, большая часть из которых оказались пустыми, несколько вполне обычных совковых вестибюлей, автоматы с кофе и кулеры с водой чередовались на всем протяжении. Как-то раз даже попался чахлый фикус в кадке, который явно забывали поливать.

Запах старого помещения, густо смешанный с запахом агрессивных моющих средств, оружейного пороха и ароматами мужской раздевалки, скоро сменился на белоснежную чистоту операционной, а затем в нос ударил умопомрачительный запах жаркого и свежих овощей. Невольно

сглатывая слюну, Прохоров оглянулся и, поймав ожидающие взгляды товарищей, ускорил шаг. Михаил смело шагнул внутрь помещения, над дверью которого висела простенька деревянная табличка — «Столовая», и, подойдя к длинному поручню, подхватил со столика синий армейский поднос. Тройка пристроилась ему в хвост, и все дружно двинулись по раздаче.

В столовой было немногочленно, а если быть точным, кроме них, пары парней в колпаках, спокойно поджидающих их у судков с провизией, да пожилого крепкого мужчины в дальнем углу, что с аппетитом поглощал суп из синей пластиковой миски, лихо орудуя ложкой и помогая себе куском черного хлеба, тут никого не было.

— Где все? — Илья вытащил из металлической емкости приборы, завернутые в тонкую бумажную салфетку, и сдвинул поднос.

— Здорово, мужики. Чем нынче кормят? — не обращая внимания на вопрос, поинтересовался у поваров Михаил.

— На первое щи, гороховый суп или суп с перловкой, — рябой парень с крупными мускулистыми руками принялся указывать поварешкой на парящие чаны. — На второе пюре, макароны или бигус. Можно с рыбной котлетой, можно с сосисками. Из питья компот или минеральная вода. Хлеб, традиционно, без ограничений.

Сгибаясь под тяжестью подносов, компания направилась к ближайшему свободному столику. Рассевшись, все, не сговариваясь, принялись за еду,

и только когда тарелка с первым показала свое дно и Прохоров принялся уминать за обе щеки второе, Иванов, наконец, снизошел до ответа.

— Дефицит кадров, парень, вот и нет никого. Кто-то на задании, кто-то в рейде, иные в отпуске. Есть у нас и такие, ты не поверишь, кто семьей пытался обзавестись и делает попытки выезда на природу. Потери, опять же, — Иванов вдруг затих и снова принялся за еду.

— Я присяду, господа офицеры? — пожилой мужчина, ранее тихо сидевший в углу, стоял сейчас перед четверкой мужчин, сжимая в кулаке стакан компота. Неброская удобная одежда, массивные выдающиеся скулы, цепкий взгляд...

— Конечно, координатор, — Иванов почтительно привстал и поспешно подвинулся, освобождая место.

Человек, названный координатором, сел рядом и, отхлебнув компота, поинтересовался.

— Ну и как вам у нас, господа? Кормят, поят, не обижают? Вы уж извините за такой способ приглашения, однако идет война, и любое действие не терпит проволочек.

— Вы тут старший? — оживился Игорь и тут же затих под суровыми взглядами товарищей.

— Я, — согласился координатор. — Если вам так удобно. У нас нет четкого деления на управленцев и рабочих. Все делают все, в меру своих знаний и способностей. Эдакий военный коммунизм в пику мусорной диктатуре. Где-то строже, где-то официальной, в других местах больше анархии, но

не это главное. Результат — вот к чему мы стремимся.

— Интересно, — Прохоров закинул в рот последний кусок котлеты и поспешно вытер губы бумажной салфеткой. — Если вы тут за старшего, то, наверное, можете дать ответы на интересующие меня вопросы.

— Могу, — координатор вяло улыбнулся, будто бы присутствие здесь, да и этот разговор не входили в его планы. — Вы поели, Илья? Вы ведь так позвольте мне себя называть.

— Конечно. Не вижу ничего плохого, — Прохоров пожал плечами. — А вас...

— ... координатор, зовите меня так. Мое имя такое же обычное, как и у Михаила. Но если вам будет удобно, то Павел Егорыч. Видите, у вас уже есть выбор. Вы вольный человек, Илья. У трешеров и их прислужников, похоже, такого выбора попросту нет.

— Хорошо, Павел Егорович...

— Пройдемте, Илья, — координатор вдруг встал и, подхватив Прохорова под локоть, заставил его подняться. — Я вам все расскажу и, как могу, покажу. — Через плечо же, удаляясь от оставшихся бойцов, он обратился к Иванову: — Миша, покажите нашим гостям спортзал, оранжерею или библиотеку. У нас чудесная библиотека, господа.

Шагать за стариком было легко, не то что за не в меру бодрым Михаилом. Тут просто подстраивайся под размеренный шаг и топай вровень. Вро-

де как идти по шпалам. Сначала неудобно и дискомфорт, однако потом привыкаешь.

— Вы знаете, почему мы вас позвали, Илья? — острожно поинтересовался координатор, опускаясь в одно из мягких кресел, стоящих в коридоре. Прямо напротив него висел старенький плоский телевизор, по которому крутили новости. Очередная дорожная авария или прорыв канализации. Прохоров не обратил на это внимание. Рядом стояло еще одно такое же кресло, будто бы вынырнувшее из восьмидесятых. Массивные подлокотники, неприятно мягкая сидуха, запах кождама и крохотные деревянные ножки скрывающиеся внизу.

— Могу только предполагать, — Илья опустилсЯ в кресло. — Возможно, виной тому события прошедшей недели.

— Все верно, именно они, — старик довольно кивнул и вдруг, достав из кармана коробочку с неработающим артефактом, открыл ее и с интересом уставился на камешек. — Илья, вы знаете, что это?

— Тоже только догадываюсь, — снова развел руками майор. — Один блондин сказал, что это редкая потусторонняя игрушка, за которую на черном рынке могут вывалить приличную сумму денег...

— И вывалили бы, если бы артефакт не был пустым, — довольно пояснил координатор. — Что он делал раньше, ну, в визуальном плане? Светился?

— Парил.

— Вроде левитации из кино про чужих и других вредителей?

— В точку.

— Вот, значит, как, — старик грустно улыбнулся. — Это «аргумент», редкая аномалия, обладая которой ты можешь любого по своему желанию заставить поверить в самую чудовищную небылицу. Ценность его так же обусловлена тем, то он совершенно безвреден для окружающих, однако имеет некоторый запас энергии. Чем сильнее вранье, тем скорее он превратится в обычный кусок породы. Именно благодаря вот этому ты безоговорочно поверил трешеру. Но и это не так интересно. Артефакт опасный, в плане привыкания. Жертва, после всего прочего, становится вассалом, моральным рабом своего хозяина. Скажет ему — прыгай, он прыгать будет, велит нажать на курок, приставив дуло пистолета к башке, выполнит без малейших колебаний.

— Я невосприимчив к этой дряни?

— Вовсе нет. Энергия потрачена правильно. Вы, Илья, похоже, послужили какой-то разменной фигурой, не самого мелкого пошиба. Игра была, игра на Феникса. Феникса вы проиграли, как и еще один шанс человечества выбраться из сточной ямы забвения. Но вы не печальтесь, мой друг, таких ям на пути было великое множество.

— А может, и не проиграли, — покачал головой Прохоров.

— Вы знаете, где находится аппарат? — вкрадчиво поинтересовался старик и вдруг, размахнувшись, бросил коробку с камнем вдоль по коридору. Та вертанулась пару раз в воздухе, описала изящ-

ную дугу и легла в пластиковое ведро. Послышался удар картона о пластик. — Знаете или нет?

— Есть маяк, который стоит на любом грузе ведомства, — пояснил Прохоров.

— Конечно, он на определённой частоте вещает? — куратор мрачно улыбнулся. — Вы решили сделать Феникс своим козырем, если что-то вдруг пойдет не так? К слову, вы не пленники. Вы можете покинуть базу хоть сейчас. Придется, конечно, глотнуть хлороформа, но это лишь предосторожность, а не дурной тон. Вы можете не рассказывать мне, где Феникс. Мы уже смирились с этой, хоть и ощутимой, потерей. Пара миллионов рабов туда, пара сюда, роли это уже не сыграет. Просто соберайтесь и уходите прочь. Вам я мешать не буду, но если вы человек честный, офицер, имеющий принципы и верный присяге, то я бы рекомендовал вам задержаться и выслушать меня.

— Хорошо, — охотно кивнул Прохоров. Бежать после сытного обеда из этого вполне себе приличного плена сейчас не очень-то и хотелось. — Кто вы, милейший, кто все эти люди вокруг? Что, черт возьми, вообще происходит?

— Вам по ситуации или в целом?

— Что короче?

— По ситуации. На нас напали пришельцы.

— Но я не вижу кораблей в воздухе, гигантских шагающих крепостей, испепеляющих все своими смертоносными лучами, уродов в скафандрах.

— Так их и нет, и никогда не будет, — куратор грустно улыбнулся в пустоту. — Чтобы понять, что

происходит сейчас, вам, Илья, нужно начать с азов. Меченосцы — это древний орден, появившийся в те незапамятные времена, когда письменность на планете только зарождалась. Может, и раньше, но следы этих людей уже затерты временем. Как таковых меченосцев не было до одна тысяча девяносто шестого года. Именно тогда решением Римского Папы Урбана Второго, и по просьбе византийского императора Алексея Второго, было сформировано войско и направленно в первый крестовый поход. Официальным предлогом стала помощь христианам в защите Анатолии, и именно тогда и было предотвращено первое массовое проникновение чужеродных форм жизни, которые позже обрели сухое и позорное имя «мусорщики». Чтобы постичь их замысел, потребовалась не одна сотня лет. Монстров этих называли чертями, сатаной, полтергейстами, вампирами и оборотнями, и везде, где появлялось даже малейшее подозрение в их присутствии, материализовывались brave парни, отлично владеющие оружием. Илья Муромец, Ван Хельсинг, Капитан Немо, вы не поверите, Д'Артаньян и даже Джакомо Калиостро. Все эти исторические личности, хотя, некоторые под литературными псевдонимами, вопреки усилиям, которые они прилагали, чтобы скрыть свои действия, вошли в мировую литературу, и другие источники и документы, секретные, под семью печатями. Часть из них — это архивы КГБ и ЦРУ, которые ни за каким сроком секретности не будут опубликованы.

— У вас есть люди в правительственных кругах, координатор? — осторожно поинтересовался Прохоров.

— Как, впрочем, и у всех, — улыбнулся тот. — Кто бы мы были на самом деле, если бы не имели в первую очередь правительственную поддержку. Этот фундамент закладывался годами. Столетиями мы воевали с нечистью, хитрой и бесстрастной, и вы не поверите, только к концу девяностых, в общем бардаке, при обрушении экономики и развале страны, наше отделение начало добиваться ощутимых результатов. Мы накрыли несколько баз трешеров, смогли перехватить с десятков их фургонов с оборудованием, выбили, не без применения физической силы, коды доступа, пароли и явки. Мы смогли вытащить перечень того, что, как они считают, есть мусор и складируют его на нашу планету. Вы понимаете, Илья? Для них Земля — это не более чем завод по переработке чужого дерьма, а мы, в перспективе, бесплатная обслуга, работающая за еду. Но самое страшное, что нам удалось раскопать, так это сведения, что подобное уже происходило. В центральном убежище меченосцев есть документы, взятые с боем на одной перевалочной базе мусорщиков. Они явно не ожидали, что мы нагрянем, и были очень удивлены, когда штурмовой отряд, с поддержкой двух боевых вертолетов, вскрыл их защиты как острый нож корку гнилого арбуза. Я там, кстати, был, не в первых рядах, но пострелял знатно. Помню, камни плавилась, ворох раскаленных гильз подни-

мался к коленям, рев от огневого контакта стоял такой, что сами небеса готовы были расколоться. Наших тогда полегло прилично, но мы взяли несколько носителей. Мусорщик, огромная тварь с треугольной головой, нечто среднее между муравьем и поражением ада, хотела уничтожить кейс с данными, но вовремя подоспевший боец с гранатометом доходчиво доказал, что этого делать не надо. Так мы стали обладателями документов, в которых упоминалось о бывшей когда-то во вселенной цивилизации, живущей на голубом шарике, вертящемся вокруг теплой звезды.

Мы, конечно, не все поняли из документов. Много идиоматических выражений, часть документа и вообще написана сухим официальным языком. Те крохи, что удалось расшифровать, говорят о том, что мусорщики используют разумные миры как свалки. Именно потому мы их так и называем. Некое сообщество, членами которого они являются, отвело им нишу чистильщиков, тех, кто выбрасывает шлак и золу. Для кого-то это отработка, для других смертельная отравка, для третьих досадное недоразумение.

— Пойдите, — нахмурился Прохоров. — Зачем такие сложности? Если у них есть мусор, не проще ли его сжигать, отправив на звезду или сбросив в черную дыру. Да попросту выбросить в космос. Это всяко проще, чем осуществлять экспансию целой планеты, чтобы установить гигантскую пепельницу.

— Я только предполагать могу, — развел руками координатор. — Свои действия они не поясня-

ют, но, идя в технологическом и, уж чего греха таить, умственном развитии впереди человечества, мусорщики имеют аргументированный ответ. Жаль не говорят.

— Ну а все-таки?

— Ну, допустим, это слишком дорого. Кто будет заниматься утилизацией отходов? Это коммунальщикам платить, полигон обслуживать, тратиться на зарплаты, ремонт техники, транспортировку. Может, религия не позволяет, идет это все в разрез постулатам одному им известного гребанного мусорного бога.

В космос не выбрасывают, чтобы окружающий мир не засорять, а наши планеты воспринимают как большие железные контейнеры. Туда кидают все без разбора, пока он не переполнится. Часть перерабатывают, другая хранится несколько миллионов лет, а там в процессе распада уничтожает флору, фауну и другие полезности. Планета превращается в выжженную пустыню.

— А давно эти трешеры появились?

— Я же говорил, давно.

— Так чего столько ждали? Неужели не проще было просто взять и напасть на древнюю Русь и другие племена. Ни средств защиты, ни связи, ни регулярных войск, способных дать отпор супостату их уровня.

— Ну не скажите, Илья, — покачал седой головой новый знакомый. — Сообщение-то нужно. Хорошие дороги, быстрые самолеты, мгновенные сообщения для координации действий рабов

в масштабе планеты. Отсутствие координации есть хаос, а хаос мусорщики не любят.

— Что есть хаос для муравья, является покоем для слона, — парировал майор и получил довольный кивок собеседника.

— Все это риторика чистой воды, мой друг. Каким бы позорным ни было это признание, но мы до сих пор не имеем толковой информации по врагу. Мы не уверены в причинах экспансии, не обладаем оружием, способным поколебать уверенность врага. Ни одного агента в их рядах, ни одного информатора. Мы предпринимали попытки внедрения, и не только наше подразделение, но все они неизменно заканчивались гибелью агента либо полным переходом на сторону мусорщиков. В какой-то момент мы просто прекратили попытки, чтобы не снабжать мерзкие морды информацией.

Одно мы знаем четко, с мелким калибром на мусорщика ходить бесполезно, да и крупный не особо помогает. Вот взять взвод да заставить его колотить по мишени из подствольников. Мишень, правда, на месте не стоит, огрызается, пытается тебя достать своими костяшками. Вы видели мусорщика? Ну, хотя бы раз в жизни?

— Видел.

— И как?

— Странное зрелище. Впечатление остаётся гадливое, будто в гнилую тыкву наступил. Страх, впрочем, никакого нет, а вот паника случилась, и, если бы не подготовка, я бы сплоховал. Я и так

сплоховал, если честно. Не учили нас воевать с чужими.

— И не будут учить. Если не попросишь.

— Вы так и не ответили, что вы от меня хотите.

— Сотрудничества, полного и безоговорочного доверия, помощи. Нам остро не хватает людей, а вы один из немногих, пока не попавших под влияние нейрофона, боевых офицеров. Вы будете удивлены, но таких специалистов, как вы, осталось по пальцам сосчитать, и когда я так говорю, то не преувеличиваю. Всего шесть полевых агентов, двое под вопросом, один пропал без вести, и это в пределах северо-запада. По Евразии больше, но над этим работают другие подразделения.

— Вы меня вербуете?

— Да.

— Будете платить?

— Наемник? Нет, таких у нас достаточно. Дашь деньги, получаешь результат. Нужны толковые руководители на местах. Грядет война, черная, испепеляющая, гражданская. Очаги сопротивления уже вспыхивают, появляются летучие отряды, пытающиеся прекратить поставки нейрофонов. Это робкие уколы. Решающий удар мы нанесем, когда будем готовы, и поймем, куда именно надо бить.

Некоторое время просто молчали. Каждый думал о своем. В голове у Прохорова наконец сложилась более или менее ясная картинка происходящего, в которой не хватало только нескольких фрагментов, но именно они и были ключевыми.

— Программа, объясните мне программу.

— Та, что на телефоне?

— Да.

— На обычном аппарате не работает. Есть фильтр, крохотный кристалл, преломляющий свет. В свое время мы отбили пару ящиков, но чтобы оснастить всех, не хватает. Кристалл преломляет свет так, чтобы увидеть истинную сущность мусорщика, а не его личину. К слову говоря, мы так и не определили, есть ли у наших противников пол. Перед тобой вполне могла быть и дама. Как происходит эта маскировка, искусственная это или естественная способность мусорщиков, мы тоже пока не разобрались. Знаем, что они могут ей виртуозно владеть, и вычленив их из толпы может только очень внимательный человек. Меченосцы специально обучаются этому. Как только увидишь в толпе мужчину или женщину, ребенка или старика, которому будто бы не хватает места, используй телефон. Возможно, это и есть замаскированный враг, а коли так, не теряй времени.

— Что вы знаете о Фениксе?

— Практически все. Мы вели переговоры с Гордоном и Крашем, однако трешеры оказались проворней. Взяли числом, а не умением. Гордона действительно убили. Рядом со всем этим стоял Михаил, он видел, как инженера огрели по голове, и попытался помешать, но даже его боевой опыт и навыки не помогли. Нейрофон нового поколения, агрессивный, быстрый, с биологической средой внутри, быстро захватил мозг, подчинив себе волю человека, и тот, уверовав в то, что он ангел,

просто шагнул с крыши. Команда на уничтожение, как всегда, поступила из ниоткуда.

— Ваши первичные задачи?

— Ну, ты хватил, брат, — координатор только покачал в удивлении головой. — Эта информация иногда недоступна даже для меня. Заброска нейрофона оказалась блицкригом для чужих. Мы не готовы были к такому повороту. Как они провернули эту блестящую операцию, ума не приложу, но за две недели человечество было опущено на колени.

Люди всегда хотели хлеба и зрелищ, и мусорщики выжидали нужного момента, чтобы голод усилился ровно настолько, чтобы это позволило добровольно шагнуть в капкан. Они ждали долго, как в очереди на прием к бесплатному врачу. Нам не понятно движение времени этих разумных монстров. Предполагаю, что годы для нас есть секунды для мусорщиков. Они терпеливо сидели в своих норах, наблюдая, как появляется инфраструктура, строятся вышки связи, прокладываются железные дороги, начинают убегать в горизонт асфальтовые полосы скоростных шоссе, поднимаются спутники на орбиту, и когда все было уже готово, появилось то, чем можно заманить человека. Мы не искушены в такого рода ловушках. Это было легко.

— И как вы теперь хотите поступить?

— Будем бороться, постараемся понять, как обезвредить эту чуму. До сих пор у нас это получалось. Надо только подобрать средство, и одно из них это Феникс.

— Ладно, — сдался Прохоров. — Я скажу Зельдину, чтобы дал вам частоты и коды доступа. Я упустил эту игрушку, я ее и достану.

Друзей поселили в пустующем спальном блоке, надо сказать, почти аскетичном по обстановке и больше напоминающем простенькое купе в поезде дальнего следования. Четыре откидных койки, столик, телевизор, выглядевший тут каким-то инородным предметом, по комплекту постельного белья на брата, вот, в общем-то, и все. Позже, правда, пришел Михаил и принес офицерам спортивные костюмы и кроссовки.

Толстая стопка одежды легла на откидной столик, коробки с обувью сгрузил на пол.

— Тут все, что вам сейчас понадобится, — пояснил он. — Ваши личные вещи пока в хранилище, и вы их получите при выходе. Пока можете переодеться. Туалет и душевая комната в самом конце коридора.

Прохоров спал чутко. Неприятные образы, то и дело вспыхивающие в его голове, приносили то жуткую морду мусорщика, то ухмыляющуюся физиономию альбиноса. Сон был яркий, но запутанный. Многое, почти как в тумане, вырисовывалось неясными контурами, однако яркая лубочная картинка остального резала глаз. В какой-то момент Прохоров понял, что не спит и просто смотрит в потолок. На верхней полке похрапывал Зельдин, периодически переворачиваясь с бока на бок, Игорь, лежавший напротив, отвернувшись от всех

к стенке жилого отсека, спал спокойно и, похоже, без сновидений.

Встав с койки, майор прошелся босыми ногами по холодному полу и толкнул дверь. Та оказалась не запертой. В голову ему в мгновение ока пришла шальная идея, которую он тут же решил воплотить в жизнь. Быстро одевшись в спортивный костюм и вдев ступни в предложенные ранее кроссовки, он осторожно вышел в коридор и прислушался. Гудение странных агрегатов, спрятанных в закоулках базы, теперь слышалось особенно четко, однако в остальном было тихо, и только вдалеке, когда коридор резко уходил влево, ведя к столовой, виден был неяркий дежурный свет. База спала, точнее та ее часть, что не несла оперативное дежурство, и появилась возможность спокойно прогуляться и осмотреть то, до чего их нарочно, или случайно, не допустили раньше. Кто эти меченосцы, друзья или враги, Илья пока что не решил.

Первые несколько дверей были закрыты, некоторые распахивались легко и скрывали за собой только ряды коек без постельного белья и пустые откидные столики. Становилось ясно, что тут живет личный состав, часть из которого сейчас просто отсутствует. Однако дальше пошли гораздо более интересные помещения. Жилой ярус Прохоров покинул легко, однако, решив подняться по лестнице, уперся в тяжелую стальную дверь с электронным замком. Можно было попробовать ее отпереть, но неверный код или отпечаток пальца могли привести к тревоге. Что интересно, камер наблюдения

на жилом этаже видно не было. В полном их отсутствии Илья сомневался и совершенно не понимал, зачем устанавливать их скрытно. Имелась, впрочем, парочка, на лестничной площадке, но оба следящих устройства уныло уставились на тот отрезок коридора, который вел к самой лестнице, и были выставлены настолько бестолково, что майор без труда прошел вне зоны их видимости.

Легко пройдя по мертвой зоне, майор начал спускаться по лестнице вниз, аккуратно ставя ноги на железные ступеньки, и тут же понял, что сделал правильный выбор. В нос ударил острый запах медикаментов. Послышались негромкие возбужденные голоса. Каждый шаг по лестнице приносил новые звуки. Сначала было слышно только невнятное бормотание, затем отчетливо прорезалось хлопанье дверьми и легкий матерок, затем пришел характерный звук, когда сталь трется о сталь.

— Долго еще мы так не протянем, — говорил кто-то. Голос был грубый, чуть надтреснутый. В его нотках сквозила усталость и легкая паника. — Нас просто опрокинули. Кто-то либо слушает волну, либо стучит просто из командного центра.

— Вашу мать, мясники, поаккуратней, мне с этим лицом еще на свидания ходить, — уже другой голос, моложе и звонче. Больше смешанный с задором и самоиронией.

— Тише, Ильяс. Если ты будешь сидеть ровно и не дергаться, то я сделаю маленький и аккуратный шов. Останется небольшой шрам, а такой девушкам нравится.

Это уже был Иванов. Похоже, он тут был за медика, а люди, с которыми он разговаривал, только что вернулись из рейда, причем неудачного.

— Что у вас вообще пошло не так?

— Да все, — старший, чей тембр голоса вдруг показался Прохорову знакомым, пустился в объяснения. — Сначала мы тупо опоздали. Пока ехали, поймали все светофоры, а поскольку машина была гражданская, а сами мы не совсем в форме, то пришлось стоять на каждом светофоре. Я сам посчитал, их почти восемь было. Восемь светофоров, Миша! Это у нас-то!

Яркий образ откуда-то из прошлого вдруг вспыхнул в мозгу. Тот же чуть затянутый говор, резкие гласные, насмешливость во вроде бы серьезно сказанных фразах Прохоров слышал только у одного человека. Его однокурсника, Петра Разумовского, вместе с которым он прошел училище и был, фактически, не разлей вода. Он и Разумовский провели эти несколько лет в одном взводе. Койки курсантов стояли друг напротив друга, и дружба была сильна и крепла день ото дня, однако при распределении Петра отослали куда-то на дальний кордон, мобильники в то время были еще не известны, и перед отправкой договорились держать связь через родственников, пока не будет четкого адреса места службы. Прохоров несколько раз писал родителям Разумовского в Москву. Те овечали крайне неохотно, судя по скупым редким строкам на бумаге, сообщая о том, что о месте службы сына им не известно, а потом и вовсе

перестали реагировать на телеграммы и весточки тогда еще лейтенанта Прохорова. В ту пору было много секретных объектов, холодная война, которая никогда не заканчивалась, если уж быть честным, да и необъявленных войн, которые вели Советы, а затем и Россия по всему земному шару, было предостаточно. Вполне возможно, что и попал Разумовский под секретность, и тут вдруг он, собственной персоной.

— Петя? Разум, ты ли?

Прохоров спустился по лестнице и несколько секунд стоял в самом начале коридора, наблюдая как в комнате с табличкой «Медпункт», единственной, из приоткрытой двери которой в полутемный коридор струилась полоска света, вдруг воцарилась тишина.

— Прощка? Волчья сыть!

Человек, выглянувший в коридор, определенно был Разумовским. Жизнь его, конечно, потрепала, посеребрила виски, избороздила лоб крупными глубокими морщинами, наградила парой шрамов на переносице, но то, что перед ним стоял Петр, у майора не было никаких сомнений.

— Прощка!

— Разум!

Друзья сердечно обнялись.

— Ты здесь откуда?

— Да я у тебя хотел спросить?

— О, брат, это такая запутанная история! Долго рассказывать.

— А у меня время есть.

Прохоров и Разумовский сидели в жилом отсеке Петра. На откидном столике стояла початая бутылка неплохого виски и два фирменных стакана с тяжелым толстым дном. Рядом россыпью лежали соленые орешки, пластиковая тарелка с грубо нарезанными ломтями колбасы и разрезанное на дольки яблоко. Петр уже избавился от походного снаряжения, отставил автомат в сторону, переделся в спортивный костюм и теперь выглядел вполне обычным мужиком, под сорок.

— Я ведь, как назначение получил, ты не пове-ришь, был от счастья. Да, у черта на рогах, да, во-круг на сто верст ни одного жилого строения, так и от начальства далече. До нашей части только на вертолете и добраться можно было, — с жаром по-яснял Разумовский, вновь и вновь наполняя опу-стевшие стаканы. В который уже раз разлив спирт-ное, он достал из маленького, типа гостиничных, холодильника под столом пакетик для льда и с во-просом посмотрел на Илью. Тот согласно кивнул, и два ледяных кристалла окунулись в прозрачную, чайного цвета жидкость, пахнущую спиртом и си-ренью. — Однако, халява длилась недолго. Значит, выходим мы в караул, идем к складам, а там что-то по кустам шуршит. Я сначала думал, что, может, барсук забрел или еще что. Наша часть стояла в от-далении, охраняя конкретный ангар с каким-то в доску секретным радиооборудованием. Ротный говорил, что если его включить, то президента США слушать можно. Нахрена оно вообще там нужно было, в этой глуши, где из живого обще-

ния комары да медведи, вообще сказать не могу. Первые, кстати, размером со вторых иногда были. Кровососы жуткие. Три месяца в маске ходил, чтобы морду не сожрали. Ну, так вот, выходим мы в караул, а там по кустам шорох.

Любая стрельба в карауле, это ЧП. Ты же понимаешь, ну вот и решили шугануть этого барсука, или что там есть, чтоб неповадно было. Вокруг забор, егоза, земля вспаханная, ни у кого почему-то в тот момент даже вопросов не возникло, каким таким образом дикий зверь вдруг тут оказался. Товарищ мой туда и полез. Я разводящий, он караульный из срочников. Полез, к слову, зря, тварь эта его в кустах и достала, назад паренька, срочника, к слову, в цинковом гробу домой отправили. В записке на медведя-шатуна сослались, но думаю, что родным от этого не легче.

Как только заваруха началась, а справилась тварь с солдатиком за пару секунд, из кустов на нас что-то кинулось. Я сначала даже оторопел, мужик как мужик, вроде и куртка гражданская, и ботинки, а скорости, как у курьерского поезда. Я по нему и резанул из Калашникова, плотно так, по корпусу. Другого бы как срубило, а тот на меня прет. Остальные бойцы как прочухали, что к чему, тоже патронов не жалели, а мужику тому что с гуся вода. Пред и прет, гад, и даже ранений не видать. Другой бы давно фаршем под ногами валялся, а этот метров сто скачками, будто дикий зверь, преодолел и попер на нас. Слава богу, старший караула подоспел. У нас около складов бэмс

третий стоял да пара срочников балду пинали. Развернули они, значит, его, и начали работать по цели, плотно так, споро, как на учениях. Ну, ты же понимаешь, там тридцатимиллиметровые выстрелы. От них у кого угодно в ушах зазвенит. Один раз эту мразоту даже зацепило, и вот тут волосы на моей башке изрядно поседали от увиденного. Я чего угодно готов был представить, от оторванной руки, до вывернутых внутренностей, но тут буквально пелену сдернуло, и мужик этот чуть ли не в два раза выше стал. Морда треугольная, с кучей глаз, пластинки-щиты на нем, вместо рук будто спицы костяные, габаритами что бульдозер, покружила эта хрень, снова попыталась в мужичонку перекинуться, но тут мы с братвой наддали. Благо патроны казенные. И ты не поверишь, похоже, прямое попадание из пуки только помяло чудика. Он помахал своими граблями да сиганул через забор с колючкой, а там метра четыре.

Что потом началось? Понаехало генералов да проверяющих. Звезд в части было, как в ящике с коньяком. Траву красили, асфальт чернили. Столько квадратного перекатали и круглого перенесли, что и не сосчитать. Потом вызывает меня к себе городской особист, он не только меня допрашивал, нас там, эту страхолюдину, человек шесть срисовало, и, значит, доходчиво так поясняет, что подверглись мы массовому гипнозу, а если у меня другие мысли по этому поводу, то, значит, не военный я, а потенциальный психопат и место мне на гражданке в специальном заведении. Вот я тогда и охренел,

как раньше не делал. В морду ему, этому особисту сунул, и через неделю был свободным человеком. Выхожу я, значит, за ворота части, по гражданке, которая у меня еще с училища осталась, и иду пешком на станцию. Там раз в день бичевоз ходил до районного центра. Настроение такое, что хоть вешайся, а навстречу мне, значит, Миша Иванов.

— Тот, что твоего напарника латал?

— Ага. Он и есть. В общем, познакомились, разговорились, он мне так аккуратно и рассказал, что как раз его контора такими чудиками и занимается. Предложил харч и должность, я обещал подумать.

— И надумал?

— Ну, как видишь. Я же не ожидал, что так все сложится. Уже сколько лет воюю. И тут ведь не просто вылез, мордой посветил да гранату сбросил. Мы же не меченосцы. Те годами тренируются, с пеленок, по определенным методикам. Я был у них на сборах, прожил в лагере шесть месяцев, так на что физическая подготовка, думал, ласты skleю от напруги. Ты уже на кровавую слюну на кроссе исходишь, а Мишка рядом бежит и, кажись, не вспотел. Меченосцы, они реально крутые ребята. Поговаривают, что и Влада Цепеша брали, и Соловья разбойника, и даже Чингиз Хана выслеживали. Организация огромная, религия для них — это бой. Стреляют из всего, что не приколочено, рукопашным боем владеют, ножи метают как умалишенные. Ты не поверишь, есть у них такой тест. Взбирается, значит, меченосец,

а точнее претендент, по отвесной скале, а на него в хаотичном порядке его мастера сверху булыжники сбрасывают. И все бы хорошо, но скала метров в триста, без страховки и шлема. Потом, значит, подводный бой. Привязывают груз к ногам, и ты должен по дну бассейна бежать, по пути от различных мифических супостатов отбиваться. Опять же, запас воздуха только в легких, баллонов с кислородом и ласт не положено. Но самое веселое — это пеший переход по Сибири. Сбрасывают тебя в лесу, в чертовой уйме километров от жилья, в тех краях, куда и лоси срать не заходят, и тебе за отведенное время, с минимальным набором для выживания нужно пройти по точкам, отметитья везде и прийти на финиш. Это по лесу, по сопкам да болотам скакать, в одних подштанниках.

— Слушай, а как организация вообще называется? Какая у нее иерархия?

— Так и называется, меченосцы. Ничего такого. Есть координатор, ты с ним уже познакомился. Он вроде главы подразделения или командира части, это, если по нашему ранжиру. Под ним меченосцы, профессиональные многопрофильные бойцы, что и трактор вести могут, и рану зашить. Дальше идут вольно-наемные, идейные, вроде меня. Денег нам платят, в трудовую книжку запись делают, чтобы у налоговой не было вопросов. Занимаемся некоторыми поручениями, на которые тяжелую артиллерию гонять не стоит, в основном черновой работой, подготовкой, но частенько в последнее время и диверсионная работа появляется. То груз

под откос пустим, то технику из строя выведем. Несколько раз пленных трешеров пришлось конвоировать, но ими уже другие подразделения занимаются. Наше дело сесть в автозак да доехать без приключений из пункта «а» в пункт «б». Правда, через неделю сдаю на меченосца. Мишка мной очень доволен. Буду серьезные трюки исполнять.

Сидели еще долго, говорили о жизни, о том, как сложилась дальнейшая судьба после военного училища. Прохоров рассказал о своей карьере в ведомстве, Разумовский по-доброму позавидовал, однако, когда показалось дно бутылки и последняя закуска закончилась, друзья расстались. Прохоров спустился на свой этаж, толкнул дверь и, осторожно проскользнув в комнату, спешно разделся и лег под одеяло. В сон он провалился сразу, и на этот раз он окунулся в спасительную темноту, без ярких образов и тревожных знаков. Сном праведным, человека никому и ничем не обязанного, честного человека со спокойной совестью.

На следующее утро комплекс наполнился новыми звуками и новыми людьми. Бойцы возвращались с задания, начинали строчить отчеты по проделанной работе, сдавали оружие и вели себя будто нормальные служащие силового ведомства, однако и тут было несколько особенностей. Порой в коричнево-зеленой массе камуфляжа нет-нет да и попадалась на глаза длинная двуручная рукоять меча. Это, правда, было единственным отличием. Меч и меченосец оказались не таким уж и редким

явлением, хотя в основной своей массе это был простой символ. Холодное оружие в бою в последние несколько лет не сильно пригождалось, да и носить его скрытно, под одеждой, было очень затруднительно. Большую часть времени те, кто имел подобное, оставляли клинок на базе в оружейной комнате.

Новая встреча с куратором в этот раз, похоже, не несла ничего хорошего. Тот сидел в своем кабинете, больше похожем на школьный класс. Ряд парт, портреты писателей и поэтов на стенах, доска за спиной и несколько стеллажей с ветхими изданиями. Книги на них были такие старые, что надписи на корешках уже нельзя было разобрать.

— Проходите, Илья, не стесняйтесь. Здесь все свои.

Прохоров осторожно шагнул внутрь и огляделся.

— Вы правильно поняли, это учебный класс. Мы располагаемся сейчас в убежище, сделанном на случай ядерной атаки со стороны вероятного противника, произнес куратор то, о чем майор уже давно догадывался. Взяли в аренду еще в девяностых, да, можно тогда было и такое, выкупили, а потом планомерно стерли все упоминания об объекте и уничтожили документы. Вроде где-то в архивах КГБ и сохранились чертежи, но это не точная информация. По факту этого места просто не существует.

— Я уже понял, — Илья отодвинул старенький деревянный стул и попытался уместиться за кро-

хотную парту. Новенькая, если можно так выразиться о предмете мебели, простоявшем тут несколько десятков лет. Ни надписей, ни бороздок от перочинного ножа. Столешница была девственно чистой, и от этого почему-то становилось неуютно. — Зачем вы меня позвали?

— Вы приняли решение?

— О работе на вас?

— Да, Илья. Вы же понимаете, что ваша карьера в ведомстве уже закончена. Вы, конечно, можете надеть нейрофон и тем заслужить похвалу трешеров, а те очень заинтересованы в своих людях в силовых структурах. Однако, если вы честный человек и офицер, вы трижды подумаете, прежде чем пойти по этому пути.

— Но я не один. Я еще не советовался с товарищами.

— Сколько вам нужно времени? Сразу скажу, его у нас очень мало.

— Я поговорю с друзьями, — Прохоров наморщил лоб, пытаясь понять, как преподнести предложение куратора Зимину и Аллилуеву. — Думаю, к обеду я дам вам ответ.

— Ну, хорошо, — координатор выдвинул ящик учительского стола, вытащил оттуда пухлую папку, неспешно расшнуровал ее, открыл и углубился в чтение материалов. Разговор был закончен.

— Я все сказал, — троица собралась в жилом отсеке, и лейтенант с Сергеем внимательно выслушали все, что попытался донести до них Прохоров.

— Блудняк какой-то, — пожал плечами Аллилуев. Ему уже сменили повязку на голове, и сейчас он выглядел гораздо бодрей. — Все вилами по воде писано. Я тебе, конечно, Ильюха, верю, но все эти чужие с треугольными головами, желающие использовать планету как мусорный контейнер, это для меня какая-то дикость.

— Ты не видел боя около базы трешеров, — с юношеской горячностью пустился в рассказ Зельдин. — Я, конечно, не берусь утверждать, что мы воевали именно с мусорщиком, но то, с чем мы столкнулись, точно не человек. Я с «Выхлопа» его три, а может, и четыре раза сработал. Точно, гарантирую, а он при прямом попадании даже бровью не повел. Больше похоже было на перестрелку горошинами через трубочку.

— Я одно могу сказать, — смягчился Сергей. — Удар по голове я им, конечно, не прощу, однако у меня жена, хоть и бывшая, ребенок. В свете сложившихся обстоятельств, мне нужна пара недель для того, чтобы утрясти все дела с бизнесом, эвакуировать родных, чтобы под раздачу не попали. Знаешь же, как ведут себя террористы? Они же бьют самым мерзким из возможных способов, и то, что на твоих родственников нацелятся, к гадалке не ходи.

— То есть, ты с нами? — поинтересовался майор.

— С нами? Круто ты решил, — Аллилуев скупой улыбнулся. — С вами я, с вами, мастера культуры, но сначала семья. Обговори этот момент с коор-

динатором, как у них в таких случаях поступают, а потом, если все сложится, то бьём по рукам.

— Логично, — согласно кивнул Илья. — Ну а ты?

— Я? — Зельдин пожал плечами. — Я видел эту заразу, материалы немного посмотрел. Меня удивляет бездействие руководства, но это отдельный разговор. Я за любой кипеш, кроме голодовки, вот только что делать нужно?

— А вот это мы поймем, когда согласимся полностью и окончательно, — Прохоров снял кроссовки и забрался на койку с ногами. — Но пока диверсионная работа, по большей части в поле и без малейших гарантий.

— Вижу, изменений никаких, — произнес Зельдин, и друзья рассмеялись.

В этот раз сон был обязательным и ожидаемым условием для того, чтобы покинуть базу.

— Ты не волнуйся, Прохор, — вещал Разумовский. — Я вас прикрою, если что. Очнетесь через пару часиков, на обочине в салоне автомобиля. Полный бак и карта прилагается. В бардачке деньги и рации, для того чтобы меня позвать. Там же новые документы будут. Наши спецы вам корочки нарисовали, конечно, не ведомственные, но качество — загляденье. В багажнике стволы и запас патронов. Вот только в толк не возьму, зачем вам назад, в город. Об эвакуации родственников мы позаботимся, это я тебе просто поклясться могу. Заберем даже тех, что с нейрофонами, если уже

вляпались. Поживут, правда, некоторое время отдельно от других, пока Феникс не доставим, а потом бац, и воссоединение семьи.

— Разум, ты, похоже, совсем заслужился, — Илья по-ребячески толкнул старого приятеля, и тот улыбнулся. — Надо кое-что забрать. Фотографии, книжки любимые. Ты же знаешь, у меня от отца с матерью только пара фотокарточек осталась. Есть, конечно в цифровом формате, но это же символ.

— Понимаю, — Разумовский согласно кивнул головой.

— А что? — Зельдин сидел на койке, держа в руках круглую белую таблетку. — Глотать ее надо или под язык?

— Глотай, — Разумовский снова улыбнулся.

— Ой, не люблю химию, — Аллилуев перекрестился, быстро, нарочито, и отправил снотворное в рот. — Как и обещал, последствий не будет?

— Свежий будешь, как огурчик. Нет, ну конечно, не исключены мелкие побочные эффекты, — с хитрым прищуром произнес Разумовский.

Аллилуев нервно сглотнул.

— Это какие?

— Ну, — боец почесал затылок. — Легкое головокружение, тошнота, сухость во рту, диарея, временная половая дисфункция, выкидыш в случае, если ты вдруг беременный, возможная потеря зрения и уж совсем редко смерть от передозировки. Но ты парень крепкий, справишься.

Увидев ужас, отпечатавшийся на лице товарища, Прохоров поспешил его успокоить.

— Да не бзди, Серега. Разум так шутит. Шутки у него такие.

— Шутки дурацкие, — покачал головой Аллилуев и зевнул.

Прохоров тоже проглотил таблетку и, обернувшись, увидел, что у лейтенанта уже закрываются глаза.

— Ладно, парни, отбой. Вы уж извините, что так, все-таки объект секретный, — виновато развел руками Разумовский. — Мишка ваш выход контролирует. Бережно понесем, как хрустальный сервиз.

Разумовский не соврал. Вернули вещи, документы. В бардачке и правда нашлись новые удостоверения. На своем Прохоров все так же значился майором, как и Зельдин лейтенантом, а вот Аллилуеву присвоили старшего сержанта, и всю дорогу до города он негодовал по этому поводу.

В машине, в которой оказалась троица, был залит полный бак бензина. Открыв глаза, Илья первым делом осмотрел транспортное средство на предмет проколов покрышек, а подняв крышку багажника, удовлетворенно кивнул. Три Стечкина в кобуре, самое то для табельного оружия. Медленно вышедшие из авто товарищи принялись разминаться.

— Шеи не чувствую, — поделился Сергей, сясь размяться. — Как бешеный еж в загривок вцепился.

— Это, батенька, не еж, а остеохондроз, — издевательски прокомментировал Прохоров, тщатель-

но скрывая то, что слабо чувствует отсиженную ногу. — Старость.

Лучше всех выглядел Игорь. Он был бодр, свеж и потому отправлен в обход по шоссе, чтобы убедиться в отсутствии вероятного противника или жилья. Нашлась и карта, и когда ее расстелили, вернулся запыхавшийся лейтенант.

— Докладывай, — кивнул Прохоров.

— Лес вокруг, товарищ майор, — отрапортовал Игорь. — Шоссе вроде свежее, без выбоин, но что-то немногочисленно. Мимо только легковушка проехала. Ни тракторов, ни рейсовых автобусов. Глухомань.

— Это хорошо, что глухомань, — Сергей размахнулся и отправил в полет носком ботинка подвернувшуюся так кстати еловую шишку. Лес стоял вокруг сплошной стеной, тихий, хвойный, пахнущий прелой хвоей и мхом.

— И что хорошего? — удивился лейтенант.

— Вопросов меньше. Кто, мол, откуда да зачем? Знаешь, это ведь в сказках люди в области хлебо-сольные. Там и банька, и сто грамм, и краюха хлеба. В реальной же жизни могут и на вилы поднять.

— Понял, — кивнул Зельдин. — Более вопросов не имею.

Когда все вооружились и разобрали документы, а примерное направление было наконец-то согласовано, друзья тронулись в путь. Судя по отметкам на карте, высадили их километрах в трехстах от Питера, ближе к Великому Новгороду, параллельно Московской трассе. Участок дороги, на котором

оказались товарищи по оружию, планировался как подъезд к новому загородному комплексу, где в перспективе должны были отстроиться элитные коттеджи. Вывеска, которую проехали, именно об этом и возвещала, однако что-то в какой-то момент пошло не так, и сиротливая площадка посреди леса, обнесенная забором, так и осталась вырубленной в лесу уродливой просекой. Про себя Прохоров решил выяснить, почему это произошло. Видимо, меченосцы высадили их в непосредственной близости от своей базы и по своим каналам закрыли строительный проект, чтобы не привлекать внимание. Место то было стратегически верное. На расстоянии пары часов езды стоял град на Неве, опять же, курьер из столицы мог без труда проехать по федеральной трассе.

Асфальтовая полоска вскоре сменилась проселком, а тот в свою очередь превратился и вовсе в наезженную колею, по которой ранее двигался тяжело груженный транспорт, так что подвеске автомобиля, да и самим пассажирам изрядно досталось, прежде чем они выбрались на шоссе. Дальнейшее путешествие прошло без приключений, разве что при подъезде к Славянке друзья посетили закусочную, чтобы подкрепиться.

— Нас почти наверняка ищут, так что я бы не поехал через пост ДПС, — разумно заметил Зельдин, отправляя в рот кусок курицы в панировке. В кафе в этот день былолюдно, многие возвращались с дач, и потому помещение было наполнено шарканьем шлепанцев и криками детворы. Забрав

свой заказ, друзья отнесли подносы со снедью в дальний угол зала и, расположившись за столиком, решили расставить все точки над «і».

— На тебе, Игорь, основная задача, — тихо, так, чтобы никто не слышал, произнес майор, однако детский гвалт внутри кафе чудесно скрывал их разговор. — Ты у нас пока на службе. Осторожно поинтересуйся, нет ли вокруг нас кипиша внутри ведомства и у смежников.

— А что мне сказать про отсутствие? Я же ни на телефонные звонки за это время не отвечал, ни контактов не оставил. За такое по голове не погладят.

— Ну, дадут по шапке и влепят выговор. Скажешь, что загулял с милой девахой, а может, и двумя. У нас коллектив мужской, поймут. Прилюдно не одобряют, но и порицать не станут. Понял?

— Да плевое дело.

— Теперь ты, Серега. Пробей по своим бизнес-связям, что они знают по поставкам нейрофонов. Мир-то имеет форму чемодана. Нам бы понять, где у этих чертей тут координационный центр.

— Думаешь, он есть? — брови Аллилуева удивленно взметнулись вверх.

— Да к гадалке не ходи, — отрезал Илья. — Ну не может широкомасштабная наземная операция не иметь наземную координацию. Там же нужно решения принимать, порой серьезные и быстро, а пока до штаба достучишься, тебе уже в тыл зайдут.

— И что мы хотим получить на выходе?

— Понять, как все работает. Я один хрен этим Меченосцам мало доверяю. Может, у координатора в кармане такой же парящий камешек.

— Понятно. Ты хочешь сделать в одиночку то, чего не смогла узнать сильная военная организация за последние десять лет.

— А вдруг? Никто же не предлагает брать их штурмом. Так, аккуратненько прощупаем почву, последим за трешерами, может, что полезное и выведаем. Никто еще от информации, которая способна нанести ущерб противнику, не отказывался.

— А ты что будешь делать?

— А я? — Прохоров нахмурился. Выходило, что ему самому действительно нечем заняться, и основная его миссия в заборе шмоток из квартиры да в простейшем навыке не засветиться. Ясно было, что трешеры обратят на него самое пристальное внимание, а заодно попытаются перекинуть в свою веру. Это для Ильи было фактом решённым, и оставалось предугадать, пойдут ли прихвостни чужих на вербовку, применяют насильственный метод с нейрофоном или просто попытаются убрать. Последнее было сомнительным, майор все еще числился в рядах специального отдела, и его убийство вызвало бы резонанс в пока еще не до конца оболваненном, обществе, однако физическое устранение не стоило сбрасывать со счетов.

Разделились, договорившись встретиться через три дня ровно на том же месте.

Прохоров добрался до дома без приключений и еще несколько часов кружил по району, пытаясь заметить за собой слежку. Было это пустой тратой времени. Если кому и надо было его выследить, то наблюдение в первую очередь установили бы за квартирой, начали бы прослушивать мобильный и стационарный телефон, и, собственно, именно сейчас Илья занимался тем, что шел в расставленную ловушку. Телефон его, не в пример Крашевскому, новенький, блестящий, со стальным корпусом и большим экраном, был теперь выключен и лишен батареи. Сам же аппарат завернут в газету и аккуратно убран, еще рядом с кафе, в щель между зданиями. Это была, пожалуй, одна из немногих частиц правды, которая просочилась в кино и на телевидение. Любой телефон с подведенным питанием, пусть даже и в состоянии сна или полного отключения, без труда могли вычлениить по передающим радиовышкам.

Сделать это было очень просто. Любой электронный гаджет имел запасное резервное питание, встроенное в печатную плату. К примеру, у компьютера, а точнее материнской платы, имела батарейка, которая при отключении сохраняла тонкие настройки биоса, а также время и дату. Что-то подобное имелось и у телефона, и только долгое бездействие, до полугода, способно было вывести запасную батарею в ноль.

Обойдя свой квартал по аллее, завернув во двор и немного покружив по нему, Прохоров, к удивлению своему, понял, что наружки нет. Может быть,

противник засел в квартире напротив, но фотографии нужно было забрать. Решение пришло само собой. К торцу дома подкатил фургончик, развозящий питьевую воду, и высокий тощий парень в синем комбезе и фирменной майке компании двинулся к дверцам кузова, чтобы достать и доставить до квартиры бутылки с водой. Суровые времена требуют быстрых и жестких решений, и уже через десять минут курьер, развозивший заказы, преобразился. Раздался в плечах, стал немного ниже, изменил прическу, но, если кто не следил за событиями, а таких в этом районе было очень мало, то метаморфоза не должна была вызвать подозрений. Поправив лямку на плече, Илья убедился, что связанный по рукам и ногам парень мирно дремлет в кузове, подхватил одну из банок с водой и ровным привычным шагом направился к собственному подъезду, надвинув кепку на глаза. Старушки, сидевшие у подъезда покосились сурово, но особого внимания появлению человека с бутылкой воды не придали, но где-то на краю зрения, на периферии, мелькнула белесая шевелюра.

Прохоров нажал на кнопку собственного домофона, сделав вид, что с кем-то беседует и, аккуратно приложив электронный ключ, скользнул в спасительную темноту лестничной клетки, быстро поднялся на пару этажей и занял позицию за мусоропроводом. Следили, точно следили, и миг, когда, похоже, был замечен финн, был не первым признаком параноидальной шизофрении. Дверь скрипнула, слышались шаги, и, не дожидаясь,

пока эффект неожиданности пропадет, Илья нанес удар.

— Здорово, Джаси, — Удар пришелся ровно в горло, и альбинос, схватившись за поврежденное место, захрипел и сполз на пол. Еще один удар, по шее, выбил из него сознание, и, быстро подхватив бесчувственное тело на плечо, Илья взбежал на нужный этаж, отомкнул замок входной двери и ввалился в свою квартиру. Готов он был, впрочем, и к новой атаке, предполагая, что трешеры могли устроить засаду на родной жилплощади, однако та была пуста и прохладна.

Некоторое время понадобилось на то, чтобы связать пленника по рукам и ногам да соорудить кляп из стратегического запаса носков, хранившихся в комоде в прихожей. Теперь вражина не то что дернуться, пискнуть не мог. Благо, имея привычку занавешивать окна, Илья спокойно вошел в комнату и, окинув ее взглядом, вдруг в бессилии опустился на стул.

Осознание того, что привычной жизни теперь не будет, придавило его, как бетонной плитой. Мать Прохорова умерла в родах, и его воспитывал отец, старше своей покойной супруги на двадцать с лишним лет. На этот странный брак, состоявшийся еще во времена, когда Советский Союз был не далекой и неясной метафорой, а вполне себе реальной державой с ядерным потенциалом и площадью в две трети евразийского континента, посматривали косо, а когда Мария Прохорова умерла, так и вообще стало худо. Отец рассказы-

вал, что родственники покойной супруги буквально возненавидели его, обвиняя в смерти дочери и приписывая ему самые страшные грехи.

Были у Ильи какие-то родственники под Саратовом, однако отец, старший Прохоров, с ними крепко поругался, отказавшись отдавать сына, и связь была потеряна. Папа приложил к этому руку, сначала переехав из Саратова в Москву, благо, место в одном из исследовательских институтов, а его ценили как талантливого научного сотрудника, он всегда мог найти, а потом спешное отбытие в Ленинград окончательно запутало следы.

Илья тяжело поднялся и, подойдя к журнальному столику, взял с него фотографию в рамочке. Там, еще молодые, совсем юная улыбающаяся мама в цветастом пышном платье и отец, чуть подслеповатый прищур, в очках, в старомодном костюме с широкими штанинами и пиджаком с двойным бортом, стояли, обнимаясь на фоне набережной то ли в Ялте, то ли в Анапе. Лица у родителей были счастливые, отец смотрел на мать с высоты своего немалого роста, и в глазах у него светилась нежность и любовь. Мать, доверчиво прильнув к отцу и обхватив его за талию рукой, глядела куда-то в сторону и тоже улыбалась. Это была единственная причина, по которой Прохоров, оперативник с опытом, набивший в подобных операциях немало шишек, пошел на вполне осознанный и такой же реальный риск быть схваченным.

Достав фотографию из рамочки, Илья осторожно завернул ее в кусок картона, чтобы, не дай бог,

не помялась, и убрал в широкий боковой карман синей рубы. Пройдясь по комнате, он вытащил остатки сбережений, что собирал на отпуск, вытащил из ящика письменного стола обручальные кольца родителей в маленькой черной коробке и все это отправил вслед за фотографией. Постояв немного, Илья в последний раз обернулся и вдруг услышал возню в коридоре. Выйдя из комнаты, Прохоров опустился на корточки рядом с альбиносом и кивнул.

— Очнулся, гнида трешерская? Ну что мычишь? Есть что сказать?

Альбинос забурчал что-то в кляп, показывая, что что-то хочет сказать.

— Орать не будешь? — ласково поинтересовался Илья. — Бузить по-разному, на помощь звать? Ты это сразу, братушка, брось. У меня за стенкой пара алкашей живут, так у них постоянно драки. Если мы тут даже стены крушить начнем, никто и наряд-то не вызовет. Привыкли. Сказанное было правдой. На той же лестничной площадке имелась квартира с двумя маргинальными личностями, а пьянки, которые они устраивали, с танцами, битьем морд и посуды, шумом в четыре утра и хмурыми мужиками в форме, стучащими в дверь одной рукой и придерживающими на груди АК-СУ свободной, воспринимались уже как должное. Несколько раз Илья даже поднимался и проводил среди собравшихся разъяснительную работу, однако этих мер хватало дня на три, после чего ночные попойки снова продолжались.

— Ну? Не будешь?

Финн отрицательно замотал головой.

— Ну, хорошо, я выну кляп, осторожно и медленно, а ты держишь слово.

Новый кивок. Теперь уже согласие.

— Ну? — Илья сдернул кляп. — Что надо?

— Прохоров, — блондин закашлялся, судорожно сглатывая. — Ты не понимаешь, во что ввязался!

— Я не понимаю, так ты поясни, — Илья пожал плечами и уселся напротив пленника с тем расчетом, чтобы при малейшей попытке саботажа врезать ему носком ботинка в челюсть.

— Все не то, чем кажется, майор, — засипел альбинос. — Ты, небось, уже с меченосцами поговорил, они тебе наплели с три короба. Прохоров, это секта озлобленных милитаристов с ретроградными взглядами. Они не понимают, что нам несут пришельцы!

Майор тяжело покачал головой, во всем последующем разговоре, как он заметил, его собеседник старательно избегал термина «мусорщик», будто бы стесняясь его, а когда Илья сам его произносил, болезненно кривился.

— Ну и что же они несут?

— Просвещение. Они были всегда, понимаешь. Они себя не называют, не выпячивают, но только их удивительный, просто уникальный строй позволит человечеству выйти на новый виток эволюции.

— Интересно, дай угадаю, — Прохоров картинно задумался. — Уж не с помощью ли нейрофонов?

— Именно! — глаза альбиноса вспыхнули каким-то бесовским огнем. — Это свобода от всего. Сети, провода, условности, привычки. Нейрофон позволяет незрячим видеть, глухим наслаждаться музыкой, прикованным к постели пускаться в невероятные путешествия по реальным и сказочным мирам! Мы больше не привязаны к своей телесной оболочке. Это свобода, Прохоров. То самое, что не мог дать человеку ни один строй, ни одна политическая партия. Мы погрязли в собственных распрях, войны уносят тысячи человеческих жизней, политиканы жируют на чужом горе. Тут же мир, спокойствие, минимум агрессии. Ну, разве что на кого в чате матюгнешься. Я такой легкости еще со школьной скамьи не ощущал. Я же только этнический фин. Когда война закончилась и часть территорий перешла к Красной России, хутор моего деда там оказался. Я ходил в советскую школу, учился в Советском институте, получив, чего уж душой кривить, очень неплохое образование, но что я смог от этого получить в реальности? Однушку на окраине, нищенскую стипендию, а потом и зарплату? Даже сейчас, когда все кричат о демократии и гласности, страна полна нищих сумасшедших либералов. Общество расслоилось, но теперь эта разница между богатыми и бедными видна отчетливей, чем обычно. Одни считают рубли до зарплаты, а другие, не понятно, с каких денег, улетают на райские острова, откуда выкладывают в социальные сети фотографии, полные сибаритства и распутности.

На секунду албинос затих... и вдруг через силу выдал:

— Прохоров, я же инвалид-колясочник был. Понимаешь? Я в лыжной секции состоял сначала, потом в олимпийском резерве. Какая-то сука неправильную смазку для лыж дала, и я себе позвоночник на склоне повредил. Пять лет в постели, потом десять реабилитации. Срал под себя, просвета не видел, думал повеситься. Потом пришли те, кого ты называешь «мусорщики», и я снова встал на ноги. За неделю встал. Все доктора в бессилии расписались, как наши, так и импортные, а эти взяли да излечили.

От этой новости по затылку майора пробежал неприятный холодок. Он, наконец, понял всю суть трешеров, верой и правдой служащих своим новым хозяевам. Мусорщики находили отчаявшихся, инвалидов по здоровью, ранее ведущих активный образ жизни. Коляска, больничная койка — все это было для них смертным приговором, а потом появлялись могучие чужие, которые решали эту проблему по щелчку пальцев, или, если быть точнее, костяных пик на передних конечностях. Вытащив человека из этого беспросветного омута, они получали верного вассала, свято верившего в то, что ему преподносили, а отказ от услуг своих хозяев, скорее всего, мог привести к старому образу жизни безвольной парализованной куклы. Вот что мотивировало, вот что придавало действиям уверенности, а вере слепоты. Даже если бы мусорщики принялись сейчас ходить по домам и откусыв-

вать головы новорожденным младенцам, эти слепые фанатики с радостью поддержали бы их. Ни один бы мускул не дрогнул, ни одна бы крамольная мысль в голову не пришла.

— Слушай, а чем, по-твоему, занимаются мусорщики?

— Они несут благо людям, процветание, спокойствие, ясность мысли, лекарство от болезни и скуки.

— Нет, ты не понял. Что они конкретно делают? Ну, встали с утра, жвала почистили, под кислотным душем постояли, пробежку сделали... потом выбросили пару радиоактивных контейнеров на детскую площадку...

— Ах, ты об этом, — альбинос вдруг снова поскучнел и грустно улыбнулся. — Они никогда не причиняли никому вреда, ну, по крайней мере намеренно. В их обществе нет насилия, злобы и жадности. Они как единый организм, со строгим подчинением по иерархии, только достойным. Нет у них ни пьяниц, ни тунеядцев, ни воров.

— Они вообще с вами разговаривают?

Альбинос напрягся.

— Иногда. Раньше это было сложно. Их речевой аппарат не способен производить понятные человеческому уху звуки, а родная речь наших благодетелей слишком сложна, чтобы ее изучить. Теперь, когда появились нейрофоны, мы можем слышать их прекрасные голоса. Теперь мы чувствуем поддержку. Подумай, подумай, майор, каким чистым и безоблачным станет будущее человечества под

защитой тех, кого вы называете так скабрезно и мерзко. Не будет жадного правительства, политиков, одуревших от собственной безнаказанности чиновников. Всем будет воздаваться по заслугам. Ты голоден — получи пищу. Ты болен — на тебе панацею. Ты волен быть тем, кем захочешь, вместо того чтобы ютиться в узких рамках, выделенных тебе обществом.

В ходе всего этого разговора, какими бы жаркими и убедительными ни были слова, Илья ощущал всю неправильность происходящего. Что-то тут было не так. В один миг он выпрямился и что есть силы съездил фанатику по лицу кулаком. Удар оказался хлестким, точным, голова альбиноса откинулась назад, из рассеченной губы хлынула кровь на паркетную доску. Бить связанных и пленных было не к лицу, однако злость, бурлившая в Прохорове после того, как лежавший перед ним одурманил, одурачил, хитростью увел из-под носа Феникс, желала выхода.

— Ты время тянешь, инвалид-колясочник, — быстро засунув кляп назад в рот, пленник уже не сопротивлялся, майор быстро обшарил его карманы, проклиная себя за халатность. Обыскать пленника надо было сразу же, но сентиментальные чувства опять помешали ему мыслить здраво. Прокол за проколом, крах за крахом. Все эти действия вели в никуда, в тупик, к поражению.

Подозрения оказались верными. Помимо ключей от машины, кошелька с парой тысяч, странного брелочка с лупоглазым медведем и коробка

с солью, она-то ему зачем, нашлась и тревожная кнопка. Такие устройства Прохоров видел неоднократно, они выдавались пожилым людям, чтобы те могли в любой момент позвать на помощь, и они активно покупались состоятельными людьми на случай кражи или нападения. Ими же снабжались и те граждане, что попадали под программу защиты свидетелей. Модель была именно такая, ведомственная. В корпусе имелась сим-карта, которая при случае активировала сообщение с просьбой о помощи, стоило человеку нажать на единственную ярко-красную кнопку. Там же располагался и достаточно мощный передатчик, по которому любой сведущий, обладая метками устройства, мог узнать местоположение аппарата. Кнопка была нажата, и тускло подмигивающий красный диод прочил крупные неприятности.

Прохоров метнулся к окну и с сожалением увидел, как с проспекта к его двору метнулся красный спортивный автомобиль. Взвизгнули тормоза, машина пошла юзом, вписываясь в узкий поворот, и черканув лакированным боком по углу фасада здания, влетела на крохотную внутреннюю парковку. Хлопнули двери, послышались возбужденные голоса вечно бдящих перед парадной бабушек-хлопотушек. Если все трешеры были такими же дьявольски выносливыми и быстрыми фанатиками, как и блондин, то сходиться с ними в рукопашную, на узкой лестнице не очень хотелось.

Кнопка, видимо, действительно была тревожной, а блондин стоял далеко не на последней

ступени в иерархии трешеров. Парни торопились и взяли тот транспорт, который попался в спешке. Ясно как день, что никто не отправляется на оперативное задание в красном спортивном автомобиле, даже те, у кого адская машина в голове.

Тут нужно было действовать не стандартно, парни, идущие на перехват агента специального ведомства, могли предполагать, что их ждут. Импровизация могла и сработать. Прохоров отправил альбиноса в нокаут, быстро пробил пробку кулерной бутылки и, вылив из нее воду в ванную, вышел за дверь, не забыв перед этим захватить и тревожную кнопку. Надвинув на глаза кепку, он методично запер все четыре своих немецких засова, так чтобы даже при всем желании открыть дверь быстро не получилось, быстро поднялся на верхний этаж, перескакивая порой через три ступеньки, и, открыв форточку на последнем этаже, выбросил маяк на улицу. После всего этого он начал спокойно спускаться вниз, держа в руках пустую бутыль. На нем все еще была форма доставщика, так что пробежавшие мимо крепкие парни даже не обратили на него внимания. Когда Илья уже коснулся ногой последней ступеньки, послышались грубые удары в дверь и крики. На губах майора появилась довольная ухмылка. Дверь эту он ставил давно, по большому знакомству. На четырех петлях, с хитрыми импортными замками и специальными кронштейнами, не дающими просто снести преграду, этот предмет интерьера поднимался шестью грузчиками, за что пришлось платить дополнительно.

Влезть в окно можно было бы только с крыши, при этом имея хотя бы трос или веревку, а чтобы проникнуть внутрь квартиры с площадки, нужен был ключ, ну, или кусок пластида с детонатором.

Шагнув на улицу, Илья раскланялся с испуганными старушками.

— Что там было, милоч? — поинтересовалась одна.

— Да полиция, похоже, мать, — довольно кивнул Илья, наслаждаясь тем, что остался неузнанным. — Барыгу какого-то берут, спекулянта. Вы тут шли бы по домам, а то, не ровен час, в понятия запишут, а это не на один час мороки.

Эффект был мгновенный. Перемывающие кости соседям пенсионерки вдруг вспомнили, что у них есть неотложные дела, требующие их немедленного вмешательства, и, пока Прохоров шел к машине, скамья опустела. Прислушавшись, не ворочается ли кто в багажном отсеке, майор довольно кивнул, открыл дверь газели доставки воды, вставил ключ в замочную скважину, повернул его и, убедившись, что старенький аппарат исправно завелся, а на приборной панели не загорелись лампочки, двинул прочь, навсегда распрощавшись с этим местом. В свою квартиру Илья больше не возвращался.

Аллилуев слыл стреляным воробьем, и, не желая быть проведенным на мякине, он первым делом отправился в офис. Парк рядом с ним, как правило, был заполнен гуляющими с колясками

мамочками и собачниками, неспешно прогуливающимися по дорожкам. Часть местного населения с упоением удила рыбу в небольшом, но глубоком пруду, оставшемся еще с тех времен, когда это место использовали как карьер для добычи песка. В парке былолюдно, как, впрочем, и всегда, и потому Сергею не составило большого труда слиться с толпой. Пройдя по аллее, он уселся напротив перехода, на чудом свободной в это время суток скамейке, и принялся наблюдать за входом в здание. С этого наблюдательного поста отлично была видна входная дверь офиса, располагавшаяся на первом этаже жилого дома, окна, закрытые стальными решетками и полупустая парковка, на которой стояла всего одна машина, серебристый японский седан две тысячи седьмого года выпуска, с большими черными покрышками, стальными дисками и правым рулем. Все эти тонкости Аллилуев знал не просто так, это была его машина.

Чудно, но в ходе своих прошлых злоключений Сергей не потерял ничего из личных вещей. Нашелся и брелок от машины, и ключи от офиса и квартиры, и даже телефон, на который приходили тревожные сообщения со всех сигнализаций. В квартиру во время его отсутствия никто не входил, молчала и охранная система личного авто, а вот пара текстовых сообщений с пометкой «офис» говорила о том, что тут кто-то относительно недавно побывал. Мог, конечно, зайти кто-то из сотрудников, но это помещение Аллилуев в свое

время снял для себя и использовал служебные площади как холостяцкую берлогу и для встреч с особо важными клиентами, для которых самым критичным была именно анонимность. Все об этом знали, так что, если кто из своих и навестил, то могли бы и снять с сигнализации. Система охраны была интеллектуальной, никогда не ставилась и не снималась с одного пароля. Раз в три часа крохотный компьютер, спрятанный под обшивкой стен, сообщал своему хозяину новый восьмизначный цифровой код, отправляя его на телефон, и, если в ближайшие три часа ничего не происходило, машина выдавала новый порядок цифр, и так до бесконечности.

Вдруг снова завибрировал телефон. Тревожное сообщение гласило, что кто-то до сих пор находится в кабинете и, похоже, не желает оттуда выходить, просто двигаясь из угла в угол, от одного датчика к другому, будто дразня владельца. Можно было вызвать полицию, но почему-то была уверенность, что она в этом деле не поможет. Кто бы внутри ни был, но со стороны улицы движения видно не было. Жалюзи, плотно закрывающие окна, скрывали все.

— Эй, парень, работа есть.

Зельдин свистнул, и к нему нехотя подкатил подросток, на роликах. Мокрая от пота футболка, джинсы с оттопыренными карманами, взъерошенная шевелюра, мальчишка, похоже, ехал из роллер-городка, открытого с большой помпой местной администрацией не далее чем пару не-

дель назад. Это событие, кажется, освещал один из местных каналов.

— Что делать надо? — голос мальчишки срывался с фальцета на бас.

— Да плевое дело. Вон офис, — Сергей указал в сторону поблескивающих на солнце окон. — Он мой, но там меня моя бывшая ждать может.

— Не поделили что? — с пониманием человека, безумно хотевшего разобраться в подобных проблемах, произнес пацан.

— Ага, много чего не поделили, — подыгрывая парню, Аллилуев тяжело вздохнул. — Она может быть в офисе, а мне туда позарез надо. Ты подкажи, мол, перешнуровать свои боты, глянь в окна, и сразу назад. — В довершение всего Сергей продемонстрировал новенькую пятисотрублевую купюру.

— И все? — паренек подозрительно прищурился.

— Все, — согласился отставник. — Смотришь, что в окнах, так чтобы не палиться, а потом назад, и не задерживайся.

— Сделаем, — мальчик кивнул и неспешно покатил в указанном направлении.

Вдруг вновь задержался в кармане куртки телефон, на этот раз голосовым вызовом. Номер был незнакомый.

— Аллилуев.

— Это Разумовский. Ты точный адрес дал?

Единственный адрес, который мог передать Разуму Сергей, это место жительства его бывшей су-

пруги и дочери, которые жили сейчас в их бывшей трешке, в Калининском районе. Место там было хорошее, вокруг парки, кинотеатры, торговые центры и магазины. Сергей давно уже подумывал покупать жилье на севере города, и как только его бизнес пошел в гору, первым делом осуществил задуманное. Именно эта квартира и отошла супруге при разводе, а заодно дача в Конной Лахте и новенький немецкий автомобиль, который Сергей подарил ей на десятую годовщину свадьбы.

Планировалось, что группа Разумовского эвакуирует из города жену и ребенка, и этот звонок Алилуева очень взволновал.

— Точный, — сухо произнес он в трубку. — Труды есть?

— Есть, — так же сухо поделился кандидат в меченосцы. — В квартире, похоже, никого нет, счетчик не крутится. Мы уже проверили местную пенсионную агентуру, удостоверениями светанули, они сказали, что Лидия и Мариша уехали два дня назад на дачу. Вещей взяли немного. Вместе с ними было двое. Одного она называла Денисом, высокий тип, с пробором, в спортивном костюме, и кроссовках, похоже, дорогих. Второй в жилетке рыжей, в штанах свободного покроя, постарше. Помогал сумки носить.

— Седой? — напрягся Сергей.

— Да.

— Тогда все хорошо. Старший — это мой бывший тесть, а в спортивках ее брат старший. Они почти наверняка в Лахте, на даче.

— В Лахте? — голос Разумовского вдруг зазвонил тревогой. — Нехорошее там место, большая активность трешеров. Но ты не парься, у нас там летучий отряд. Сделаем все в лучшем виде.

Аллилуев тяжело вздохнул, подавляя нарастающую тревогу, и вновь переключился на офис. В душе он разрывался между немедленным желанием присоединиться к Разумовскому, чтобы вытащить дочку, о бывшей жене он в этот момент даже не подумал, и документами, оставшимися в офисе. Если там хоть что-то осталось по Фениксу, он должен был это забрать. Самому Разумовскому он почему-то верил, хотя нет, верил он своему старому другу Прохорову, с которым был съеден не один пуд соли и выпит не один литр горячительного, да и боевое братство не позволяло даже усомниться в действиях товарища. Илья же доверял Разумовскому, и тут получался какой-то замкнутый круг. В конце концов, обязана была сработать цеховая солидарность.

— Мужик, есть там кто-то, — парень на роликах оказался рядом так внезапно, что Сергей чуть было не подпрыгнул на скамейке. — Двое, может, трое. Сидят в дальнем углу. Они думают, что их с улицы не видно, но там у вас в прихожей зеркало стоит, так что лопухи засветились.

Сергей недовольно сморщился и протянул мальчишке обещанное вознаграждение.

— Держи. Заслужил. Коробки там на столе были, ну, бумаги разложенные?

— Коробок много, — согласился парнишка. — Переезжаете?

— Ага, угадал, — грустно усмехнулся Аллилуев.

Дождавшись, когда подросток уберется восвояси, Сергей вытащил из кармана телефон и снова набрал Разумовского.

— У меня тут проблема.

— Ожидаемо, — согласились на том конце.

— Похоже, данные по Фениксу еще в офисе, но там засада.

— Сколько их?

— Трое, может, больше. Точнее сказать не могу. Вещички собирают.

— Много там у тебя документов?

— Да, пожалуй, все копии документов и фотки вещдоков с дела Гордона.

— Это много. — В трубке на секунду воцарилось молчание. Послышался шум эфира в рации, сухие команды. — Нашли твою дочку. Все вроде ровно. Парни уже на месте.

— Быстро вы, — удивился Сергей.

— А куда деваться. Значит так, ты не дергайся, сиди на месте. Если какое движение будет, сразу сообщай, но сам внутрь не суйся. Как отработаем, сообщим.

— Принято.

Аллилуев снова засунул аппарат в карман. Телефон был свежий, в отличие от того же Прохорова, он по приезду в город купил новый. Сим-карту он получил, как и все, на базе, и потому особо не заморачивался насчет электронной слежки. Потянулись тягостные минуты тревожного ожидания.

Игорь решил вести себя так, будто ничего и не произошло, однако сначала заехал домой, переделся, достал из вмонтированного в стену сейфа табельный ствол и только после этого почувствовав себя в относительной безопасности, поехал в контору. На входе его не остановили. По привычке выложив пистолет в специальный ящик в перегородке, Зельдин прошел контроль, показав знакомому сержанту на входе свое удостоверение, и после обмена дежурными любезностями, двинулся в кабинет. Проходя мимо вахтера, пожилого ведомственного отставника, которого все тут называли дядя Дима, он вдруг остановился, увидев, что знакомый тубус с красной восковой печатью до сих пор находится в своей ячейке.

— Привет, дядя Дима, — Зельдин остановился рядом со стойкой вахтера и протянул ему руку. Дядя Дима на секунду отвлекся от кроссворда, отложил в сторону карандаш и ответил крепким, далеко не старческим рукопожатием.

— Что, Игорек, опаздываешь? Генерал наш рвет и мечет. В отделе никого, у него на столе какая-то гербастая бумага, чуть ли не с подписью министра, похоже, расстрельная. Ты аккуратней, а то под раздачу попадешь.

Дядя Дима, казалось, был тут всегда. Еще курсантом, проходя в ведомстве стажировку, Зельдин видел, как вахтер общался накоротке с Самим и его замами, и те отвечали ему тем же, похоже, признавая своим и уважая. Порой, если надо бы-

ло что-то узнать по прогрессивкам, званиям или назначениям, сначала обращались не в строевую часть или к оперативным, а именно к дяде Диме. Надо сказать, информация у него всегда была верная, а если он чего и не знал, так и никто знать не мог. По поводу бумаги и настроения шефа можно было не сомневаться, и, получив на вахте ключи, Игорь спешно, используя не парадную лестницу или старый лифт в открытой шахте, а запасную лестницу, использовавшуюся сотрудниками для нарушения закона о защите от табачного дыма, проник на нужный этаж.

По пути встретил пару медиков и капитана из строевой. Тройка курила около открытой форточки, стряхивая пепел в стоящую на подоконнике банку из-под оливок.

— Здорово, мужики.

— И тебе не хворать, — парень в белом халате, надетом зачем-то на парадную форму медицинской службы, довольно кивнул. — Что-то твоего шефа нет.

— Да в отпуске он.

— Да уж. Тогда ты заскочи. Мой командир что-то ему сказать хотел, так, может, что срочное.

— Забегу, — согласился Зельдин и, на прощание махнув троице рукой, распахнул дверь на этаж. Пахло тут нехорошо, застойным воздухом, лекарствами и какой-то неприятной фруктовой отдушкой. Здание ведомства было старое, построенное еще при Сталине пленными немцами, и потому, пережив почти сотню лет, падение несколь-

ких режимов, смену руководства, похоже, стало-
вилось только прочней. Однако обстановка, тут
царившая, больше подходила для фильмов ужасов.
Тяжелые серые стены, узкие окна бойницами, ухо-
дящие высоко под потолок, темный дубовый пар-
кет в коридорах, тусклое освещение, не способное
охватить всю площадь длинных переходов и пом-
пезных лестниц. И каждая лестница, каждый про-
лет хранил на себе отпечаток чьих-то несбывших-
ся надежд, ауру разбитых судеб и уничтоженных
карьер. Когда-то, когда само ведомство еще было
комиссариатом, а люди в кожанках и с наганами
в деревянных футлярах грохотали начищенными
сапогами по дубовому паркету, тут было много
народа. Все стремились к чему-то, строили светлое
будущее, охотились за шпионами и врагами на-
рода, и, надо отдать должное старым следователям,
вели дела не надуманные, подлинные, те, о кото-
рых не печатали в газетах, за которые не давали
медали и прогрессивки, не награждали сервизом
или поездкой в Туапсе. Тут всегда находились про-
фессионалы, одним из которых, как считал Илья,
и был его опальный патрон, майор Прохоров, ко-
торому самую чуточку, только руку протянуть, не
хватило до полковничьих звезд.

Проскользнув в отдел, Зельдин спешно сел за
компьютер, попытался ввести пароль, потом еще
раз и снова, пока внимательно не прочел то, что
писала ему каждый раз умная машина.

«Ваша учетная запись заблокирована. Обрати-
тесь к системному администратору».

Телефонный звонок разорвал тишину кабинета, и этот звонок никогда Зельдину не нравился. Старенький стационарный аппарат с наборным диском мог быть подключен только ко внутренней сети, всего два провода медной пары, пролежавшие по кабель-каналам, вели к единой коммутируемой, правда, уже автоматикой, АТС, и звонок этот мог быть произведен только из здания.

Илья осторожно поднял трубку.

— Зельдин, слушаю.

— Зайди. — Голос в трубке был встревоженный. — Это тезка, Платонов.

Звонки из компьютерного отдела поступали не часто, и его тезка, Игорь, пренебрегая такими архаичными способами связи, часто использовал внутренний мессенджер или мобильный телефон. Звонок по проводу мог означать только, что у него что-то очень важное.

— Сейчас буду, — согласно кивнул лейтенант в пустоту и, отодвинувшись на колесиках кресла от рабочего стола, двинулся к компьютерному отделу. Коридор, на удивление пустой и безжизненный, преодолеть получилось легко, однако, достигнув главного лестничного пролета, убранного в изящную чугунную решетку с вензелями и листьями, он услышал шум и оживление на этаже начальства. Хлопали двери, кто-то кого-то отчитывал, выли шредеры, пожирая, наверное, всю возможную бумагу на этаже. Кто-то о чем-то громко говорил по телефону, удары по клавиатуре были подобны крупному граду, бьющему по железной крыше.

На верхнем этаже, своеобразном олимпе местного масштаба, сейчас бушевала буря, и смертным, вроде лейтенанта Зельдина, вход туда сейчас был противопоказан. Ох, неспроста предупреждал его вахтер, совсем неспроста.

Тут же стали понятными пустынные коридоры, закрытые кабинеты и служебная парковка, на которой не нашлось ни одного личного автомобиля.

До серверной Игорь проскочил без особых приключений, поздоровавшись с парой вольнонаемных служащих. Он, как и Прохоров, был при погонах и вынужден был присутствовать на всех смотрах, учениях, а также каждый год сдавать зачеты по знанию уголовного права, вождению автомобилей в экстремальных условиях, стрельбе, знанию английского языка (того самого, на котором, как правило, общался потенциальный противник государства), строевой и физической подготовке и еще десятку совершенно не нужных, с точки зрения Игоря, дисциплин.

Платонов был админом наемным, тихо трудился в своих четырех стенах, в окружении горы старого компьютерного железа и десятка стоек с техникой совершенно непонятного Игорю предназначения. Но эта техника, по сути, была сердцем всего северо-западного подразделения ведомства, комната с особым режимом, в которую не то что обычному служащему, а и суровому оперативному сотруднику порой был воспрещен вход. Секретная дверь была открыта, и оттуда раздавалось неразборчивое бормотание.

— Платонов? — Зельдин потянул за ручку и тут же встретил хмурый прищур админа.

— Входи, только быстро. — Вскочив с кресла, тот почти насильно затащил Игоря в свой кабинет и быстро захлопнул дверь. Пискнул магнитный замок. — На тебя приказ пришел из главка, сам видел, и на Илью, и еще на несколько офицеров. На начмеда нашего, в частности. Кстати, он тут скоро будет.

И действительно, буквально через пару секунд в дверь постучали, и админ снова кинулся открывать дверь.

— Здорово гражданским, — в комнату шагнул полковник Рюхин, в гражданском и без привычного белого халата. Во взгляде его сквозила тревога. — Прохоров с вами?

— Я за него, — с сомнением и подозрением в голосе произнес Зельдин.

— Значит, нет его, — Полковник недовольно поморщился. — Но, может, и к лучшему это. Если ты с ним связь держишь, передай, чтобы к нейрофону и близко не прикасался. У меня в морге три трупа, все наши, разной степени важности, господа. Все боевые офицеры, не одна горячая точка за плечами, и все пустили себе из табельного пулю в лоб. Знаешь, так профессионально, чтобы наверняка. Подносишь дулом к тому месту, где кадык еще не начался, а горло еще продолжается, берешь чуть выше и гарантированно выносишь себе мозг вместе с черепной коробкой. У всех, вы слышите, всех, я обнаружил нейрофон, но Симонюк меня

и слушать не хочет. Говорит, что я переработал и напирает на то, что меня наш Прохоров с панталыку сбил.

— Дела, — Платонов покачал головой и вдруг, достав из завала на столе коробочку, белую, без маркировки, только с одним порядковым серийным номером ведомства, поставил ее на стол перед собравшимися. — Вот, собственно. Илья и ко мне заходил, пытался за убийство Гордона узнать. Я провел кое-какое расследование, но об этом позже. Вот. — Палец админа постучал по коробке. — Это самое главное.

— Что это? — Илья осторожно взял коробку в руки и, открыв, отшвырнул в ужасе. В ней, на сером ложементе, в аккуратном пазу лежал нейрофон. Вот оно, оружие двадцать первого века, позволившее без единого выстрела захватить командные центры и жилые города, защищенные бункеры и фортификационные укрепления, заглянуть в самые потаенные уголки специальных отделов с тем, чтобы выдать секретную информацию врагу.

— Это, господа, служебный нейрофон, — печально развел руками Платонов. — У нас же тендеры проводит розыгрыши каждый год на предоставление средств связи. Мы хоть и ведомственные деньги тратим, но просто так ими расшвыриваться никто не даст. Финансирование конторы, по крайней мере в технологическом перевооружении, всегда из бюджета было. Мы выставили требования, и все наши старые подрядчики, не сговари-

ваясь, предложили нейрофоны специальной серии с защищенным каналом, сервером и круглосуточным обслуживанием, с последующим бесплатным ремонтом или заменой оборудования в ходе всего срока эксплуатации. И главное, все это за смешные деньги. Я лично подозреваю, что даже ниже себестоимости изготовления. Вот прислали уже один из экземпляров.

— Дело труба, — нахмурился Зельдин. — Если мусорщики и их друзья — трешеры попадут в защищенные спецсети, то мы точно не выстоим. Они подомнут всю силовую структуру.

— Трешеры? — удивленно воскликнул Платонов.

— Мусорщики? — в тон ему повторил полковник.

Рассказ Ильи занял не меньше часа. Чтобы его доводы были правдивы, он выдал все о своих злоключениях. В конце концов, он не мог кого-то подвести, и даже если его вдруг решили бы пытаться, то знаний о местоположении базы меченосцев у него просто не имелось. Рассказал он и про тайное укрытие, и про монстра, который их атаковал, и про Феникс, и даже тот момент, когда они так бездарно упустили аппарат, отдав его в руки врага.

— Но ничего, — закончил Зельдин. — Меченосцы, они парни что надо. Они найдут эту глушилку.

— Не найдут, — хитро прищурился админ. — Ты, видно, совсем отстал от жизни. Мы же ведомство бедное, маячки ставим такие, чтобы не вещали в пустоту. Иначе их заряда разве что на сутки

хватит. Зато приемник молотит постоянно, по принципу свой-чужой.

— Подробней, — не на шутку встревожился Игорь. — Это же что получается, маяк сейчас не активен?

— Да активен он, только по-своему, — виновато развел руками Платонов. — Я сам недавно новую партию тестировал. Заглушить метку можно, только колпаком чугунным накрыв, это да. Специальная военная разработка. Однако свое местоположение устройство не сообщает, так что зайти на сервера и узнать, где находится тот или иной груз, без специального пароля Симонюка просто невозможно. Стоит этот электронный болван в режиме ожидания, и спектр чешет на предмет команд. Если таких нет в течение минуты, то он отключается на час, потом снова готов на прием. И так до бесконечности, если не пришел пароль. Если пароль пришел, то устройство пеленгует частоту и отдает по ней пакет со своими координатами.

— Труба, — снова начал сокрушаться Зельдин, понимая, что Феникс вновь уплывает из рук, — Симонюк мне в жизни пароля не скажет.

— А вот тут ты зря кручинишься, — Амин довольно усмехнулся. — Думаешь, кто ему эти пароли посылает?

— Ты можешь определить сейчас, где Феникс?

— Попробуем.

Платонов уселся за свой компьютер, открыл какой-то файл и отстучал в появившейся строке сложный буквенно-символьный код.

— И что? — Зельдин неторопливо приплясывал на своем месте и от волнения так прикусил губу, что выступила кровь.

Рюхин молча достал из кармана штанов чистый носовой платок и протянул его лейтенанту.

— Молчит, — виновато поделился админ, будто лично был причастен к тому, что метка, установленная на груз ведомства, не дает ответа.

— А ее не могли вынуть намеренно, выбросить куда-то, повредить? — пустился в перечисление вариантов лейтенант.

— По сути, что угодно, — признался админ. — Если метка стоит на контейнере, а она не больше пятирублевой монеты, ее могли снять. Однако она присоединена слоем фольги к контактной площадке. Как только отрывают маячок, он тут же сообщает на пульт дежурного по ведомственной волне сигнал тревоги со своими координатами. Тогда вертолет, отряд спецназа...

— Отключить ее дистанционно нельзя?

— Исключено. Надо иметь коды. Я их лично в программатор зашиваю, потом они специальным алгоритмом перемешиваются, и этот алгоритм вшивается в метку. В итоге один программатор — один маяк. Старым кодом пользоваться бессмысленно. Хорошая, кстати, разработка, надежная, как каменный сортир, и очень элегантная по архитектуре исполнения. Я не про сортир, а про саму программу, если что.

— Тогда, значит, маяк глушат или уже заглушили. Может быть такое?

— Может, — согласно кивнул админ и вдруг хлопнул себя по лбу ладонью: — Ой, я болван. Сам же настаивал на втором контуре защиты, и вот, забыл про него совершенно. Ой, я идиот однозначный!

— Что за второй контур? — заинтересовался Зельдин.

— Да по затуханию сигнала. Когда происходит транспортировка, то маяк и правда вещает постоянно, стоит на боевом взводе, как я это называю. Рассчитывает примерное время транспортировки, по истечении которого он в свой спящий режим и впадает. Во время перевозки метка постоянно сканирует один из ведомственных спутников, чтобы понять, есть ли от него отклик, и как только тот приходит с определенным допуском по запозданию, то опять же идет сигнал тревоги. Битый, непонятный, но он приходит обязательно. На пульте его могли и за помеху принять.

— И что же мы получим?

— Последнее местоположение груза в момент подавления сигнала маяка. Я тебе одно, тетка, сказать хочу, мест, которые способны сделать помеху нашему устройству или вовсе блокировать его сигнал, в области очень мало.

— А не получим ли мы именно тот момент, когда трешеры брали устройство? Я, признаться, и не знал, что они так быстро смогут отработать. Я за них только порадовался. Однако нас даже до операции не допустили. Просто появилась какая-то

летучая группа сраных бетменов, забрала девайс и сделала ручкой.

— Молодцы, — полковник прокашлялся в кулак. — Если бы это не был враг, я бы сказал, что парни отработали профессионально. Они, видимо, просто не знали, какой ящик им брать, и вы просто помогли. Блестящая операция, профессионально до чертиков.

— Сколько, ты говоришь, у них ушло на все про все? — поинтересовался админ.

— Тогда вроде минут сорок, может, час, — вяло произнес лейтенант.

— Ладно, вы пока покурите на лестнице, — предложил Платонов. — Я сейчас все тревоги и мусор по логам просмотрю, аккуратно, ручками, чтобы лишних вопросов не возникало, и, если будет зацепка, сообщу.

Странно все было, очень странно. Прохоров ехал по городу, и мучила его одна-единственная мысль, что же с этим городом могло произойти? На первый взгляд, совершенно ничего не изменилось. Не было суровых пришельцев на каждом шагу, толп рабов, закованных в кандалы, не свистели плетями надсмотрщики, выгоняя всех на радиевые шахты. Лица, улыбки, жесты — все, казалось, осталось на своих местах. Так же работали магазины, гостеприимно распахивали двери перед посетителями кафе и рестораны, крутили новые фильмы в кинотеатрах. Даже набившая оскомину реклама нейрофона как-то примелькалась и слилась с мест-

ностью, не вызывая никаких чувств. Гаджет вошел в человеческую жизнь и там укрепился, будто это была какая-то кофеварка.

Однако не только это волновало Илью. Тактическая игра, которую вели трешеры, не без указки мусорщиков, не лезла ни в одни существующие рамки. Операцию по отбору Феникса они провели блестяще, не допустив до нее тройку, однако, в тот момент Илья особо не стремился участвовать во всех этих игрищах. Зато атаку ненастоящей базы провели со всей помпезностью, шумом и воздушной поддержкой, совершенно не боясь демаскироваться. Опять же, мусорщик, та самая отвратительная харя, которая, наверное, будет очень долго сниться в кошмарах, откровенно демаскировал себя, будто нарочно попав под перекрестный обстрел. Зачем этот цирк? Показать всю мощь предстоящей экспансии? Дать понять, что есть сила, против которой обычные, годами отработанные средства попросту не работают? Все это оставалось на грани догадок, и под увеличительным стеклом скепсиса каждая разумная версия крошилась в прах.

Илья остался единственным человеком, который оставил себе свой мобильный телефон, и на это у него были веские причины. Наши гаджеты порой хранят много секретов, вроде паролей от электронных кошельков, пинкодов от банковских карт и прочей виртуальной ерунды, которой пользуешься не часто, но доступ к которой иногда остро необходим. Нужен он был Прохорову по дру-

гой причине, только из-за одного контакта в телефонной книге. Прежде, чем спрятать телефон, он переписал в новый, не отслеживаемый мобильник десять заветных цифр, вбил в поле имени «Алина» и с тем отчалил. Алина была последней знакомой Прохорова, к которой он питал какие-то чувства.

Влюблялся Илья не раз, но как-то это чувство у него не приживалось. Точнее, женщины, попытавшиеся построить свою личную жизнь с оперативным сотрудником специального ведомства, быстро убеждались, что овчинка выделки не стоит. Ореол шпиона или разведчика, быстрые автомобили, коварные преступники и горы бриллиантов, которые те непременно хотели похитить и вывезти из страны в костюме коровы, превращались в унылую рутину, частые ночные дежурства, невысокую зарплату и бесконечную череду ожиданий и волнений. Алина была не столь меркантильной особой, проявляла больше терпения и понимания и не устраивала истерик, если Прохоров вдруг пропадал на неделю, а потом появлялся и не желал объяснять, где был и что все это время делал. Это майора и подкупало, и потому посещение квартиры девушки также было одним из пунктов этого опасного городского путешествия.

Добираться до Озерков пришлось долго. Несколько аварий, вечно стоящая набережная Черной Речки и сумасшедший городской трафик севера заставили потратить на дорогу больше двух часов, а управление грузовичком не могло при-

нести ничего, кроме раздражения. Машина плохо слушалась руля, виляла, громокая подвеской и дощатыми бортами на каждом ходу, да еще парень внутри кузова начал просыпаться. Пришлось встать и добавить бедолаге, чтобы уж совсем картинно было. Только когда все трудности пути были решены, Илья закатил свое транспортное средство на парковку перед гипермаркетом, быстро переоделся в фургоне и двинулся по гранитной набережной в сторону новых кварталов, чьи высотки нагло выпирали на фоне мостов и арок, старинных особняков и изящных флюгеров и портили общий пейзаж.

Идти было легко и почему-то радостно. Приняв решение, Прохоров ощутил какую-то уверенность, спокойствие. Нет ничего важнее для человека, чем четкий план, уверенность в завтрашнем дне, гарантированность того, что именно ты делаешь правильное, нужное дело, и это помогало. Поток автомобилей, отсекавших набережную от жилых кварталов, начал редеть, Нева по правую руку уверенно вильнула в сторону, и, сойдя с гранитной дорожки, майор шагнул на детскую площадку, прямо напротив дома избранницы, и вдруг застыл. Неприятное гнетущее чувство, которое называется «чуйка», упрямо засопровтивлялось и не позволило майору сделать и шага. Около подъезда Алины стояла серебристая старенькая девятка, лобовое стекло, покрытое пылью, проржавевший правый бок с признаками давнишней аварии и чуть спущенные колеса которой говорили о том, что авто

давно не трогалось с места, однако именно этот автомобиль привлек его внимание.

Илья попятился, ощутив какое-то неясное движение впереди, адреналин ударил в голову, воздух показался каким-то странным, деревья вдруг зашелестели, заголосили на все лады птицы, и вдруг все замерло, мир остановился и затих, и вся вселенная вокруг вдруг сжалась до пределов двора, песчаной дорожки, пересекающей его из конца в конец, и старенького отечественного авто. Дверь девятки открылась медленно, как это показывают в фильмах ужасов, когда вот-вот распахнется створка платяного шкафа и оттуда вылезет Бука, схватит тебя своей когтистой лапой и утащит в свою мерзкую страну кошмаров, чтобы растерзать на сотню кровоточащих кусочков, а затем сожрать с большим аппетитом. Двое, среднего телосложения, короткие стрижки, прямые спины и тщательно выбритые лица, выбрались из брошенного авто с таким видом, будто бы это вполне нормальная практика, и, как будто смущенные чем-то, остановились. Одеты они были неброско: неприметные куртки с множеством карманов, мягкая обувь, часы на запястьях. Возраст трешеров, а в том, что это именно они, Илья не сомневался, определить было сложно, да и вели они себя не совсем так, как следует поступать боевикам противоборствующих сторон в случае визуального контакта. Они стояли и смотрели на Прохорова, а тот с тревогой во взгляде следил за ними. Метрах в трехстах пролегал широкий проспект с оживленной большой пе-

шеходной зоной, и при плохом развитии событий можно было броситься именно туда, однако враг медлил, не спеша нанести удар.

— Майор, — парень в серой куртке, тот, что выбрался с пассажирского сиденья, сделал два шага вперед и остановился. Илья на всякий случай нащупал рукоять пистолета и, не глядя, снял оружие с предохранителя. Уверенности в собственных силах немного прибавилось. — Майор Прохоров?

— С кем имею честь общаться?

— Карпов. Моя фамилия Карпов, — Мужчина снова сделал шаг вперед, ставя ноги на песок, смешанный с гравием, так осторожно, будто двигался по зыбкой поверхности болота. — У меня к Вам разговор.

— На который вы явились вдвоем и с оружием?

— Это неправда, майор, мы безоружны. — Парень нарочито медленно поднял полы куртки, демонстрируя отсутствие огнестрельного оружия, однако внимание Ильи это не притупило. В такой ситуации достаточно было метательного ножа, всего одного, спрятанного в рукаве.

Беседа оказалась еще более странной, чем то, что происходило до этого. Человек в серой куртке кивнул своему напарнику, и тот неспешной походкой удалился в глубину двора, где и исчез в тени дома.

— Давайте присядем, товарищ майор. — Трешер кивнул в сторону зеленой скамейки в тени кустов и, не дожидаясь ответа Ильи, прошел по дорожке и, усевшись, закинул ногу на ногу.

— Ну, давайте, — Илья пожал плечами, однако садиться не стал, предпочитая видеть все, что происходит вокруг.

Увидев это, трешер скупно улыбнулся.

— Вас водят за нос, Прохоров.

— Я это уже заметил.

— Вы не поняли, — человек покачал головой. — Те, кого вы называете мусорщиками, вам не враги. Они, как и любая другая культура, стоящая на высшей ступени развития, просто необычны для вас. Вспомните отношения испанских конкистадоров и индейцев или трения американской кавалерии с коренным населением северной Америки.

— Странная аналогия, — пожал плечами Прохоров.

— Верная, — Карпов снова улыбнулся, на этот раз дружелюбно. — Это естественный ход событий, сильный вытесняет слабого. Дарвиновская теория в действии, и как бы ни сопротивлялись ее противники, она отлично работает. Те же конкистадоры несли знания, силу, мощь своего оружия, и что теперь с аборигенами, которые их оттринули?

— У меня о чистоте помыслов испанцев другие школьные воспоминания, — Прохоров покачал головой. — Что вы конкретно предлагаете?

— Я предлагаю вам ровно то, что предложили меченосцы, но умножить на два, — Карпин похлопал себя по карману куртки с таким видом, будто бы у него там хранился генеральский мандат или, на худой конец, записка, где значится: «Все, что сделал податель этой бумаги, совершенно на бла-

го государства и по моему личному приказу. Рيشелье».

— Ну, допустим, мой пример вас не вдохновил, — Карпов пожал плечами. — Однако вы должны понимать, что если мы разговариваем с вами, а не стараемся устроить свинцовое отравление, наша организация в вас заинтересована ровно так же, как и меченосцы. Вопрос, что могут дать Вам они, чего нет у нас?

— Вам ответить?

— Если Вас не затруднит.

— Ничего. Карпов, вы русский?

— Я россиянин.

— Толерантно. Но сути не меняет. Вспомните историю нашей страны, и что мы делали с захватчиками, решившими посягнуть на наш суверенитет.

— Мы не посягаем ни на чей суверенитет, мы просто даем людям то, что они хотят, но не могут добиться по тем или иным причинам.

— И на выходе вы получаете кучу бездарностей, способных воевать только в играх, писать стихи только в сети, совершать подвиги лишь в собственной голове. Это не жизнь, Карпов, это темница, гребанная матрица сестер Вачовски.

— Все не так мрачно.

— И все же, что хотят ваши хозяева?

При этих словах на лице трешера отразилась плохо скрываемая неприязнь к собеседнику, но, к его чести, он быстро справился с чувствами.

— Они нам не хозяева, но друзья, старшие братья, мудрые и правдивые.

— Они не лгут, не убивают, не крадут... Слышал уже. Зато они лезут в твою голову и заставляют плясать по свою дудку. Вот только где грань между благом для всего человечества и превращением в обычную марионетку, пляшущую по прихоти кукловода. Почему ваши «старшие братья» не смогут просто приказать всем своим рабам подойти к краю обрыва и броситься в пропасть?

— А зачем им это?

— Вы знаете об артефактах, Карпов?

— Конечно. Это еще одна сторона медали. Наши друзья доставляют на землю священный груз, и он дарит нам чуточку волшебства. Деньги, богатство, удача, любовь, каждый такой артефакт готов дать вам такой подарок и не потребовать ничего взамен. Надо лишь за него побороться.

— А побочные эффекты? Вы забываете о том, что в месте образования артефакта, в том углу, куда мусорщики сгружают свое волшебство, остается выжженная пустыня, голая земля, не способная плодоносить. Вам не кажется, что больше это похоже на свалку химических отходов?

— Годами мы бездумно засоряли свою планету радиоактивным шлаком, разливом нефтяных продуктов, выхлопными газами, химическими стоками в воду, и ни у кого не было особых претензий. Что же тут плохого, если у нас появится еще одна выгребная яма? Но за нее мы получаем знания, силу, новый шанс на собственное возвышение. В обычных условиях загрязнения планеты такого не предусмотрено.

— А вы не предполагаете, Карпов, что в какой-то момент место на планете может закончиться не только для мусора, но и для людей, и ваши хозяева решат, что вы им больше не интересны.

— Мы рассматриваем и такой план развития событий, но до этого еще слишком далеко. К тому же наши братья обещали нам, что такое просто не произойдет. Они не врут, они просто не умеют обманывать, и потому нет оснований им не доверять.

— Вы так слепо им верите? — опешил Прохоров, начиная понимать, что перед ним не оболваненный, а очередной идейный ренегат. — Но почему?

— Почему? — Карпов пожал плечами. — История тех, кого вы называете мусорщиками, исчисляется миллионами лет. Они путешествуют по вселенной, насаждая свой порядок и веру. Они настолько выше нас в развитии, что им даже не нужен голосовой способ общения. Они идут к одной цели, выстраивая свою работу без долгих обсуждений, планерок и споров. Их ходы просты, а работа плодотворна. Никто ни на кого не орет, никто никому не угрожает, подгоняя и обещая лишить премии. Я ведь раньше, в девяносто третьем, небольшую строительную компанию с друзьями открыл. Ой, и хлебнул я полной ложкой все прелести частного бизнеса. И свары были, и крики, и даже постреляли немного. Время тогда было неспокойное, передел собственности и зон влияния многих хороших парней положил. С мусорщиками такого просто не может быть.

— И что же ты ждешь на выходе для человечества?

— Представь, майор, что закончатся все войны. Люди перестанут болеть, умирать в младенчестве, уровень жизни резко повысится. Исчезнет бытовое насилие, извращенные фантазии некоторых индивидов будут четко контролироваться. Ни педофилов, ни серийных убийц, ни автомобильных и железнодорожных катастроф. Наши друзья помогут нам с технологиями, и организация базы на Луне станет вполне реальным и легко осуществимым проектом. Мы сможем сидеть в мягких креслах, а роботы на поверхности мертвого спутника, управляемые посредством нейросети, смогут делать за нас всю грязную работу.

Не будет технологических катастроф, перестанут коптить небо заводы, чистота и порядок воцарятся на всем земном шаре. Терроризм уйдет как архаичный термин, и наши потомки перестанут понимать его значение. Мусорщики стирают расовые и территориальные границы. Не будет недомолвок. Нейрофоны позволяют говорить с носителем любого языка, и он будет прекрасно тебя понимать.

Прохоров слушал и становился все более мрачным. Карпов был хорош, убедителен, его доводы казались вполне разумными. Он очень много обещал. Хочешь звезду с неба, всегда пожалуйста. Желаешь генеральские погоны и личный кабинет, обшитый потемневшими от времени лакированными панелями, легко. Желаешь стать космонав-

том или видным публицистом, все в твоих руках. Ты только перейди на сторону мусорщиков и их прихвостней, и тебе твое самое заветное желание вручат завернутым в праздничную обертку из обещаний, с огромным розовым бантом цинизма на боку.

Одно только не сходилось в этом уравнении. При всех благах, обещанных чужими, в комплект входила еще и клетка. Комфортабельная, золотая, с кабельным телевидением и джакузи, однако это было осознанное рабство, подчинение чужой воле, неизвестному разуму, в уголках которого могло скрываться что угодно.

И меченосцы, и трешеры много не договаривали, однако крепкие стриженные парни с холодным оружием были ближе по духу и по идеям, и пока именно трешеры пытались навязать Илье любовь к потенциальному плену. Меченосцы же предлагали сложную, опасную и плохо оплачиваемую работу с минимальным социальным пакетом, и это предложение казалось почему-то честней. Ну не верил майор в кисельные реки и медовые берега просто так. Всю его жизнь бесплатный сыр находился только в мышеловке. Просто мышеловка трешеров была крупней и красивей, вот и вся разница.

— Что вы будете делать с теми, кто не пожелает примкнуть к вашей армии? — задал он давно интересующий его вопрос.

— Ничего, — Карпов пожал плечами. — Таких не останется. Когда людям станет известна вся

прелесть нейрфона, они сами бросятся к нам на коленях выпрашивать те дары, что изначально могли заполучить совершенно бесплатно. Но будет уже поздно, и мы попросим плату.

— Но останутся те, кому не по нраву ваш порядок.

— Останутся, — трешер почему-то довольно улыбнулся. — Такие есть всегда, но это дело времени и воля большинства. Всегда есть оппозиция, иначе порядок и равенство будет просто не с чем сравнивать. Мы, те, кого вы называете трешерами, живем в комфортных квартирах, ездим на хороших автомобилях, трудимся в уютных офисах с кондиционером, кофе машиной и миловидными секретаршами. Меченосцы же всегда были на полуподпольном положении, и их действия никогда не отвечали букве закона. Они скрывались, таились по своим норам, порой огрызаясь больно и мучительно, но так ничего и не смогли предпринять. Почему?

— Может быть, потому что они пока еще не нашли правильных методов борьбы?

— А мне кажется, именно потому, что их идеалы ложны, а идущий за неправильной идеей равен слепцу, балансирующему на канате. Гибель его — это только дело времени.

Карпов вдруг встал и, достав из кармана визитку, протянул ее Илье.

— Вот, майор, на этом куске картона ваш пропуск в рай. Нам всегда будут нужны хорошие специалисты. Вы сможете работать на лучших условиях,

которые вообще сможете себе представить. Зарплату и офис выберете себе сами. Ваши близкие и родственники тоже получают от этого пользу. Наши друзья, мусорщики, — смешок, куда-то в сторону. — Они заботятся о своем персонале. Помните, Прохоров, нейрофон не оковы, а ключ к новой жизни.

Илья сидел на кухне и вяло стучал крохотной серебряной ложкой по изящной фарфоровой кружке с синими разводами. Рядом хлопотала Алина, склонившись над кастрюлей и помешивая в ней ароматный борщ длинной деревянной ложкой.

— Тебя долго не было, Илья, — наконец произнесла она то, что давно уже витало в воздухе. — С тобой все нормально? Я уже начала беспокоиться.

— Нормально, насколько это вообще возможно.

— Твой телефон не отвечал.

— Знаю. Так надо.

— Илья! — Алина оторвалась от готовки и, сев на табурет напротив Прохорова, пристально посмотрела ему в глаза. Кухня была маленькая, тут едва мог уместиться холодильник, небольшой обеденный стол да крохотный кухонный гарнитур. — Ко мне приходили с твоей работы.

Эта новость оказалась для Прохорова ожидаемым, однако не вполне приятным сюрпризом.

— Кто? — сухо произнес он. Ложка легла на блюдце, после чего Илья поднес край кружки к губам и осторожно отхлебнул горячий черный чай.

— Какой-то полковник. Спрашивал о тебе, но я же помню, что ты мне говорил. Я им ничего такого не сказала.

— Вопросы-то какие были?

— Да самые обычные. Как себя вел в последнее время, не был ли беспокоен. Не озвучивал ли планы на будущее, вроде внеплановой поездки. Не снимал ли в последнее время квартиру, не планировали ли отпуск. Всякая чушь.

— Да уж. Чушь, — для проформы согласился Илья, чувствуя, как петля на его шее начинает потихонечку затягиваться. Еще немного, и воздуха перестанет хватать. — Алина, солнце, что ты знаешь о нейрофонах?

— Ну как ты мог догадаться! — девушка всплеснула руками. — Я же сюрприз тебе хотела сделать на нашу годовщину! — Вскочила и упорхнула в комнату. Послышалась возня, скрип дверных петель на большом платяном шкафу, и уже через секунду перед Прохоровым на столе оказались две небольших коробочки.

— Ты уже надевала нейрофон? — воздуха вдруг перестало хватать, мир поплыл, покрылся рябью, в ушах забухало тревожным набатом безысходности.

— Нет, конечно, глупенький, — Алина с сомнением посмотрела на вдруг побледневшего мужчину. — Вот же они, оба. Один тебе, другой мне.

— Аля, — Прохоров протянул руки и, взяв в ладони кисти девушки, внимательно посмотрел ей в глаза. — Ты мне веришь?

— Что происходит, Илья? Я тебя не узнаю.

В приоткрытую форточку ворвался визг автомобильных тормозов. Прохоров метнулся к окну, нахмурился. Единственный въезд во двор перегородил огромный коричневый паркетник, из которого выскакивали бойцы. Операцией, похоже, руководил Карпов. Он размахивал руками, что-то кричал, и солдаты нового порядка, не особо пряча автоматы, выстроились цепью, не давая даже малейшего шанса на побег.

— Илья, ты шпион?

— Нет.

— Ты преступник и что-то украл?

— Да нет же.

— Так что же происходит? — Алина подошла к окну и, увидев во дворе людей с автоматами, побледнела. Тонкие девичьи пальцы мертвой хваткой вцепились в предплечье Прохорова.

— Надо уходить, Алина, — тихо произнес Илья. — Собирай вещи, самый минимум, деньги и документы. О картах забудь, если будет шанс, мы все обналичим.

— Кто эти люди, Илья? Что им надо?

— Не что, а кого. Они хотят, чтобы я играл на их стороне, но меня социалка не устраивает, да и дантист у них из рук вон плохой.

— Илья!

— Алина, живо. Это не страйкболисты, тут гранатой с горохом не обойдешься.

Карпов поднял голову и дружелюбно помахал парочке.

— Майор, — прокричал он. — Ну, ты, наверное, уже подумал? Что ты решил? Ты мне скажи, а то ребята волнуются.

— Я подумал и решил предложить тебе поцеловать мою задницу, — предложил Илья и тут же рухнул на пол, увлекая за собой подругу. Пули ложились ровно, похоже, кто-то из трешеров засел на крыше напротив и сейчас методично расстреливал окно. Очередь была предупредительной. Хотели бы сразу убрать, посадили снайпера. Трешеры хотели испугать, заставить сотрудничать, и места лучше, чем квартира любимой женщины, они просто не могли найти.

Если бы нападение происходило на одного Прохорова, то он бы выбрал тактику «сожжения мостов». Он был лучше подготовлен физически, имел навыки ведения боя в городских условиях и совершенно не испытывал сантиментов к врагу. Имея же на руках гражданского, особенно не повоюешь, тут только отступать, уходить из зоны огня, прятаться, пользуясь малейшими неровностями рельефа.

Собрать вещи получилось на удивление быстро. Отдельным плюсом оказалось еще и то, что все они уместились в небольшой черный рюкзак. Алина удивила своей педантичностью и спокойствием в данной ситуации. Как только обстрел прекратился, она вполне профессионально, сказывалась любовь к страйкболу и прочим подвижным военизированными играм, добралась до комнаты и под прикрытием старого платяного шкафа пере-

оделась. Очень скоро легкий домашний халат сменили джинсы, плотная майка и куртка цвета хаки, а на ногах вместо тапочек оказались удобные мягкие кроссовки. Волосы девушка убрала под кепку и сейчас выглядела не обольстительной красоткой, какой ее представлял себе Илья, а эдаким сорванцом из старших классов.

Можно было пойти в двух направлениях. Первый из них, если бы не очевидное присутствие противника, желавшего нашпиговать непокорного майора свинцом, с самого начала показался более разумным. Стоило позвонить Разумовскому и попросить помощи, и он бы, со своей бандой сорвиголов, устроил бы трешерам ад на земле. Однако были у этого плана и минусы. По идее группа Разума сейчас находилась на краю географии с целью эвакуировать дочку и бывшую жену Сергея, и потому отряд мог просто не успеть на выручку. Надеяться же, что у Координатора появится еще одна боевая единица, которую можно без труда задействовать в городе, было крайне наивно.

Другим вариантом развития событий являлось стратегическое отступление, единственный, пожалуй, вариант, у которого были хоть какие-то шансы.

— Сколько выходов из подъезда? — поинтересовался Прохоров у Алины. Прильнув ухом к двери, он попытался вслушаться, на лестничной площадке сохранялась тишина. Ни голосов, ни шарканья ног, ни бряцанья амуниции. Какими бы ловкими ни были трешеры, они обязаны были производить шум.

— Три, — вдруг выдала девушка, чем крайне удивила Илью.

— Это как же?

— А вот так. Через двери на улицу — первый. Он, думаю, нам не подойдет. Второй вариант: через чердак. На лестничной клетке последнего этажа есть лестница и люк. Он, как правило, не заперт. Подростки постоянно туда залезают, сбивая замок. Управдом уже умаялся их менять, но что-то там, на верхотуре, притягивает молодежь.

— А третий?

Алина на секунду замаялась. Видно было, что этот способ отступления ее не особо устраивает.

— На первом этаже, за кладовкой с дворничьим инструментом, под лестницей, есть технический люк в подвал. Далее в городскую канализацию. Но, Илюша, крысы там. Ты же знаешь, как я боюсь грызунов.

— Будем бороться с фобиями, Алина, — уверенно кивнул Прохоров. — Выходить через парадную дверь можно только с поднятыми руками, а это в наши планы, надеюсь, не входит. Лезть через крышу — риск нарваться на шальную пулю того хлопчика, что тебе окно поправил. Остается подвал. И поторопимся, а то эти пентюхи вскоре опомнятся и начнут штурм.

— А что же они раньше не начали?

— Отставить разговорчики.

Илья отпер дверь и вновь с напряжением прислушался. Тишина. Осторожно ступая по ступенькам, он первый начал спуск, в любой момент го-

товый открыть огонь. Табельный ствол, который он держал в правой руке, уверенно рыскал по площадке. Шаг за шагом, этаж за этажом, вот и первый. Благо, основная дверь глухая, без старомодных стеклянных вставок, добротная, с домофоном. Потом вторая, уже простенькая, деревянная, отделявшая тамбур. Тут же лежали коврики, об которые жильцы вытирали ноги в непогоду, и висел стройный ряд почтовых ящиков. Трешеры медлили. Преграды эти не могли им помешать, однако Карпов все еще затягивал со штурмом. Видимо, хваленая связь мусорщиков все-таки дала сбой.

Техническое помещение под лестницей оказалось элементарной будкой, сколоченной из досок, зато за ней скрывался люк с притертым кольцом. Потянув за него, Илья улыбнулся, люк поддался легко и открыл проход, метра полтора в ширину, куда мог без труда проникнуть взрослый человек. Луч фонарика уперся в сухую ровную поверхность подвала, тут же нашлись и скобы, вделанные в бетон, по которым можно было без труда спуститься вниз.

— Я первый, — произнес Илья. — Заодно и крыс проверю, но, кажется мне, что это не основная наша забота.

Телефон все продолжал и продолжал звонить, и ни у одного из трех мужчин, собравшихся в серверной, не было никакого желания поднимать трубку. Сдался Платонов.

— Подниму, — тихо произнес он. — В конце концов, это мой кабинет.

Подойдя к аппарату, он поднял трубку. Резкий командный голос ворвался в помещение, будто ураган в крохотную комнату.

— Платонов, твою мать, ты что трубку не берешь по спецсвязи?

— Извините, товарищ генерал. В серверной был, тут шумно. Не сразу услышал.

Напор на том конце провода на секунду пропал.

— Ты уже заблокировал учетные записи спецотдела?

— Конечно, товарищ генерал.

— А мне говорят, что Зельдин в здании. Почему я не знаю?

— Товарищ генерал, — опешил админ. — Я же не служба безопасности. У Зельдина есть свой электронный ключ, но электронные замки он сегодня не пытался вскрыть. Я-то откуда могу знать, что он пришел?

— Не темни, Платонов, — голос нарастал подобно грому. — Я же по камерам слежу. Он в твоём направлении шел. Начмед наш тоже.

— Товарищ генерал, что происходит? — устало поинтересовался Платонов.

— Не твое дело, — рыкнула трубка. — Я к тебе сейчас людей пришлю, снабдишь их нейрофонами из госпоставки. И чтобы быстро и без проводов. Увидишь Зельдина или Прохорова, ну или позвонят они тебе, сразу дай знать. Отбой.

Динамик старенького проводного аппарата подарил несколько тоскливых гудков, после чего админ спешно повесил трубку.

— Господа, тикать вам надо.

Полковник и Игорь переглянулись.

— А ты?

— У меня еще алгоритм считается. Мне в среднем час позывных нужен, чтобы запеленговать Феникс или последнее местоположение маяка. Да вы не парьтесь, парни. Все со мной будет ровно. Генерал может хоть сколько воздух сотрясать. На мой кабинет ни одной камеры не нацелено, а их я лично устанавливал и знаю все углы обзора. Я вам быстренько карту сейчас набросаю, пройдете как ниндзя и напрямиком до служебного гаража.

Схватив со стола блокнот и грифельный карандаш, Платонов принялся чертить, и уже через несколько секунд в руках у лейтенанта оказался уникальный документ, позволяющий любому диверсанту, совершенно не привлекая внимания безопасности, разгуливать по этажам ведомства.

— Строго так идите, — вымолвил на прощание админ. — Потом сожгите этот листик, а то штука опасная. Я с вами свяжусь, как только данные по Фениксу получу.

Уходить нужно было быстро. Уже слышался топот ног, заполняющий коридор. Еще чуть-чуть — и бегство станет попросту невозможным, и мужчины бросились прочь. Коридор, лестница, лифт, черный ход с курильщиками, со всеми надо поздороваться и пожать руки, чтобы не привлечь внима-

ние. Узкий переход между зданиями, снова лестничная клетка, жуткая пляска, вихляния, дерганья, адреналин, бушующий в крови. Зельдин понимал, что играть с собственным ведомством едва ли не опаснее, чем с теми же трешерами, и потому, как мог, торопился. За ним поспевал полковник, показывая чудеса акробатики. Несколько раз понадобилось даже перепрыгивать через перила, и когда подвальный этаж, предназначенный для хранения служебного автотранспорта, наконец появился перед глазами, мужчины уже успели запыхаться.

Рюхин вышел сразу за Зельдиным, закрыл дверь и прислонился к бетонной стене, глотая ртом воздух.

— И что теперь?

— Да, чет не подумал, — Игорь с сомнением оглянулся. На парковке скучали с десятков автомобилей с ведомственными номерами, и ни одного частного. Невиданное дело, если учесть, что большинство парковок в этом районе платные. Выбраться из гаража было очень не просто, по крайней мере для нештатного выезда. Нужен был путевой лист и команда с центрального пульта, прежде чем охрана гаража поднимет шлагбаум, откроет автоматически ворота и опустит шипы.

— Так, есть идея, — Рюхин вытащил мобильник и, набрав кого-то, быстро произнес: — Ты мне батл вискаря должен, помнишь?

В трубке, похоже, согласились.

— Тогда услуга за услугу. Мне служебное авто на выходные надо, позарез. Да, «каjeta скорой

помощи». Надо будет одного хорошего человека в час пик в аэропорт отвезти. Ой, да ладно, да давай без нотаций. Сам же курсантов к себе на дачу гонял, чтобы забор ставили. Хорошо. Выпиши срочный выезд на меня. Прямо сейчас. Зельдина впиши, только аккуратно. Генерал на него взъелся непонятно за что. И про все молчок. Скажешь, что я приходил, сам документы оформлял.

В дальнем конце гаража и правда стоял микроавтобус с красным крестом, однако выезжал он из гаража не так часто, как другие автомобили. Иногда, посверкивая проблесковыми маячками, автомобиль выбирался с подземной парковки, ждал, когда в него погрузятся люди в белых халатах, и уносился куда-то по проспекту, разрывая ночную тишину и распугивая редких автолюбителей воем сирены. Однако классической «каретой скорой помощи» машина явно не была, и опытный взгляд цеплялся за толстые бронированные стекла, низкую посадку и широкие покрышки с грязезацепами.

— Поедем на нашем смерть-мобиле, — полковник весело подмигнул и показал большой палец.

— Смерть-мобиле? — удивился Игорь.

— Молодо-зелено, — Рюхин направился к машине, открыл дверь, опустил солнцезащитный козырек, и ключи от авто упали в его ладонь. — Или ты реально считаешь, что мы по медицинским вызовам гоняем? Нет, конечно, иногда случается отвезти кого в аэропорт. Я, вот, лет пять назад свою бывшую тещу так сплавлял в Пензу, на историческую родину.

«Карета скорой помощи» в действительности оказалась хорошо оборудованным бронеавтомобилем, с комплексом прослушки, сейфом с неплохим арсеналом. Погрузившись внутрь, полковник помедлил немного, дождавшись, пока Игорь усядется на пассажирское сиденье и пристегнется, завел мотор и сдвинул комплекс с места. Машина уверенно покатила, шурша колесами по бетону, сделала крутой вираж и остановилась около ворот в ожидании.

— Если сейчас все сработает нормально, то мы выберемся без труда, — поделился Рюхин, нервно сжимая руками рулевое колесо.

— А если нет? — нервно поинтересовался Зельдин, настороженно поглядывая на глазок камеры, уставившейся прямо в лобовое стекло.

— Накроют нас, как крольчат.

Однако то ли фортуна сегодня была на стороне этой парочки, то ли тяжелая и неповоротливая машина ведомства еще не прошла полный круг, но преграда дрогнула, поползли вниз шипы, исчезая в бетоне, и, махнув на выезде дежурной вахте, полковник уже через минуту уводил автомобиль прочь от мрачного серого здания в четыре этажа.

Спрыгнув вниз, Прохоров огляделся. Луч фонаря запрыгал по стенам, полу и низкому, нависшему над головой потолку. Ничего особенного, чистый сухой подвал, какое-то оборудование в шкафу да стояк, покрашенный в ярко-красный свет. Все чисто, аккуратно и, на удивление, без непрошенных

гостей вроде бомжей, крыс или бездомных кошек. Вслед за ним спустилась и Алина, аккуратно прикрыв за собой люк, и вовремя. В подъезде началось движение, застучали каблуки по лестничному пролету.

— Теперь куда?

Девушка указала рукой в дальний угол.

— Туда, там люк городской канализации. Зачем он там, ума не приложу, но нам он очень пригодится.

Все выходило очень гладко и хорошо, и от этого нервное напряжение не спадало. Готовый в любой момент выхватить пистолет, майор шел вперед, низко пригибаясь и стараясь не зацепиться макушкой за развешенные в шахматном порядке редкие светильники. Люк оказался ровно в том месте, где и указала Алина. Тяжелый, круглый, без ручек, чтобы его подцепить, пришлось пожертвовать ножом. Прохоров поддел люк, с тяжелым чувством услышав, что лезвие сломалось, однако это был тот шаг, на который пришлось пойти ради собственной же безопасности. Появившаяся щель позволила засунуть в нее валявшийся рядом кусок арматуры, и вскоре перед парой открылся вход в подземное царство городской канализации.

Запах, ударивший в ноздри, был не из приятных. Миазмы, гнилая вода, весь необходимый букет андеграунда присутствовал, и снова Илья был первый. Проскользнув в шахту, он на миг повис на руках, силясь нащупать дно, но то ли сама шахта была глубокая, то ли под ногами имелась еще ка-

кая-то яма, но почвы носками ботинок нащупать так и не удалось. Разумно предположив, что расстояние до дна не такое уж и большое, Илья разжал пальцы и, не рассчитав, приземлился в зловонную лужу.

— Ну что там?

Луч фонаря резанул по глазам, и, если бы не вся нелепость ситуации, голос Алины сверху мог показаться каким-то насмешливым.

Илья включил свой фонарь и провел им по тоннелю.

— Все ровно, спускайся.

Девушка рухнула рядом так внезапно, что Прохоров даже не подумал ее ловить.

— Ты чего, как снег среди июля?

— Я такая внезапная, — Алина с сожалением посмотрела на испорченные брюки. — Слушай, Прохоров, а что реально происходит? Я, конечно, почти жена декабриста, но все должно иметь пределы.

— Куда нам?

— Туда, — девушка указала направо.

— Куда выходит туннель?

— В парк. Там безопасно. Слушай, Прохоров, ты бы хоть спросил, откуда твоя любимая женщина знает столько интимных подробностей подземки?

— Так тебя спрашивать надо или отвечать?

— Сначала ответы.

— Землю захватили пришельцы.

— А луна сделана из сыра.

— Может быть, ты не ерничай, слушай.

Когда парочка достигла нужной шахты, Алина была полна скепсиса и иронии.

— Прохоров, — заявила она, когда пара уже поднялась на поверхность и устроилась на привал на лавочке, в дальнем конце парка. — Я, конечно, что-то подозревала. Взять хотя бы мою соседку, Куликову, что с третьего этажа. Она такая стерва неуравновешенная, что сразу понятно, внутри сидит зеленый человечек. Ну не может житель этой планеты себя так вести. Хотела ее как-то шокером долбануть, сдержалась. Илья, а как на твоих пришельцев шокер действует?

— Никак. Видишь парочку, — Илья указал в сторону дорожки, по которой неспешно прогуливались двое. Молодая девушка толкала перед собой коляску, в которой, очевидно, мирно посапывал малыш. Рядом шел мужчина в легком летнем костюме, ведя на поводке крохотную мохнатую собачку. Зверек семенил, тянул и рвался куда-то в кусты.

— Ну, вижу, — согласно кивнула Алина.

— А вот устройство, — Илья достал из кармана трофейный мобильник, отметив про себя, что его пора бы уже поставить на зарядку, и навел на проходивших мимо людей. У мамочки ничего интересного не оказалось, а вот в голове мужчины опасно сверкнула точка.

— Мама дорогая. Это что за «покемон го»?

Алина отобрала телефон и некоторое время с упорством рыбака, ждущего приличного поклевки, провожала прогуливающихся по аллеям отды-

хающих, а под конец и вовсе навела камеру мобильного на Прохорова.

— Это, Алина, единственный способ увидеть врага в лицо. Нейрофон — что-то вроде командного модуля с кофеваркой и пропеллером. Ты пользуешься его благами, наслаждаешься прохладой и ароматными напитками, но в какой-то момент поступит приказ, и ты, как Раскольников, набросишься с топором на милую старушку. Но не это самое страшное. Сделав это, ты, скорее всего, не станешь терзаться муками совести, а может, и вообще забудешь обо всем происходящем.

— Как-то странно все это, — девушка смешно наморщила нос. — И неправдоподобно. Это же такое хитрое устройство, которое в мозг лезет. Неужели ни у кого не вызвало отвращения подобное использование?

— Хочу тебе напомнить, — Прохоров хитро улыбнулся, — что ты сама купила два нейрофона. Для меня и для себя.

— Точно, — щеки Алины вспыхнули румянцем. — Как-то самой в голову не пришло. Я же как зомби буквально была. Реклама со всех сторон. По телевизору, радио, полно листовок в почтовом ящике, электронка вообще тонет в спаме. Все рады, довольны, как дурак, нашедший конфету. Передачи с экспертами рекомендуют нейрофон от всего, начиная недержанием и заканчивая параличом.

— Это еще цветочки, — Илья печально вздохнул. — Ты бы видела ролики одного американского инженера. Они там кроля вскрывали. Нейрофон

там таких дел натворил, что хоть в фильм ужасов. Привыкание почти мгновенное, если ты здоровый человек. В исключительных случаях с теми же трешерами, когда они костяк своей боевой организации, видимо, делали, так и с поврежденным позвоночником с кровати поднимали. В остальном, если ты болен, притом неизлечимо, и не имеешь полезных хватчику навыков и умений, то и не интересен особо. Зачем тратить ресурс на раба-калеку, если можно получить сильного, хорошо тренированного бойца.

— Вроде тебя?

— Вроде меня.

— Так что, они тебя вербовать пытались?

— Ага. Сам в шоке, как я стал таким популярным.

— А их не смущает, что их нынешние хозяева превращают планету в помойку?

— Ни капельки.

Дернулся запасной телефон. Завибрировал мелко и настойчиво, разразившись неприятным перезвоном. Илья достал аппарат из кармана.

— Это Зельдин. Отвечу.

В трубке слышалось радостное сопение.

— Здравия желаю, товарищ майор. Мы на броневике, с хабаром и запасом патронов. Вас где подхватить?

— Вы, это кто? — насторожился Илья.

— Мы, это я и полковник Рюхин. Машина, кстати, его.

— Часом не смерть-мобиль?

— Верно, а вы как догадались?

— Да и догадываться тут не надо. Только Рюхи-ну в пору острого кризиса ведомства пришла бы в голову идея позаимствовать у него материальные ценности на пару десятков миллионов. Узнаю старика. Записывай адрес.

Новый звонок принес неописуемое облегчение. Разумовский довольно сообщил Сергею, что дело сделано и теперь его бывшая жена и дочка с комфортом следуют в специально подготовленное для вновь прибывших рекрутов убежище.

— Ты не волнуйся, парень, — довольно сообщил Разум в трубку. — У нас там замечательные условия, курорт почти. Школы, по выходным шашлыки, рыбалка даже есть для особо притязательных, но главное, что ни одна крыса не проникнет. На вид это элитный поселок нуворишей с максимальной степенью охраны. Все документы в порядке, земля в собственности, договоров и сертификатов, которыми можно в морду любому ведомству потыкать, вагон и маленькая тележка.

— Погоди, — Аллилуев тревожно взглянул в сторону офиса. — Тут еще гости пожаловали.

На крохотную парковку перед зданием заехала грузовая Газель с брезентовым тентом, припарковалась почти перед дверьми, начисто закрывая обзор, и вышедший из нее водитель в рабочем фирменном комбинезоне, с эмблемой перевозчика на спине, не особо церемонясь, исчез за дверь.

— Это какие гости? — усомнился Разумовский.

— Да к тем, что в офисе сидели. Сначала внутри кто-то был, сейчас грузовичок подогнали.

— Много там грузить?

— Да полчаса точно. Мы с Ильей часа два коробки таскали. Эти, уверен, быстрее управятся.

— Я на подлете. Сиди на месте и ничего не предпринимай, — сухо бросил Разумовский, и связь прервалась.

Разум не подвел. Через пять минут позади скамейки по подъездной дорожке подкатил чоппер, распутивая рыком двигателя мирно пасущихся на траве голубей. За рулем его, в кожаной куртке, закрыв глаза солнцезащитными очками, в черной бандане на голове, восседал Разумовский собственной персоной.

— Ты бы еще салют устроил по прибытии, — опешил Аллилуев, с удивлением обзоревая байкерский облик своего нового знакомого. — Кстати, где кавалерия?

— Кавалерия задействована на другом фронте, — отмахнулся Разумовский, глуша мотор и ставя мотоцикл на подножку. — А чтобы разобраться с этими супчиками, и одного меня достаточно. Ну, давай, показывай, кто тут тебя обижал.

Аллилуев махнул рукой в сторону офиса, где уже полным ходом шла работа по погрузке документов.

— Жадные, — Разум оскалился, снял очки и аккуратно убрал их в седельную сумку. — Сейчас разомнемся. Пошли.

— И что мы им скажем?

— Слушай, Аллилуев. Тебя, видимо, как трешеры по голове ударили, так ты совсем соображалки лишился. Ты же арендатор помещения, частный предприниматель, все, что они несут, есть твоя собственность. Сейчас придем и поинтересуемся, с какого перепугу такой переезд. Ферштейн?

— Так ты же байкер?

— И что, байкер не человек? Среди них много людей талантливых, а то, что у людей к такому антуражу есть опасение, так это грязная машина пропаганды и сериал про Ангелов Ада. Че и то был байкером! Ты почитай Дневник Мотоциклиста. Охранник я твой. Ты говоришь, я смотрю. Будут дергаться, надаю им по шее, аккуратно и без синяков. Лишний шум нам тоже не нужен.

От машины уже заметили странную парочку, неспешно приближающуюся к офису, и погрузочные работы застыли, но только на секунду. Трешеры вели себя совершенно обыденно. Именно парочка Аллилуев — Разумовский вызывала у прохожих больше любопытства.

— Эй, парни, — Аллилуев замахал рукой. — А вы что такое делаете?

Парочка, выносившая тяжелые коробки с документами, наконец, замедлила свой шаг, удостоил внимания и водитель, шагнувший к порогу за новым грузом. В дверном проеме образовался затор еще из двух страждущих помочь с переездом.

— Не твое дело, — обронил коротко стриженный брюнет в джинсовом костюме. На ногах парня

были легкие фирменные кроссовки, оружия вроде замечено не было, но чем черт не шутит.

— Очень даже мое, — включился в роль Сергей. — Это мой офис и мои документы. Коробки, в которых вы их таскаете, тоже мои. Я их приготовил, чтобы на дачу везти. Вы что, совсем рехнулись? Покажите документы, или я вызову полицию.

Трешеры с сомнением взглянули на крепкую плечистую фигуру Разумовского, по сравнению с которым спортивный и хорошо развитый Аллилуев сейчас смотрелся, будто юнец рядом с тяжелоатлетом.

— Ладно, парни, не кипешитесь, — водитель полез в кабину и вытащил оттуда толстую кожаную папку, открыв ее, протянул Аллилуеву документ в полиэтиленовом файле. — Мы представители конторы по взысканию долгов, действуем на основании решения суда. Ваша компания задолжала поставщикам, и мы конфискуем ваше имущество. Счета ваши заблокированы, так что извольте ознакомиться.

— Какие поставщики? — Аллилуев ошалело вертел в руках вполне себе серьезный документ с печатями. — Мы охранный агентствo, мы ничего...

— Гражданочка, отойдите. А то, не ровен час, зашибет...

— Работаем.

По команде Разумовского произошел какой-то чудодейственный балет. Девушка в деловом костюме и с портфелем, проходившая рядом, вдруг

стремительно развернулась и одним молниеносным движением послала водителя в нокаут. Давешний парнишка на роликах, перескочив через поребрик, так припечатал одного из солдат мусорщиков по шее алюминиевой битой, что тот осел на землю как мешок картошки. Разумовский тоже без дела не стоял, пока вражеское подразделение охреневало от творившегося беспредела, он при помощи кастета вывел из строя остальных участников происшествия, одного за другим, хорошо поставленными сильными ударами.

— Ну, вот и разобрались, — покачал головой байкер-меченосец и, сняв с пальцев кастет, нежно, почти с любовью, завернул его в носовой платок и спрятал в нагрудный карман куртки. Сейчас занесем этих субчиков в помещение, пусть отдыхают. Ты, Тимоха, — это уже к мальчишке на роликах, — отгонишь машину на нашу перехватывающую парковку. Все что в кузове, пусть грузят и вывозят на базу. Машину потом бросишь на обочине с ключами, и не забудь провода зажигания там порезать или стекло выбить. Мол, хулиганы побаловались да оставили.

Телефон в кармане Сергея снова запрыгал.

— Прохоров, ты?

— А кого ты еще ожидал? У тебя все ровно?

— Да. Ровнее не бывает.

— Разум с тобой? Его телефон что-то вне зоны?

— Да, вот тут, рядом стоит.

— Передай, что мы знаем, где «Феникс».

«Карета скорой помощи» стояла в трех кварталах от бывшего офиса Аллилуева, а рядом с ней расположилась весьма пестрая и многочисленная компания. Широкоплечий байкер грозно двигал челюстью, крепкий мужчина в годах, что выдавали морщинки около глаз и седина на висках, девушка в куртке цвета хаки, человек в костюме двойке, еще один, моложе, тоже спортивный и подтянутый, был одет в джинсы и ветровку, парень в свободной светлой рубашке и летних штанах с большими карманами и немного сутулый мрачный тип в жилетке и майке с принтом.

— Я вообще чудом из здания ушел, — горячо объяснял Платонов, жестикулируя правой рукой. Левой он прижимал к груди планшет. Эта парочка когда смерть-мобиль утнала, генерал буквально с катушек съехал, рвал и метал буквально. Если бы мог огненные шары метать, так непременно этим бы занялся. Все вы, ну, кроме Алины и здоровяка, да вашего покорного слуги, с минуты на минуту будете объявлены в розыск, так что я бы порекомендовал срочно отращивать бороды и перекрашивать шевелюры.

— Что ты узнал по Фениксу? — нетерпеливо спросил Разумовский.

— Его местоположение. — Админ засиял как медный таз, и тут же на его лице отобразилось некое замешательство. — Но вот что странно. Датчик вышел на связь, показал широту и долготу, а заодно выдал высоту. Триста семьдесят метров над уровнем моря.

— Может, его на вертолете везут? — предположил Прохоров.

— Исключено, — отмахнулся Платонов. — Датчик не двигается в пространстве. Он даже не подвешен, иначе я бы немного размытые данные получил. На такой высоте, если что-то на тросе держать, то его мотылять начнет как маятник, а тут четкие данные, с точностью до сотой.

— А давайте посмотрим карту, — предложил полковник, и все с интересом склонились над планшетом Платонова, на экране которого уже были выведены координаты.

Одного взгляда на результат для Разумовского вполне хватило.

— Небоскреб, ребята. Нормальная тема для мусорщиков. Там стройка, Лахта-центр. Его сначала хотели ближе к центру строить, но губернатор не дал. Теперь вот стоит эта кукуруза, глаз радует.

— А почему именно небоскреб? — поинтересовался Зельдин.

— Да пес его знает, — Разумовский только плечами повел. — Что-то у них с эвакуацией в собственный мир связано. Они же не на кораблях прилетели. Мы бы подобное давно уже обнаружили, однако мужики, что прижимали тварей, рассказывали, что наш мир для них вроде офиса. Открывают портал да заходят, как на работу, а потом таким же способом сваливают. Если рядом возвышенности нет, то и мусорщика ты вряд ли обнаружишь.

— Так что будем делать? — спросил Илья. Прохоров рвался в бой, желая получить реванш за собственный промах.

— Надо с координатором посоветоваться. — Разумовский потянулся к телефону, чтобы набрать руководство.

— Я бы поторопился, — разумно предложил админ. — Если метка вышла на связь, значит, она смогла на нее выйти, а ранее не получалось. Я почти три часа эфир парсил через спутник. Если Феникс достали, то для чего-то он мусорщикам понадобился.

Пока меченосец разговаривал с начальством, все остальные бурно решали, что же предпринимать дальше.

— Я поеду брать Феникс, — рубанул Прохоров ладонью воздух. — Как идиот, вручил ключ от безопасности человечества этим тварям, так что очень надо начистить им их инопланетное рыло нашим земным кулаком.

— Согласен, товарищ майор, — поддержал командира Игорь. — И я с вами. Теперь уж я не растеряюсь, когда берсеркера увижу, у которого ото лба пули отскакивают. Возьму что потяжелей да помассивней. Чтобы наверняка. Гранатомет внутри автомобиля уже забронировал.

— А я даже не знаю. — Рюхин развел руками. — Я, конечно, за то, чтобы надавать захватчику по задку, однако не очень уверен в своей боевой подготовке. Впрочем, как врач я вполне сгожусь.

— И я поеду, — вставила свои пять копеек Али-на. — Сложив руки я сидеть не буду. Эти твари мне дорогушие стеклопакеты испортили. Я просто требую сатисфакции.

— В машине есть радиокомплекс, — улыбнулся Платонов. — Я ваши уши и глаза, если что. Будет нездоровая активность или шум на ведомственных волнах, сразу сообщу.

— Я вижу, вы уже договорились. — Подошедший Разумовский был мрачен. — На юге огневой контакт с трешерами. Два взвода меченосцев выдвинулись на рубеж, так что мы сами по себе. Координатор пообещал прислать помощь, как только разрулим. Но я лично склоняюсь к тому, чтобы брать инопланетных морд тепленькими. Они же не ожидают, что мы, такие красивые, на «карете скорой помощи» к ним приедем.

Последний инструктаж показался Прохорову долгим и нудным.

— Вперед не лезть, действовать строго в группе. Мусорщики сильны, но ровно до того момента, пока не начинает серьезно припекать, — объяснял Разумовский. — Основной бой будет с трешерами, а их в этом здании, думаю, более чем достаточно. Особенный упор я бы сделал на идейных, их бы стрелять как бешенных собак, но как же их определить без софта?

— А вот с этим совсем просто. — Копавшийся в залежах смерть-мобиля Платонов выбрался

вдруг из кузова и потряс связкой очков. — Новейшая разработка, я вам скажу, очки тактические, умные, для спецподразделений. На них идет вся информация из командного пункта, я как раз все метки девайсов на нашу станцию нацелил. Вот, разбирайте. Мобильник я на дрон установлю, он тоже в комплекте имеется. Тактические очки предназначены для того, чтобы снимать информацию о местности и получать данные о дислокации противника и собственных мобильных подразделений. Я если вы мне дадите телефон, я быстренько перепаяю камеру, подключу ее к оптике дрона и запущу. Все, кто попадет в поле видимости, будут расшифрованы и помечены красной сеткой.

— То есть, только те, что в зоне видимости? — поинтересовался майор. — А тех, что на лестничных пролетах либо под столами прячутся, мы не расшифруем?

— Прохоров, — почти обиделся админ. — Ты совсем оборзел? Я тебе на коленке, в полевых антисанитарных условиях леплю палочку-выручалочку, а ты на ее очевидные косяки пеняешь. Дал бы мне мобилу раньше, я бы, может, и с софтом разобрался.

— Извини, — примирительно улыбнулся Илья, ты прав. — В бою особо телефоном не намашешься. Кстати, Разум, что это за софтина?

— Та, что трешеров от обычных людей отличает да мусорщиков в реальном виде показывает? — Меченосец поскреб стриженный затылок. — Ты бы

лучше у координатора спросил. Непонятка с ним. Вроде наша разработка, а может, и со стороны прилетела. Я только в бою силен, а вот в программном коде, извините, ребята, особо не шарю. Но мы отвлеклись. Основной контакт будет с трешерами, однако и мусорщика можно повстречать. Они на рожон не лезут, но, как крысы, в угол загнанные, могут серьезно тебе фотопортрет попортить.

В драке с ними нужно учитывать несколько моментов. Ну, во-первых, если у тебя только легкая артиллерия, то беги и прячься, и нехрен патроны расходовать. С ножом против мусорщика тоже идти бессмысленно, какой бы остроты и размера он ни был. Я лично видел, как вполне нормальный самурайский клинок об его голову сломали. Жалко было оружие, до колик в животе. Класть тварей нужно из подствольников, гранатами, и калибром не меньше семь шестьдесят два, и тут надо постараться, все усилия приложить и задействовать собравшийся коллектив.

Теперь о способах ведения боя. Мусорщик больше, чем кажется, достать тебя может на расстоянии пары метров, потому ни при каких обстоятельствах к тварям не приближаться, если вдруг от них пули отскакивать начнут. Поскольку наш враг большой, то узкие проходы и колодцы для него противопоказаны. Если ты решишь уйти от такого через вентиляционную шахту, то он за тобой по причине своих немалых габаритов просто не сможет погнаться.

— Слушай, Разум, а ты хоть раз видел мусорщика живьем, а не через приложуху? — спросил Прохоров.

— Видел разок. — Меченосец сморщился. — Сбрасывают они свою личину в двух случаях. Когда им плевать, видит ли их кто или нет, и когда совсем припекло. Так что, парни, устроив ад чужим, не падайте в обморок от их богомерзкого вида. Зрелище еще то. Как они добиваются такой маскировки, никто еще понять не смог, как поймем, найдем средство убирать маску по щелчку пальца. Так что клювом не щелкаем, стреляем, но думаем и запоминаем. Чем больше подробностей в ходе операции, тем легче остальным будет. И основное, без геройства, друзья. Нам нужно просто прийти, забрать Феникс, по возможности пожить мусорным добром и уйти без потерь. Героическую смерть на острие пики мусорщика, поверьте, никто не оценит.

Проливной дождь молотил по лобовому стеклу, и дворники, судорожно работая на пределе своих возможностей, еле справлялись. За рулем «скорой помощи», а по факту броневика командного центра и передвижного арсенала, сидел Рюхин. До места решили ехать по навигатору. Все собравшиеся плохо ориентировались в этом районе, и даже Аллилуйев, у которого в этом направлении была дача, признался, что никогда особо не заморачивался подъездами к стройке небоскреба. Черные грозовые тучи закрыли небосклон, превращая

день в ночь, волны накрывавшие автомобиль, когда мимо проносился тяжело груженный транспорт, заставляли особо не газовать, так что, когда недостроенный небоскреб начал приближаться, прошел без малого час.

Когда команда добралась до нужной улицы, дождь немного утих, но ливневые стоки уже не справлялись с напором стихии, и автомобилисты вынуждены были медленно ползти по разливам на проезжей части. При подъезде пришлось много кружить. Перемахнув через Первый Лахтинский Мост, Рюхин сделал приличный круг по проспекту, и в итоге пришлось подъезжать чуть ли не с области. Кафе, несколько заправок, мойка автомобилей, в такую погоду не пользовавшаяся популярностью, да унылые скелеты подъемных кранов — вот, пожалуй, и весь антураж.

Полковник остановил автомобиль около бетонных блоков и вопросительно взглянул на Платонова.

— Точно это место?

— Железобетонно, — заверил админ, на всякий случай сверившись с планшетом.

— Значит, работаем по утвержденному плану, — включился Прохоров, который незаметно для всех вдруг стал командовать операцией. — Алина остается в кафе, сидит и смотрит по сторонам. Если вдруг заметит шевеление, появление автомобилей со спецсигналами или просто скопление странных субъектов, сразу сигнализирует. Ты поняла?

— Все яснее ясного, — Алина согласно кивнула.

— Рюхин и Аллилуев подкатывают к воротам с включенным проблесковым маячком и компостят мозг местной охране тем, что получили вызов со стройки. Нам лишние терки ни к чему, и потому чем бесшумней мы попадем внутрь, тем лучше. В то время, когда вы разыгрываете обеспокоенных медиков, я, Разум и Игорь пробираемся через забор и валим в здание, используя для прикрытия все, что не приколочено. Наша задача — попасть в строящееся здание, не возбудив подозрений и не вызвав тревогу. Не забывайте, что на объекте будут присутствовать гражданские, строители и сотрудники организации подрядчика. Вступаем в огневой контакт, только если другого выхода нет.

Основная задача — это забрать Феникс и, по возможности, документы и технику трешеров, в общем, все, что связано с мусорщиками и их грязными делишками. Задача надавать по заду нехорошим агрессорам второстепенна и потому обязательной не является.

План сработал. Выгрузив пассажиров, Рюхин вручил Аллилуеву белый халат, сам оставшись за рулем в качестве водителя. Пистолет он положил на полку рядом с кожухом рулевого колеса, чтобы, если придется, можно было воспользоваться оружием без особых проблем, и, включив проблесковые маячки, покатиł прямо к шлагбауму.

Прохоров достиг забора быстро и, прижавшись к нему, вслушивался в барабанную дробь дождя

по жестяным крышам бытовок за забором. Рядом с КПП началось шевеление, слышались возбужденные голоса. Громче всех орал полковник, включив напористого водителя. К нему в тон работал и Аллилуев, увлекшись своей ролью эскулапа.

— Да вы совсем рехнулись! — доносилось от машины. — У нас вызов на этот адрес, человек кровью истекает! Может, позвоночник поврежден или еще что. Какой к ляду пропуск? Если вы немедленно не запустите автомобиль и не проводите нас к пострадавшему, я вам тут за полчаса органирую толпу журналистов с камерами. Посмотрим, как ваши хозяева на это отреагируют.

Робкие попытки охранников урезонить разбушевавшегося сотрудника медицинской службы неизменно сводились к нулю, а их скромные замечания по поводу того, что если и случилось бы происшествие на стройке, то они бы знали о нем в первую очередь, и вовсе игнорировались. Похоже, парни и правда были не при делах и просто пытались выполнять свою работу.

Внимание охраны сосредоточилось на проходной, и оставалась сушая безделица: перебросить через высокий, почти в три метра, забор сумку с оружием и снаряжением и перебраться самому. Однако, обжегшись на молоке, дуешь на воду, и прежде, чем начать штурм укрепления, Прохоров поднял с земли камень и легким движением перебросил на территорию стройки. Ничего не произошло, то есть абсолютно. Не взвыли сирены, не начали захлебываться лаем сторожевые псы,

не слышался топот ног и лязг снимаемого с предохранителей оружия. Однако один звук был — невнятный всплеск и какое-то невразумительное бульканье. Похоже, камень угодил в грязную лужу.

Подождав еще несколько секунд, Илья аккуратно перевалил сумку со снаряжением, а после и сам легко перепрыгнул, и еле сдержался, чтобы не выругаться. Да, это была именно лужа, огромная и чужеродная, так же, как и само здание небоскреба. Еще немного, и по ней можно было бы осуществлять судоходство. Ботинки и носки погибли, внутри обуви хлюпало. Увидев, как рядом приземлился Разумовский, майор ему только позавидовал. Лужа была та же, а вот обувь комфортнее. Где-то в районе бытовки с инструментами приземлился и Зельдин, и, похоже, тоже не сдержал чувств. Легкий матерок пронесся над стройплощадкой.

Пискнул наушник Кенвуда.

— Вы где, я уже дрон выпустил. Я вас толком и не вижу.

В эфир вышел Платонов и теперь, управляя хитрым летающим устройством со своего планшета, расположился с Алиной на втором этаже в кафе, в сухом и безопасном месте.

Илья поднял голову и заметил летательный аппарат, зависший на высоте пяти этажей от поверхности.

— Мы метрах в трехстах, рядом с бытовкой.

— Стоп, сейчас развернусь. — Админ, умело маневрируя командами, повернул своего робо-

та-шпиона. — Вижу, идут прямо к вам. Трое, все в рабочей одежде.

— Слушай, поборник высоких технологий из гумна и палок, тебе зачем дорогое оборудование доверили?

— Все, все. Произвожу анализ. Вы очки уже надели?

Илья поспешно спрятался за грудой бетонной крошки, и уже через миг Разумовский и лейтенант оказались рядом.

— Что там?

— Все чисто, нейрофонов нет. Чудиков с длинными тентаклями тоже не видать.

— У мусорщиков нет тентаклей, — попытался встрять в эфир Разумовский.

— Это роли не играет. Ни чудиков, ни тентаклей.

— Куда они идут? — Задал естественный вопрос Зельдин.

— Да к вам и идут.

— Точнее.

— Тут дорожка есть, они по ней к такой группе из синих вагончиков топают. Там вроде то ли раздевалка, то ли душевая.

— Принято, и на связь без причины не выходи.

— А вы метки на очках включите, и дрон за вами попрет. Я его вообще могу на автопилот поставить. — В эфире почувствовался легкий привкус обиды, но сейчас было не до сантиментов.

Бойцы, не сговариваясь, переглянулись и, оставив Зельдина охранять сумки, Разум и Илья ко-

роткими перебежками перебрались к раздевалке. Парней попытались сработать без шума и лишних травм. Требовалась нормальная маскировка, а просторные рабочие робы и толстые боты со стальными носами подходили много лучше, чем байкерская куртка Разумовского или потерявший всякую солидность костюм Ильи. Можно было, конечно, обзавестись подобным в любом строительном магазине, а потом просто обвалить в земле для большей реалистичности, но время поджимало, и решили действовать строго по обстановке. Как говорится, наглость — второе счастье. Все вышло даже лучше, чем ожидалось, и Илья, с каким-то наслаждением скидывая мокрую обувь, запихивал ее потом в нашедшийся рядом мешок вместе с испорченными костюмными брюками.

Место, куда направлялись рабочие, оказалось раздевалкой, так что по случаю получилось разжиться парой рюкзаков. Нашлись тут каски и защитные очки, под которые можно было без труда спрятать свои, тактические. Необъятные куртки из брезента легко скрыли перевязь с гранатами и складной АК с подствольником, а широкие карманы по паре семьдесят четвертых магазинов.

Единственная заминка получилась со средствами связи, но широкие воротники робы и подклад каски с легкостью замаскировали рации и головные телефоны. Для верности, чтобы бедолаг, с которых сняли одежду, сразу не хватились, пленников перетащили в соседнюю бытовку, которая, похоже, использовалась под склад поломанного

инструмента. Густой слой пыли и паутина на окнах ярко свидетельствовали о том, что данное помещение не пользуется особой популярностью.

— Двинули, — решил Прохоров и первым покинул убежище. — Тишина в эфире. Наша цель — верхний недостроенный этаж, а также три-четыре этажа под ним. Через минуту к главному входу неспешно шли трое работяг.

Снова ожил наушник.

— Эй, мастера перевоплощения. По курсу какая-то делегация из пиджаков, вижу несколько нейрофонов.

Прохоров шел впереди всех, стараясь не сгибаться под тяжестью рюкзака с боеприпасами. Дорога тройки пролежала по деревянному настилу, ведущему от бытовок к зданию, и сейчас, в пору обеда, тут было немногочленно. Проходя мимо ворот, Илья заметил, что скорой там уже нет, а парни на въезде чувствуют себя вполне расслабленными. Тактические очки также не показали наличия вражеского гаджета в головах.

Однако впереди, у главного входа в здание и правда оказалось многолюдно. Делегация человек из десяти, в основном азиатов, с интересом крутивших головой и с любопытством школьников поглядывающих на уродливое, больше похожее на исполинский початок кукурузы строение, цепляющееся своей верхушкой за облака, представители компании-застройщика, уже наши, и проворный переводчик и гид, лавирующий в этой причудливой компании и неустанно что-то бормочущий

на языке азиатских гостей. Порой он срывался на крик, однако не жестикулировал, ведя себя по мимике и жестам вполне сдержанно.

Язык резкий, неприятный.

— Это японцы, — охотно пояснил Зельдин, пристроившись рядом с майором и теперь старательно шагавший в ногу. Разумовский шел чуть позади, тоже стараясь не отставать. На его долю вышла транспортировка всего оставшегося боезапаса.

— Ты и японский знаешь? — подивился Илья, с опаской наблюдая, как доски под ногами опасно прогибаются и скрипят при каждом шаге. Под настилом хлюпала жидкая земля.

— Знаю. — Игорь согласно кивнул.

— И что же обсуждают самураи?

— Они сюда что-то поставляют. — Зельдин напряг слух. — Сухие смеси, бетон. Тут руководство компании. Говорят, что у них много филиалов по всему земному шару и с десятков производств в развивающихся странах вроде нашей. Вот, переводчик вступил. Обрати внимание, он с нейрофоном.

Илья перевел взгляд с земли на туристов, и с неудовольствием отметил, как электроника очков, исходя из данных, полученных с дрона, услужливо подсветила парня в длинном дождевике и резиновых сапогах, красной обрешеткой. Что уж говорить, подсказка знатная, Платонов и правда знал свое дело.

Прохоров понимал, что что-то тут не так. Никого из рабочих рядом не было, и похоже было, что

их просто отослали подальше, пока делегация важных гостей не закончит осмотр объекта.

Местный управляющий, или кто-то из высшего руководства подрядчика, видимо, заметив их, отделился и быстро двинулся в сторону тройки рабочих-недотеп в грязных робах.

— Вы что тут делаете, идиоты? — напустился он на них, сверкая лысиной и окутывая все вокруг ароматом дорогого одеколона, однако количество вылитого на себя парфюма превышало все разумные меры. Сказано было злобно, повелительно, с упором на последнее слово. Нейрофона у хама не оказалось

— Не понял, начальник? — парировал Прохоров. — У нас на верхотуре такелажные работы. Нам прораб все уши прожужжал про сроки, а сейчас ветер поднимается. Посбрасывает, нахрен, на вас с десятков швеллеров, вот будет радость.

Мужик побледнел и с ужасом уставился куда-то вверх, видимо, ожидая, что таинственные швеллера вот-вот рухнут на землю, похоронив его бизнес, связи и желтую делегацию одним махом.

— Так зачем же вы груз в подвешенном состоянии оставили?

— Так то не мы. Сами загнали в вечернюю смену гастеров, а им что, все едино, что в лоб, что по лбу.

При этих словах на лице чинуши отразился откровенный испуг, и он со страхом покосился на делегатов страны восходящего солнца.

— Тише, тише идиот. Совсем охренел! Я тебя запомню, как твоя фамилия, какая бригада? Ну, живо!

— Прохоров моя фамилия, — улыбнулся майор. — Из бригады Симонюка. Ну, так мы пошли швеллера крепить?

— Бегом!

Первые этажи здания уже были в финишной отделке и должны были с порога подавить сознание посетителя и напомнить ему о собственной ничтожности. Имперский размах, высоченные потолки, мраморные колонны, убегающие куда-то в небеса, огромный фонтан посреди всего этого великолепия, еще не подключенный, но с явной репликой скульптурной группы из Петергофа.

— Моя любимая композиция, — заметил Разумовский. — Самсон, разрывающий пасть писающему мальчику.

Пол, блестящий, отполированный, очевидно, должен был быть закрыт коврами дорожками, а пока, для того чтобы сиволапы не натоптали, дорожка к грузовому лифту была покрыта вытоптанной сотней ног картоном. Стойка рецепции пустовала, а вот кабинка с охраной, изящно завуалированная под беседку, с десяток журнальных столиков, да несколько огромных и явно неудобных для ожидания диванов, все еще покрытых защитной пленкой, тут уже имелись. В остальном было уныло и скучно, как в пещере дракона Смога, в которой в один момент пропало все накопленное золото. Выглядело все это настолько обыденно, что Илья в какой-то момент даже засомневался, по адресу ли они попали и не словил ли пеленгатор

Платонова какой-то сбой. Голос в наушнике тут же разрушил это ошибочное впечатление.

— Вижу охрану в будке. Все с нейрофонами. Выходите из зоны видимости, парни, постараюсь подняться как можно выше, но обещают ветер. Снесет мой дрон к чертовой бабушке до самого Хельсинки.

В будке охраны вострепнулись, и два крепких высоких парня в костюмах спешно перекрыли вошедшим дорогу.

— Вы кто такие?

— Мы тут дом строим, — вкрадчиво напомнил Зельдин вышибалам.

Бритые затылки неуверенно покачнулись в пространстве.

— Сейчас нет плановых работ. Обед, идите-ка восвояси, — почти по-дружески произнес старший, мужик уже в годах, явно бывший военный. Выправка и манера держаться намекали на то, что парень был в офицерских чинах и оказался на гражданке относительно недавно, став внезапно военным пенсионером.

— Нас старший послал. Вторая смена не закрепила материал на верхатуре, обещают шторм. Посыплется же, — нехотя протянул Илья, во всю отыгрывая старательного рабочего, которому и приказ руководства выполнить надо, но если его вдруг не пустит охрана, он совершенно не будет возражать.

— Так, стоять. — Молодой светловолосый парень с фигурой пловца, то ли нарушая суборди-

нацию, то ли имея больше полномочий, вышел вперед и преградил тройке диверсантов дорогу. — Я тут всех почти знаю, за месяц насмотрелся. Давайте-ка, ребята, ваши пропуска.

Вариант прохода нахрапом не сработал, и вся импровизация сыпалась как карточный домик.

— Да ты чего, парень, мы же в грязи, в рабочем, — подал голос Разумовский. — Пропуска в бытовке оставили. Нас прораб с обеда сорвал, вот мы и побежали. Слушай, ты ему лучше сам позвони да скажи.

— Кто ваш прораб?

— Симонюк.

— Нет такого прораба на стройке.

— Да я откуда знаю, может, что похожее. Мы с парнями сегодня первый день, с другого объекта нас сдернули.

— Ой, что-то много у вас всяких «но» и «если». — Парень настороженно прищурился, и рука его непроизвольно откинула полу пиджака, представив на всеобщее обозрение ремешок кобуры.

— Работаем.

Прохорову стало жалко офицера, и потому он ограничился одним четким ударом в солнечное сплетение, а вот наглый молодой человек получил двойной в челюсть и с множественными лицевыми переломами блаженно опустил на грязную картонку, да там и затих до выяснения.

— За пультом, за пультом один, — прорвал пустоту эфира истеричный вскрик Платонова.

Несчастный за пультом в будке охраны и правда был. Он застыл в недоумении, не ожидая такого поворота событий, и в какой-то миг даже потянулся к одной из кнопок на столе. Как только он вышел из тени, стало понятно: не успеть, и грех на душу взял Зельдин. Метательный нож, вырвавшийся из широкого рукава рубашки, серебристой молнией порвал серое пространство холла, чтобы погрузиться в глазницу. Тот затих, остановился, некоторое время еще стоял, скорее по инерции, а потом свалился на пол.

— К пульту, живо. — Прохоров бросился в беседку и склонился над управлением и мониторами. Система тут стояла импортная, дорогая, с хорошим качеством и ночным наблюдением, так что с ходу в ней мог разобраться только Платонов.

— Подключайся, проверяй. — Илья одним движением всунул флешку в пультовой компьютер, и на мониторе тут же принялись всплывать черные окна с белым текстом. В это время Зельдин и Разумовский оттаскивали поверженных трешеров из зоны видимости и, пристроив их в женском туалете, тщательно связали бойцов по рукам и ногам, снабдив их кляпами. Девичий санузел, в отличие от мужского, был все еще не оборудован, и коробки с японской сантехникой, выстроившись в ряд, покрытые тонким налетом извести и строительной пыли, свидетельствовали о том, что гости тут появляются не часто.

— Так, готово, — слышался довольный голос админа в эфире. — Это центральный пульт. Есть вроде еще что-то резервное, но сейчас не активно. Идет запись, но я сейчас все быстро подчищу, да так, что комар носа не подточит.

— Ты мне по делу говори, Радио Свобода. У нас уже один двухсотый.

— Кто? — В голосе админа прозвенела паника.

— Да не мы, противник.

— Ах это. — Паника сменилась облегчением. — Тут Алина переживает.

— Скажи ей, что все нормально, и по делу, по делу давай.

— Так, лифт вам нужен тот, что в глубине. Прямо по коридору, он на самый верх почти едет, до смотровой площадки. Это, кстати, и есть наша точка по координатам метки Феникса. Стоп, поправка, лифт не доезжает десять этажей. Почему, не понятно, но придется вам топать пешком.

— Может, сразу по лестнице?

— Ну, если тебя не смущает подъем на восемьдесят шесть этажей, то всегда пожалуйста.

— Смущает. Дальше вещай.

— Судя по отметкам пропусков, в здании сейчас порядка сорока охранников. На кой хрен надо столько народа в нестрое, пусть даже таком, мне не очень ясно.

— Это трешеры. Что-то еще?

— Движение на смотровой площадке, что-то крупное. Помехи на датчиках. Может, потому что аппаратура сбоит?

— На что похоже?

— На бурю в стакане, такой небольшой домашний шторм в пределах пары квадратных метров. Аномалия. И у меня для вас две плохие новости.

— Это какие?

— Ну, первая не такая уж и плохая. Лифт запускается только командой с этого пульта. Для подтверждения нужен магнитный ключ. Я бы его в карманах парней, которых вы уложили, настоятельно рекомендовал поискать. Будет пропуск, запущу лифт. Комар носа не подточит.

— А вторая?

— Делегация азиатов к вам топает. Радостные такие, отсюда не вижу, что говорят, однако очень воодушевлены.

— Твою ж ты мать. Далеко они?

— Метров триста сейчас от входа.

Прохоров метнулся в сторону туалета, где Разум и Игорь паковали пленников.

— Отбой, переодеваемся. Теперь мы местная охрана.

Пары минут хватило на то, чтобы сбросить облачение, еще несколько тревожных мгновений понадобилось на то, чтобы рассовать боекомплекты по углам и, привалив вход в женский туалет стремянкой, разместиться на позициях. Илья встал за пультом, устроив труп таким образом, что ни при каких обстоятельствах его нельзя было углядеть со стороны главного входа. Прятать мертвеца было уже поздно.

Одежда жала. Игорь, вставший рядом и придав лицу невозмутимый и чуть скучающий вид, тихо пожаловался.

— Ботинки жмут. Что они носят тут вообще? Тридцать шестой?

— Отставить ныть, — оборвал Илья лейтенанта, поправляя галстук. — Идут уже.

Разумовский, которому не подошел ни один из пиджаков, предпочел отсидеться в туалете, взяв с остальных обещание, что они никогда никому об этом не расскажут.

— Ну, меня же на смех поднимут, — стаскивая с себя треснувший на спине пиджак и отбрасывая его в угол, поделился Разумовский. — Я, почти меченосец, прячусь от маленьких азиатских туристов в женском ватерклозете. Позор!

Японцам явно понравилась претензия на монументальность. Они расхаживали по отполированной поверхности пола, щелкали фотоаппаратами, гомонили, создавая тот самый неповторимый шум уличного рынка. Прохоров стоял, наблюдая за всем этим балаганом, и совершенно не понимал их восторгов. Изначально здание планировали ставить ближе к центру, но администрация дала отбой, мотивируя это тем, что небоскреб будет уродовать вид на исторический центр города и портить всю картинку для отдыхающих и гостей северной столицы. После большого скандала место строительства было перенесено, однако проект остался таким же чужеродным и нелепым для Ильи, как,

скажем, деревянный сруб с баней, появившийся вдруг посреди Манхеттена.

Делегация прошла из конца в конец, снова послышался шум возбужденных голосов.

— Игорь, что они бормочут? — осторожно заинтересовался Илья у лейтенанта.

— Да, наверх хотят, на смотровую площадку, а гид и тот тип с потной лысиной, похоже, упираются. Я только японцев слышу, но они очень недовольны. Вот, гид пошел. Говорит, что сверху очень опасно сейчас, сильный ветер. Обещает показать завтра, а сегодня для всех банкет на теплоходе, и подарки в виде нейрофонов последнего поколения.

При этих словах гомон представителей страны восходящего солнца потерял агрессивность и перерос в доброжелательное бормотание. Азиатские коллеги были явно не дураки выпить и погулять на халяву.

Прикрытие сработало идеально. Прохоров и Зельдин не привлекли внимания земляков и японской делегации. К ним отнеслись как к предметам мебели, неотъемлемой части пейзажа, и только когда туристы почти вышли из здания, важный чинуша с редкими потными волосами на голове на секунду задержался, внимательно и с непониманием взглянув на Прохорова и сияясь, видимо, вспомнить, где же он раньше видел этого парня. К счастью для себя, чиновник потерял интерес к обслуживающему персоналу и устремился вслед за партнерами. На лице его явственно читались алчность и восторг.

Обеденное время подходило к концу, и следовало поторопиться. Очень скоро здание вновь должно было наполниться гражданскими, что никак не способствовало успеху операции. Платонов оказался прав. Первые два пропуска, в том числе и тот, что сняли с мертвеца, не подошел, однако последний, принадлежавший молодому и подозрительному сотруднику службы безопасности комплекса, вписался в план идеально, и очень скоро новые строчки кода побежали по мониторам.

— Пять минут, — объявил админ. — Сложно с экрана печатать, сейчас клавиатуру подключу, и будет вам билет класса люкс к самой верхатуре.

Тройка бойцов напряженно ждала, когда же двери лифта сработают, а Зимин уже успел перетащить и спрятать за пультом оставшееся снаряжение.

Прохоров не планировал вступать в бой вот так, с порога. Он отчетливо понимал, что даже будь его группа натуральными суперменами, то все равно преобладающая сила противника не позволила бы им переть напролом. Часы над входом, такие же массивные и нелепо большие, как и все вокруг, готовы были уже указать на двенадцать часов. Жирная стрелка, отсчитывающая минуты, коснулась последнего своего рубежа. Двери лифта все так же оставались закрыты.

— Ну что там, — нетерпеливо приплясывал на месте Зельдин, с опаской поглядывая на двери холла. Большие, стеклянные, сквозь которые отлично

просматривался, а заодно и мог простреливаться холл.

— Жди. — Прохоров хмурился, видя, как мелькают окна на мониторах пульта, бегут белые строчки на черном фоне, сыплется вал информации. В один момент вдруг все застыло, будто компьютер завис, и от этой мысли Илью прошиб холодный пот. Где-то позади звонко сработал зуммер, и под общий вздох облегчения двери лифта наконец распахнулись, гостеприимно пропуская бойцов внутрь.

— Грузимся. — Разумовский подхватил баул с оружием и первый бросился к лифту. За ним последовали Зельдин и позади, замыкая процессию, майор.

Двери закрылись плавно и неторопливо. Кабина пошла вверх так незаметно, что никто и не понял, когда началось движение, однако с каждым этажом скорость нарастала, и желудок предательски спазмировал. Лампочки на панели, над кнопками, слившись в сплошной столбик, стремительно неслись от нуля и до бесконечности, тревога пульсировала в венах. Состояние боевой паники, предшествующей катастрофе, все это слилось в одном молчаливом броске вверх. Дверь открылась. Никого.

Прохоров приготовился к худшему, поправил бейдж на пиджаке и шагнул в коридор. В ноздри ударил запах жженой изоляции. Неясный свет от нескольких ламп под потолком выдирает из темноты единственное светлое пятно. Тут же имелся

пост охраны, стол и стул, совершенно типовые, офисные, из тех, что на сдачу достались, однако само место было пусто.

На столе стояла кружка с остатками кофе, покосившаяся настольная лампа придавила основанием страницы журнала с кроссвордами. Толстый журнал, в котором, видимо, записывали всех прибывших на этаж, был аккуратно раскрыт на нужной странице, разлинованной от руки. Людей на этаже не было.

— Бред какой-то. — Зельдин прислушался, сясь расслышать хоть что-то. По сведениям Платонова, на этаже было человек сорок трешеров, точнее, по компьютеру числилось, что здесь прошли четыре десятка бойцов мусорщиков.

— Парни, я вас больше не вижу, — вдруг раздался слабый голос в рации. Ни дроном, ни с камер, ни по системе. Меня кто-то блокирует.

— Надо же, какая неожиданность, — скривился майор и начал распаковывать свою сумку со снаряжением. Пиджак полетел в сторону, вместо него грудь и спину прикрыл бронежилет. Несколько гранат на пояс, Калашников, вперед, только вперед.

Создавалось впечатление, что тройку уже ждали. Весь этаж, от одного конца коридора в другой, был совершенно пуст. Приветливо распахнутые двери пожарной лестницы вызывали опаску, но несколько лестничных пролетов вверх тоже были пусты, и только откуда-то сверху, если напрячь слух, доносился странный звук, больше похожий

на удар молота по наковальне. Уверенно и монотонно, бум-бум-бум.

— Что за бред?!

— Нам же лучше.

Вверх двинулись осторожно, чуя что-то непонятное и опасное, будто бритва. Темная лестница встретила прохладой. Ветер за высокими окнами рвал облака, город под ногами расстелился тканым ковром и казался сейчас каким-то двумерным и ненастоящим. Бум-бум-бум, неслось сверху. Молот и наковальня, молот и наковальня.

Второй этаж, такой же заброшенный и пыльный, как и тот, куда привез лифт, тоже встретил молчанием и темнотой. Новый лестничный пролет, и снова ничего, и вот оно, шарканье ног, переговоры, хрип рации, разрывающий тишину.

— Полста четыре, центральному пульта.

Свист, завывание эфира.

— Полста четыре центральному пульта, подтвердите готовность. Прибытие хозяев.

Прохоров прильнул к дверному проему, поднеся палец к губам. Зельдин молча вытащил из автомата магазин, взглянул на оголившийся патрон, встал назад. Сухо щелкнул предохранитель. Разумовский покачал головой и достал нож, проведя лезвием справа налево.

— Полста четыре, второму. Пост на первом этаже молчит. Вызвать землю?

— Второй пятьдесят четвертому, вызывайте землю, пост не регистрируется на мониторе. Нейрофонное молчание.

Вдруг наступила тревожная тишина.

— Полста четвертый, второму. На площадке движение.

— Движение исключено, — сухо поделился кто-то невидимый. — Санкции нет. Наблюдаю подъем личного состава поста на буферный этаж.

Дверь внезапно распахнулась, и красный луч фонаря полоснул по глазам. Однако Зельдин сработал быстрее, на инстинктах. Дернулся пистолет в руке, вспышка на миг озарила лестничную клетку, и человек в костюме, расправив руки будто крылья, упал лицом вперед и затих.

— Охренеть. — Прохоров, стоявший на линии огня, вытер крупные холодные капли пота со лба. — Они что, поодиночке ходят?

Коридор за мертвецом был пуст. Шуршание в рации усилилось, кто-то деликатно кашлянул, и в эфире раздался примирительный голос Карпова.

— Ты уже тут, Прохоров? Я знал, что ты придешь. Тебе ведь нужны ответы, тебе нужен Феникс, тебе нужна полная картина этого мира.

Илья пошел к мертвецу и, сорвав устройство с клапана кармана, прямо с куском материи, поднес его к лицу.

— Да, это я. Ваши хозяева прибыли. Верно?

— Верно, майор. — Карпов дружелюбно рассмеялся. — Это такой оборот речи, хозяйничать, прибирать к рукам, держать в порядке. Прибыли те, кто наведет порядок на этой земле.

— Так уж и порядок, — хмыкнул Прохоров, однако, внешнее веселье сменилось холодом внутри. План рухнул окончательно. Предстояло преодолеть несколько лестничных пролетов, поднимаясь наверх. Стратегически это был провальный ход. Трешеры ждали сверху, и совершенно непонятно, почему до сих пор медлили. Видимо, встреча мусорщиков была чем-то более важным, чем диверсанты в тылу.

Решив не дослушивать врага, Илья размахнулся и швырнул рацию в стенку. Прочный японский аппарат, не выдержав такого отношения, осыпался на ступеньки пластиковым крошечком.

— Вверх идти нельзя, — резюмировал меченосец. — Нас там расплющат, как жабу катком. Предлагаю вообще убраться с лестничного пролета, пока трешаки гранату не метнули.

— Мысль здравая. — Зельдин перешагнул через мертвеца. — Вот только нет ли на этаже сюрпризов?

Новые помещения снова были заброшенными, и патрульный, одинокий и потому мертвый, находился здесь только потому, что рядом была шахта лифта. Небольшая, предназначенная для доставки грузов. На этом этаже предполагался ресторан, а одна его площадка планировалась на самой верхотуре. Через гуртовой люк предполагалась доставка напитков и еды, приготовленной на местной кухне.

И снова пустота, полиэтилен на полу и упаковки с отделочными материалами, которые бог знает когда сюда попали.

— Платонов, — Илья вдавил кнопку на Кенвуде. — На смотровую площадку еще доступ есть, ну кроме как через пожарную лестницу и шахту лифта?

— Сейчас план здания подгружаю, — поделился админ. — Минуту дайте.

— Минуты у нас может и не быть, — возразил Илья, нервно прохаживаясь по скрипящим доскам пола и готовый в любой момент рухнуть вниз и открыть огонь по внезапно появившемуся врагу.

Бум. Бум. Бум. Снова с крыши, на этот раз еще более отчетливо.

— Сигнал бьется, — снова Платонов в эфире. — Есть вентиляционная шахта, но она узкая как черти что. Никто не проберется. Погоди, нашел, кажется.

— Что?

— Тебе не понравится.

— Давай уже. Сейчас тут будет жарко.

— Ну ладно. Вам на этаж ниже надо будет спуститься. Там напротив панорамного окна болтается строительная люлька. На таких еще окна моют в небоскребах. Она работает от электросети здания. Если вы ей вдруг решите воспользоваться, то комар носа не подточит.

— Дело говорит админ, — кивнул Зельдин. — За окном ветер воет, что-то сверху гремит. Трешеры и не заметят, как механизм подъемника включится.

Сказано — сделано. Новый пустой этаж встретил холодом и порывами ветра. Отсутствующие

секции панорамных окон, из которых была видна почти вся акватория залива, открывали доступ к стальной конструкции, привязанной тросами к стальным опорам. На конце каждой петли имелся замок, который Илья без труда сбил прикладом.

Схватившись за поручни люльки, Прохоров попытался что-то сделать и тут же отпрянул внутрь, хватая ртом воздух. Стихия за окном опасно разбушевалась. Грозовой фронт, окончательно заполнивший небосвод, принес с собой непривычный сумрак. Струи дождя били по лицу и рукам, воздуха в груди не хватало, рев ветра на такой высоте чуть было не лишил слуха.

— Туда только в скафандре, — прохрипел Илья, с омерзением вытирая мокрое от дождя лицо мокрым же рукавом пиджака.

— Которого у нас нет. — Разумовский сорвал с себя рубашку, обернув ею лицо, напялил поплотней тактические очки, закинул сумку со снаряжением через плечо на манер рюкзака и одним ловким движением оказался на раскачивающейся над бездной стальной платформе. Ухватившись получше, он что-то закричал, но ветер растерзал слова.

Пришлось последовать его примеру. Илья и лейтенант соорудили маски и, перебравшись наружу, некоторое время пытались привыкнуть к смене обстановки. Именно так мог выглядеть ад в представлении некоторых конфессий, разве что температура там предполагалась повыше.

Прохоров никогда не думал, что имеет какую-то фобию. Он прыгал с парашютом, ходил по краю крыши, забирался на гору вместе с альпинистами и прыгал с тарзанки, однако высота башни и ветер в ушах заставили уважать себя. Мощь стихии и восторг инженерной мысли, жуткий сплав силы и амбиций мог подавить кого угодно.

Платформа дернулась, поехала вверх. Это Разумовский разобрался с простеньким пультом управления. Илья еле успел сбросить крепежные тросы. Этаж за этажом, сантиметр за сантиметром, стальная платформа уверенно ползла, иногда неприятно покачиваясь под особенно сильными порывами ветра. Руки сводило от холода, зубы стучали барабанной дробью, рискуя раскрошиться, одежда вымокла так, что хоть отжимай, однако все это были мелочи. Показался край смотровой площадки, несколько труб, голова трешера. Человек смотрел куда-то в сторону, совершенно не обращая внимания на происходящее.

Прохоров прицелился в голову врага, однако нажимать на спуск не спешил. Парень стоял так, будто и не бушевал вокруг ветер, не рвал небеса в клочья, не стремился наполнить все вокруг тоннами воды из облаков.

Подъем закончился так внезапно, что что-то вокруг изменилось. Илья обернулся, глядя, как под ногами расстилается город, кашлянул в кулак через плотную ткань пиджака и понял, что рева стихии больше нет. Тишина и спокойствие царили

на смотровой площадке, и, что самое интересное, поверхность ее была совершенно сухой.

Рявкнул АК, Зельдин срубил двух бойцов на выступе, прямо над странным сооружением, из которого доносился тот бухающий звук. Один из них, переломившись пополам, так и рухнул вниз, сжимая в руках винтовку. Второй осел на стальное покрытие площадки невзрачным серым кулем.

Взвизгнула сирена, град пуль заставил вжаться в поверхность. Светошумовая граната из руки Разума ушла в толпу, грохнуло, снова огрызнулся автомат, на этот раз в руках у лейтенанта. И вдруг все снова затихло, затаилось перед броском.

Прохоров мотнул головой, сорвал очки и, зачем-то отшвырнув их в сторону, ударил ногой странную флуоресцирующую тварь, похожую на гигантского уродливого земляного червя. Тень, вдруг накрывшая площадку, окончательно закрыла ее от робких лучей солнечного света, еще пробивавшихся сверху, и вместо них принялись вспыхивать один за другим странные создания, расцветив крышу причудливой цветовой мозаикой. На какой-то момент Илье показалось, что он попал внутрь калейдоскопа. Растения, вот уж чего он не ожидал, стелились по земле, оплетая строение и, о ужас, большой гидравлический пресс. Люди в камуфляже подтаскивали к прессу какое-то причудливое оборудование, в горе которого майор разглядел и большой деревянный ящик с Фениксом, тот самый, который он помо-

гал грузить в кузов автомобиля на даче покойного Краша.

Тут же стояли трешеры, прекратив всяческое сопротивление. Лица их были бледны, взгляды пусты и стеклянны. Безвольные руки людей уже не удерживали оружие, и то валялось под ногами, и только четверка в камуфляже все еще сохраняла какую-то способность двигаться. Очередное устройство улетело в пресс, и парень, отправивший его туда, нажал на какой-то рычаг. Бум, бум, бум, разлилось вокруг.

Это была другая реальность, другой мир, осколок чужого обиталища. Звуки, цвета, даже воздух, наполняющий легкие, казался каким-то чужеродным и неправильным. Однако не это было самое странное. Вы когда-нибудь видели озеро, парящее в воздухе? Странная аномалия, которую засек с земли Платонов, висела в воздухе, отставая от крыши едва ли на десять сантиметров. Волны, расходившиеся в разные стороны, чертили в воздухе причудливые, хорошо различимые узоры, менялись в странной пляске, то вздымаясь в панике и злобе, то опадая в апатии. И с настроением аномалии менялось все вокруг. Трешеры оживали, потом снова уходили в себя, погружаясь в этот странный летаргический сон. Причудливые листья на странных растениях с каждой волной колыхались, будто попадая в порыв воздуха. Светящиеся твари, бесформенные, вытягивающиеся и сужающиеся, выворачивающиеся наизнанку или вдруг

сходящиеся в один тугой пульсирующий шар, меняли интенсивность свечения.

Разумовский лежал за горой из кирпича, с ужасом и придыханием наблюдая за странными светляками. Прижимая к груди автомат, лейтенант щурился, переводя ствол с одной группы соляных фигур, на другую. Картинка поплыла, ожив, сменив цветность, кусками впуслав реальный мир в эту фантазмагорическую утопию, и Прохоров с ужасом почувствовал, как что-то холодное уткнулось ему в затылок.

Трешеров-кукол больше не существовало. Бойцы были окружены со всех сторон десятками наймитов мусорщиков, и их оружие хищно и нетерпеливо поглядывало на свои жертвы, в любой момент готовое разразиться свинцовым дождем. И только люди у пресса, и аномалия в самом центре смотровой площадки остались неизменными.

— Прохоров, это так банально. Простейший инструмент наших друзей так запутал вас, что вы застыли как идиоты. — Блондин смотрел на Илью, и лицо его исказилось маской злобы и торжества. — Вы так просты, так слабы в своем невежестве. Достаточно показать вам краешек прекрасного мира наших друзей, как вы впадаете в ступор.

На тройку навалились скопом, вывернули руки, лишили оружия, и вскоре Прохоров, Зельдин и Разумовский лежали на полу, связанные по рукам и ногам. Из ниоткуда возник Карпов, что-то шепнул блондину, тот радостно закивал.

— Готовьтесь, — вымолвил он так пафосно, как только мог.

— К чему я должен готовиться? — Илья сплюнул набежавшую в рот кровь, сочащуюся из разбитой губы, и плевок благополучно приземлился на ботинок альбиноса. Тот оскалился и носком ботинка ударил Илью под ребра. Острая боль пронзила живот, в глазах заплясали кровавые круги. — Квиты.

Прохоров распрямился и, привалившись к трубе вентиляции, встретил непонимающий взгляд Разумовского.

— Было дело, — прохрипел он. — Я не в претензии, но это первый и последний удар от тебя, блондиночка.

— Идут! Идут! Идут! — эхом пронеслось по крыше.

Все взгляды обратились к колышущемуся озеру, и наступила такая противоестественная тишина, что, если прислушаться, можно, наверное, было услышать удары сердца стоящего рядом человека.

Тварей оказалось трое, и они совершенно не маскировались. Может быть, эти мусорщики не умели скрываться или не сочли нужным набросить на себя маскировочную личину. Они проходили один за одним, как бы просачиваясь в этот мир, материализовываясь, перемещаясь как жидкость в сосуде, и вскоре первая лапа грузно опустилась на землю, затем вторая, и странное существо с треугольной головой и россыпью голубых глаз, выставив вперед грудь в толстых роговых пластинах, уверенно

шагнуло к пленнику. Росту в нем было метра под три, а то и больше, и если нижние конечности чудовища еще хоть как-то походили на человеческие ноги, то передние, неестественно длинные, больше походили на костяные пики. Глаза, живые, внимательные, смотрели пристально и требовательно, казалось, что существо давно знает тебя, отлично понимая все твои терзания и потаенные страхи. Эта россыпь глаз, пугающая и отталкивающая, вводила в транс, гипнотизировала, и только чудовищное усилие воли не позволило Прохорову попасть под его чары. Глаза у уродца были василькового цвета. Следом шагнула еще одна тварь, гораздо меньше в размерах, и если бы Прохоров мог знать, есть ли у мусорщиков пол, то принял бы ее за женскую особь. Более изящная, с невероятным количеством наростов на голове и тонкими, почти шилообразными передними конечностями, удар одной из которых почти наверняка способен был проткнуть человека насквозь, пригвоздив его к поверхности, как булава мотылька. Следом за ним шагнул еще один чужой, да такой, что бетонные блоки под его лапами дрогнули. Больше всего к нему бы подошло определение — танк. Все те же пластины, которыми покрыто тело, россыпь гляделок неприятного болотного цвета, несколько горизонтальных прорезей в роговом наросте в том месте, где у человека должен быть рот. Но размеры! Существо показалось Прохорову исполинским. Тяжело нависая над собравшимися, оно поворачи-

вало свою шею, из-за чего раздавался странный щелкающий звук.

На лицах трешеров отразилось омерзительное по своей силе обожание. Люди, столпившись вокруг, протягивали руки, бормотали, кто-то вдруг заплакал навзрыд, однако тройке было не до своих рабов. Вышедший первым, вновь шагнул к пленникам, и бойцы расступились, давая своему хозяину пройти.

— Вот никогда бы не подумал, — тщетно пытаясь сдержать дрожь в голосе, поделился Зельдин, — что приму смерть от инопланетного таракана.

— Господа офицеры, — поделился Разумовский, — было приятно с вами работать.

Существо снова шагнуло и, наклонившись над Прохоровым, повело башкой.

Голос мусорщика буквально возник в голове, материализовавшись, будто по волшебству. Слова были отрывистые, с неправильным ударением. Зачастую шипящие преобладали, из-за чего было похоже, что в черепе засела ядовитая змея.

— ЧЕЛОВЕК. ТАК ВЫ СЕБЯ НАЗЫВАЕТЕ.

Слова сложились в фразу, тихо и без интонаций. Не понятно было, утверждение ли это или вопрос, настолько нейтрально это было «произнесено».

— Ты можешь говорить на русском? — Илья на секунду даже позабыл об острой боли в животе. Похоже, мерзавец альбинос что-то повредил своим ударом.

— НЕ КРИЧИ. — Треугольная голова вдруг мотнулась, и россыпь глаз мусорщика на миг превратилась в сверкающую грудку драгоценных камней. — ДУМАЙ. МЫСЛЬ — ГЛАВНОЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ.

Прохоров скрипнул зубами от бессилия. Похоже, их просто заманили, оставив на крыше чертов Феникс как приманку для крыс, и он, как этот тупой грызун, попался в ловушку, а заодно привел сюда своих друзей.

— ТЫ ПОНЯЛ ПРАВИЛЬНО.

Тварь читала мысли. От нее нельзя было спрятать ничего.

— Что тебе надо?

— ЛЮБОПЫТСТВО. МЫ ПОБЫВАЛИ ВО МНОГИХ МИРАХ. ВЕЗДЕ СЛОВО.

— Какое?

— КАРТУМ. БАРАЛ. ИЛЛИШАН. СВОБОДА. ЧТО ЕСТЬ СВОБОДА ДЛЯ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК?

Илья вдруг понял, что проиграл в самом начале боя. Он совершенно не мог передать мысленно, или словесно, определение самого светлого и правильного, того, что по праву рождения принадлежало каждому жителю планеты. К свободе он относился как должному, неотъемлемому праву, как к воздуху в легких или наступлению нового времени года. Звезды вспыхивали на небосклоне, как только на планету опускалась ночь, солнце растапливало снежные шапки ледников, и те, устремляясь потоками, наполняли реки. Листья на деревьях появлялись весной, а дети рождались

после секса. Свобода всегда была, как волосы на руках. Странная и непредсказуемая, и вроде бы такая обычная и скучная. Свобода. Что для тебя свобода?

— Врешь. — От обиды внутри неприятно за-свербило. — Свобода это воля, это собственные желания, это трепещущий на флагштоке стяг твоей страны, — горячо заговорил Прохоров, забыв, что ему приказали молчать и только думать. — Свобода — это высоко поднятая голова, это возможность выбора, пусть даже выбор этот и ошибочный. Свобода — это то, без чего человек уже не человек, а зверь, загнанный в клетку, и клетка эта есть нейрофон.

— ТЫ ПЫЛОК, ЧЕЛОВЕК. ТЫ ПРОЯВЛЯЕШЬ ЭМОЦИИ. ТЫ СЛАБ, И Я МОГУ ДАТЬ ТЕБЕ СИЛУ. ТЫ СТАНЕШЬ САМЫМ МОГУЩЕСТВЕННЫМ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ. МОЖЕШЬ СТАТЬ КЕМ УГОДНО. КОРОЛЕМ. АНГЕЛОМ. БОГОМ. ВЛАСТЬ, ЧЕЛОВЕК, — ЭТО ТО, ЧЕГО У МЕНЯ В ИЗБЫТКЕ И ЧЕМ Я МОГУ С ТОБОЙ ПОДЕЛИТЬСЯ. ЗАЧЕМ ТЫ ВОЮЕШЬ, УБЕГАЯ ОТ НЕИЗБЕЖНОГО. ВСЕ УЖЕ РЕШЕНО.

— Ничего не решено, — захрипел Илья, чувствуя, как ярость застит глаза. — Ничего не решено. Пока есть на этой земле люди, которым не по нраву стоять на коленях и плясать под дудку тварей вроде тебя и твоих мерзких дружков, вопрос свободы остается открытым.

Мусорщик пожал плечами, снова затрещали пластинчатые наросты, и в дело вступила малень-

кая тварь. Приблизившись к Прохорову, она уставилась на него всем своим сонмом глаз, пристально и с буквально ощутимой неприязнью. Илья почему-то уверен был, что перед ним именно самка. Морда ее была настолько близко, что майор мог различить каждый микроскопический нарост, каждую щелочку в пластине, каждую каплю биологической жидкости на теле существа. И вдруг мусорщик ударил, два тонких костяных стилета вошли в тело Прохорова. Один пришелся в левую часть груди, пронзая легкое, второй чудом прошел мимо сердца. Пронзившая тело боль оказалась нестерпима. Тело взвыло каждой своей молекулой, Илью выгнуло дугой, да так, что затрещали ребра. Тварь вздернула Прохорова над собой, будто тряпичную куклу, поднесла консультирующего человека к морде и, легко освободив конечности, сбросила его на пол.

— Ублюдки! — зарычал лейтенант, тщетно ерзая. Бессилие, скованные руки и ноги не позволяли даже дернуться толком, и это приносило не меньше страданий, чем открытая рана.

Илья уже ничего толком не слышал. Кровопотеря, болевой шок. Отчетливо пришло понимание того, что теперь он умрет, отвратительно и мерзко, от конечности ужасной твари, перед которой вскоре встанет на колени вся страна, затем континент, а после и земной шар. По малейшей ее прихоти люди уверуют вдруг во что-то, станут собираться в толпы, идти в сторону обрыва и прыгать головой

вперед, а может, и начнут грызть друг друга, как дикие звери.

Мораль будет поправа, хотя нет, просто изменена. Игра, вот что предлагали уроды, самая реалистичная и самая доступная, за крохотные по нынешним меркам деньги. Потрясающая игровая реальность будет способна собирать под свои знамена толпы людей. Игровые армии, сходясь на поле боя, будут проливать кровь, убивать и калечить, и самое печальное, что их это совершенно не будет волновать. Это ведь игра, и не будет его, или меченосцев, чтобы убедить одурманенного в обратном.

Илья не слышал, как меченосцы взламывали дверь, как несколько групп бойцов врываются на крышу с разных сторон, беря мусорщиков и трешеров, их прихвостней, в кольцо. Не видел майор, как одна за другой гранаты ложатся в цель, сначала неуверенно, потом еще один боец, еще, и вот уже град осколков пытаются пошатнуть захватчиков. Не видел Прохоров и того, как те дрогнули, попятись, не слышал рева винтов боевого вертолета, прорвавшего облака и, изрыгая свинцовый огонь, идущего на сближение. Не смог увидеть Илья, как дрогнули, побежали чужие, потеряв все свое величие и безразличность, прыгая в свою аномалию. Как та сияла и выворачивалась наизнанку, а потом просто растворилась в воздухе. Как истончились и перестали материально существовать фосфоресцирующие исчадия ада, сжимались и превращались в прах листья.

Не застал Прохоров и тот момент, когда меченосцы валили трешеров на землю, пеленали по рукам и ногам, держали иных, что порывались прыгнуть с крыши в момент отчаяния и бессилия. Майор умер.

Илья помнил из журнальных статей, книг, фильмов, что, когда умираешь, попадаешь в некое чистилище, откуда путь либо в кущи обетованные, либо напрямик на сковороду к чертям. Предстояло увидеть яркий свет, тот самый пресловутый выход из тоннеля, а за ним благодать и покой, тот самый, вечный. Помнил он, что перед смертью, перед тем, как сердце окончательно остановится, перестав качать кровь, легкие, замершие в последнем спазме, перестанут снабжать организм кислородом и наступит смерть мозга, окончательная и бесповоротная, вся жизнь от начала и до конца обязана пролететь перед глазами.

Не было ни того ни другого. Просто тьма и холод, и неприятное ощущение по всему телу. Боль отсутствовала, не было слышно звуков, движение воздуха тоже не ощущалось. Чувства начали возвращаться постепенно, будто кто-то неведомый включал рычаги, один за другим. Боль, как обычно, пришла первой, но что-то ее сдерживало. Может быть, то, что по привычке уже, освоился, сроднился с этим чувством, а может, кто из доброхотов и вколол что обезболивающее страдальцу. Затем вернулись и тактильные ощущения, почему-то

еще более странные и неприятные, чем болевые. Следом пришел слух. Он подкрался осторожно, как кошка на мягких лапах. Что-то вокруг происходило, но все было настолько неясно и глухо, будто бы голову обернули несколькими слоями ваты. Зрение вернулось последним, как загулявший подросток, который пришел под утро и теперь пытается осторожно пробраться в собственную комнату, в обход суровых родителей.

— Ну вот, а вы говорили. Все с ним нормально будет. — Звук вдруг стал резче. Незнакомец в голове, дежуривший за рычагами чувств, явно подкрутил ручку громкости, и радостный голос Разумовского превратился в набат.

Снова тишина, почти смерть.

На больничной койке Прохоров провел почти два месяца, и нисколько об этом не пожалел. Врачи буквально достали его с того света, однако отработала вся команда. Вертолет спасателей доставил до ближайшего госпиталя, а медики на борту попутно проводили все реанимационные мероприятия, и даже несмотря на страшные колотые раны, кровоизлияние и порванное легкое, Илья выжил и уверенно шел на поправку. Пришлось перенести несколько операций, потом пытаться ходить, придавая мышцам былой тонус.

Алина дежурила у кровати первые две недели, спала на кушетке в коридоре. Зимин и Аллилуев ходили по очереди, справляясь о больном, носили

цветы и фрукты. Ни то ни другое в палату так и не попало. Иногда появлялся Разум, шутил, балагурил, его отлично было слышно из коридора. Он заглядывал через дверь, с тоской обозревал аппараты и повязки и быстро исчезал, пряча во взгляде печаль. Однако один разговор все же у Прохорова состоялся, и был он ровно тогда, когда тот во второй раз пришел в себя.

— Тише, лежи. — Координатор опустился на стул. Пахнуло одеколоном и крепким трубочным табаком.

Прохоров попытался криво усмехнуться, но даже это у него вышло с трудом.

— Я вот что пришел сказать. Ты выживешь, можешь даже не беспокоиться. Мы заботимся о своих, и к твоему лечению я лично привлек лучших медиков страны. Останется пара шрамов, будет долгая реабилитация, но будешь плясать как огурчик. Свадьбу еще со своей Алиной сыграешь. Кстати, боевая девица, вцепилась в тебя, как бультерьер в ягодицу. Еле уговорил уйти поспать. Ты за нее держись, Прохоров. Хорошие бабы, они нынче редкость.

— Вы же не только это пришли сказать, не восхититься вкусом на заднице, — постарался пошутить Илья, но вышло это как-то неловко. Слова будто вываливались изо рта.

— Нет. Не только. — Куратор встал и, подойдя к окну, плотнее задернул шторы. — Неприятная штука вышла. Твои ранения нанесены с хирургич-

ческой точностью. Тебя не хотели убивать. Даже крупные сосуды тварь не задела. Чистые уколы, хоть и выглядят неприятно. Наши враги отлично знают человеческую анатомию.

— Я почему-то в этом не сомневался. Что с альбиносом и Карповым? Они важны. Блондин особенный трешер, его стоит изучить. Карпов идейный, опасный, острый на язык.

— Карпова не взяли. — Координатор покачал головой. — Пуля ему в голову пришла, возможно, даже от своих. На крыше был такой бой, что теперь год не отмоемся. Только связи пока и спасают. А вот твоего финна взяли.

— Он такой же мой, как и твой.

— Согласен. — Мужчина кивнул. — Он сейчас на базе, в специальной комнате. Ты удивишься майор, но только Феникс смог заглушить.

— Вы взяли оборудование? — Эта новость придала сил, и Илья смог даже развернуться к говорившему.

— Да, взяли. И много чего еще. В том числе и документы, несколько электронных файлов операции «Тестирование». Я давно уже об этом догадывался, но мусорщики смотрят глубже, и как ни неприятно это говорить, они нас обыграли вчистую. Все, что происходило последние несколько дней, это не что иное, как тестирование нового нейрофона. Теперь он станет еще более защищенным, активным, агрессивным и отвратительным одновременно.

— Тогда наши старания были зря. — Илья ощутил, как сожаление больно укололо его в грудь, хотя это могли быть и последствия его активности.

— Совсем нет. — Координатор вдруг довольно кивнул. — Феникс оказался очень полезной штукой. Раньше нейрофон ничто не брало. Бетонные стены, горы песка, железные ангары, все этой мрази было нипочем, и тут такой подарок. Мы можем теперь много, очень много. Ты даже не представляешь, насколько твой отчаянно глупый поступок по самостоятельному штурму логова мусорщиков продвинул нас к конечной цели.

На восстановление пришлось потратить еще полгода, и за это время ситуация резко ухудшилась. Нейрофон шагал по планете, беря без боя города и страны. Люди сами бросались в объятия этой новой игрушке, с удовольствием предпочитая виртуальную жизнь реальной. Были, правда, и отщепенцы вроде Прохорова, Зельдина или Аллилуева, решившие уйти в подполье и, отринув все блага цивилизации, перейти на нелегальное положение.

В убежище Меченосцев Илья теперь чувствовал себя как дома, однако несколько дверей на том самом этаже, так и остались для него тайной за семью печатями. Он не раз спрашивал у остальных, но те либо не знали, либо не хотели отвечать, однако одно было ясно: это было что-то среднее между медицинским изолятором и тюрьмой. От-

дельную его часть отрядили под специально оборудованные камеры, в которых находились пленные трэшеры. Оказалось, не все они хотели беспрекословно выполнять приказы монстров. Одни попали под влияние по глупости, другие из-за любопытства. Нескольким нейрофон был насильственно вживлен, и только освободившись от его влияния с помощью Феникса, пленники вздохнули спокойно. Много было рассказано, многое записано и протоколировано, но порой объяснения казались такими невероятными и сказочными, что даже добряк Разумовский относился к ним с подозрением. Протоколы допросов пухли, превращаясь в толстые тома, но ясности они так и не принесли.

Как-то вечером Илья спустился на тюремный этаж, махнул охране на входе и осторожно ступил в длинный коридор с бесконечным количеством дверей. Пройдя сотню метров, он остановился около одной, сверился с номером и записями на листке бумаги, а потом осторожно открыл крохотное смотровое окошко.

Посреди камеры, белоснежной, обитой по стенам мягким войлоком, в инвалидной коляске сидел Джасси. Когда Феникс заработал, то организм снова отказал, и он вновь стал инвалидом. Передвигаться без посторонней помощи он не мог, справлять нужду тоже, и потому несколько раз в день к нему заходил охранник и санитар и помогали с гигиеной. Кормили пленников весьма

неплохо, трехразовое питание также доставлялось исправно, с общей кухни, и сейчас на столике перед альбиносом стоял поднос. К еде он так и не притронулся. В дальнем углу, привинченная ножками к полу, так же, как и вся остальная мебель, стояла заправленная койка, на которую было демонстративно вывернуто содержимое утки. Из окошка пахло потом и фекалиями.

Джасси похудел, осунулся и, казалось, стал меньше, так его размазало ощущение вновь приобретенной физической ущербности. Черные круги под глазами, воспаленные веки, длинные немытые волосы и мятая больничная рубаша превращали его в какого-то безумца или мученика. Услышав, как отодвигается задвижка, альбинос взглянул на дверь и, узнав Прохорова, буквально затрясся от ненависти. Злоба, неприятие, негатив, вдруг возникший в воздухе, можно было чуть ли не почувствовать физически.

— Ты снова пришел, — произнес он, немного успокоившись. — Издеваться будешь?

— Нет. — Илья пожал плечами. — Узнать хочу, все ли у тебя хорошо, всего ли в достатке.

— А ты не видишь, не видишь? — Переходя на истеричный визг, Джасси схватил свои обездвиженные нижние конечности и, приподняв их, с силой опустил на подножку. Коляска протестующе скрипнула. — Вот что мне дала твоя гребанная свобода! Вот! Ты доволен?! С чего ты вообще решил, что кому-то из наших нужно твое спасение?

Если бы ты не поперся на небоскреб, не ушли бы хозяева. Они лишили меня ног в наказание, за предательство. Я, я навел тебя на них.

Альбинос нес какую-то несусветную чушь. Если и раньше у него были проблемы с психикой, то теперь они усугубились. Илья смотрел на эту истерику и хмурился все больше и больше, а потом достал из кармана пневматический пистолет и нажал на спусковой крючок. Дротик впился Джасси в шею, тот замер на секунду и обмяк, глаза его остекленели, но до последнего момента, пока он не погрузился в крепкий сон, в них оставался отпечаток безумия и страха загнанного в угол зверя.

У нейрофона и правда оказалась уязвимость. После воздействия Феникса паразит не мог оправиться еще несколько часов, и эти недолгие мгновения люди находились в здравом уме и отлично понимали, что происходит. Прежде чем перевезти пленников в тюремный блок на базе, машина с трешерами немало поколесила по области. Как только нейрофон снова выходил на связь с чем-то, что управляло им и давало приказы его носителю, индивида можно было вычислить. Приходилось снова включать прибор, и только после его недолгого воздействия продолжать путь.

Модернизированным устройством подавления сигнала, а именно МУП-Ф, теперь были оснащены все автомобили меченосцев, и именно один из таких авто выехал через час с базы. За рулем сидел Прохоров, крепко сжимая в руках рулевое колесо, а на заднем сиденье мирно спал альбинос. Лицо

его было расслабленно, на нем больше не отражалась злоба и безумие, погрузившись в медикаментозные грезы, он перестал быть тем фанатичным чудовищем, которым являлся до этого момента. Доза снотворного, предназначенного для того, чтобы скрыть местоположение базы от чужих глаз, была рассчитана на десять часов, и все это время Илья гнал автомобиль по шоссе, не позволяя себе остановок. Глушилка уже не работала, и с телом Джасси начали происходить волшебные метаморфозы. Ноги вдруг ожили, начали подергиваться. Устройство порабощения и подчинения с легкостью делало с организмом носителя то, что не смог сделать ни один врач на этой планете. Альбинос вновь становился физически здоровым.

Когда время вышло и действие наркотика готово было закончиться, майор устало протер глаза и, свернув на обочину, остановил автомобиль. Вокруг был лес, зеленый, пахнувший прелой листвой и свежестью, в этот утренний морозный час, когда лужи уже сковывал первый лед, дорога была пуста и безлюдна.

Покинув салон, Илья вытащил из багажника спальник и, расстелив его на мхе под огромной старой сосной, перенес туда все еще спящего Джасси. Затем Прохоров вновь вернулся к багажнику, покопался в нем и вытащил истрепанный комплект одежды, все, что ему удалось достать. Рубашка, истертые брюки, ветровка с рваным карманом да выдавшие виды старенькие кроссовки. Подумав немного, Илья положил в карман рубашки

тысячерублевую купюру. Развернувшись, он встретил взгляд бывшего пленника. Альбинос сидел на спальнике и не отводил взгляда от своего врага.

— Убивать будешь? — поинтересовался он почти с надеждой.

Прохоров размахнулся и, швырнув одежду в сторону альбиноса, пожал плечами.

— Я солдат, блондинчик, и не нападаю на безоружных. Я отпускаю тебя, Джасси. Беги в объятия своего рабства. Но есть у меня одно условие.

— Какое? — Осознание того, что он может двигать ногами, придало блондину сил, и тот, вскочив со спальника, поймал на лету одежду.

— Ты все равно умрешь, так хотя бы умри достойно.

— Ты меня отпускаешь, майор? — В голосе финна все еще имелась нотка недоверия. — Приобретаешь врага. Я найду и убью тебя, Прохоров, и не жди от меня такого показного благородства.

— Я облегчу тебе эту задачу. — Илья устало улыбнулся. — Когда ты будешь слушать эфир, ищи позывной «Феникс». Это и буду я, и как только ты будешь готов, приходи. Мы сойдемся в честном бою, и я стану для тебя палачом.

Илья стоял, прислонившись к крылу автомобиля и наблюдая, как спешно удаляется худая фигура его теперь злейшего врага. Вражды Илья не искал, однако понимал, что зверя держать в неволе нельзя, а Джасси был именно таким зверем. Альбинос бы покончил с собой или просто умер от чего-то еще, однако воля давала ему ту самую свободу,

о которой Прохоров так пылко говорил на крыше. Это был его выбор, и если он согласен был быть рабом, то и правда была его.

Илья понимал, что по голове его не погладят, и готов был к разносу Координатора, однако что-то внутри него подсказывало, что поступил он правильно. Снова сев за руль, майор завел двигатель, стронул его с места и, круто развернув, вновь погнал по шоссе. Впереди был трудный день, и он к нему был готов. За рулем больше не было Ильи Прохорова. По шоссе, выжимая из мотора все силы, утопив педаль акселератора в пол, мчал Феникс.

Литературно-художественное издание

ГАДЖЕТ

Жеребьев Владислав Юрьевич

ГАДЖЕТ. ВОЙНА ФЕНИКСА

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*

Руководитель направления *В. Чекунов*

Выпускающий редактор *А. Калябина*

Технический редактор *О. Серкина*

Компьютерная верстка *Е. Кумшаевой*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.10.2017. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3000 экз. Заказ 1090.

ISBN 978-5-17-106045-9

9 785171 060459 >

BOOK24.RU

BOOK24.RU

Начало экспансии «мусорщиков». Выброшенный на рынок нейрофон завладел умами людей, распространяясь по планете, как эпидемия.

Люди не видят разницы между реальным и виртуальным мирами. Границы этики и морали готовы рухнуть. Миру грозит хаос. Небольшая группа инженеров, программистов и ученых объединяется для создания устройства, способного подавить нейрофон. Необходимо лишить гаджет связи с миром и освободить попавших в виртуальное рабство людей. Но идейные вдохновители и исполнители начинают гибнуть один за другим при невыясненных обстоятельствах. Майору Прохорову предстоит распутать это странное дело. Сам того не ведая, он вступает в опасную и кровавую игру.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-106045-9

9 785171 060459

